

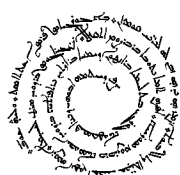
ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 2 (25) 2017

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 2 (25) 2017

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2017

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 2 (25) 2017

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2017

CONTENTS

No 2 (25) 2017

Maria Bezenova. The “Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language” (1891): nominal morphology	7
Ekaterina Lyutikova. Agreement, case and licensing: Evidence from Tatar	25
Yulia Normanskaya, Ramil’a Karimova, Zarema Ekba. Is V. V. Katarinski the author of the first Cyrillic Bashkir-language book?	46
Gulkay Samirkhanova. Satirical and humorous in the works of Rashit Nazar	53

DISCUSSIONS

Josefina Budzisch. On the non-possessive use of possessive suffixes in Central and Southern Selkup	58
Nadezhda Fedotova. On the order of the personal-possessive declension suffixes in the Selkup language	67
Style sheet	79

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2 (25) 2017

М. П. Безенова. Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке (1891) (Ӗеч кылъёс. Святой Тихонлэн ӗечлы дышетэм кылъёсыз): именная морфология.....	7
Е. А. Лютикова. Согласование, падеж и лицензирование: данные татарского языка	25
Ю. В. Норманская, Р. Н. Каримова, З. Н. Экба. В. В. Катаринский — автор первой кириллической книги на башкирском языке?	46
Г. Х. Самирханова. Satirical and humorous in the works of Rashit Nazar	53

ДИСКУССИИ

Й. Будциш. О непосессивных употреблениях притяжательных суффиксов в центральных и южных диалектах селькупского языка	58
Н. Л. Федотова. К вопросу о порядке следования суффиксов лично-притяжательного склонения в селькупском языке.....	67
Требования к оформлению статей.....	79

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), Д. М. Насилов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонги (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Широкова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbeyev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Dmitriy Nasilov (Lomonosov Moscow State University), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Sleptsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке (1891) (**Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз**): именная морфология¹

Данная статья представляет собой продолжение работ [Безенова 2016а] и [Безенова 2016б], которые посвящены описанию графических, вокалических и консонантных особенностей перевода на удмуртский язык «Наставления христианского святителя Тихона на вотском языке» (1891). По итогам анализа данных особенностей и соотнесения их с материалами [Wichmann 1987] мы пришли к выводу, что диалектной основой языка памятника является диалект, зафиксированный в словаре Ю. Вихманна как малмыжско-уржумский, который территориально можно соотнести с современным шошминским говором периферийно-южного диалекта удмуртского языка.

В этой работе мы постараемся разобраться с морфологией языка памятника, а конкретнее с морфологией имени, проводя параллель с удмуртским литературным языком и его современными диалектами настолько это возможно.

1. Число

Имена в удмуртском языке имеют два числа: единственное и множественное. Множественное число «образуется посредством присоединения к основе слова суффикса **-ос** или **-йос** (графически **-ёс**). Согласию удмуртской орфографии суффикс **-ос** присоединяется к основам на любой гласный ⟨...⟩. Суффикс **-ёс** присоединяется к основам на твердый и мягкий согласные и на **й** ⟨...⟩» [ГСУЯ 1962: 73].

В рассматриваемом памятнике показателями множественного числа являются **-ос**, **-йос** (**-йос**) и различные фонетические варианты последнего. При этом в употреблении этих маркеров прослеживаются следующие закономерности, которые имеют небольшое количество исключений.

1) К основам на гласные, в отличие от литературного удмуртского языка, как правило, присоединяется маркер **-йос** (**-йос**) (напр., *книгайос* ‘книги’ [с. 21, строка 12] — литер. *книгаос*, *кылызмтейос* ‘не слушавшие’ [с. 47, строка 21] — литер. *кылызмтэос*, *макейос* ‘существа’ [с. 7, строка 8; с. 13, строка 10; с. 14, строка 2; с. 24, строка 15; с. 24, строка 17; с. 35, строка 6; с. 60, строка 12] (также *макейос* [с. 6, строка 17]) — литер. *макеос* и др.). Лишь в единичных случаях, когда основа слова оканчивается на **-i**, показателем множественного числа выступает **-ос**: *аламйос* ‘люди’ [с. 60, строка 4] — литер. *адямиос*, *кижйилйос* ‘звезды’ [с. 13, строка 21] — литер. *кижилиос*.

Подобное явление, при котором для образования множественного числа имен суффикс **-йос** присоединяется не только к основам на согласные, но и на гласные, отмечено и в некоторых современных говорах периферийно-южного диалекта. В частности, такая особенность, по данным В. К. Кельмакова, характерна для закамского и татышлинского говоров, в которых, при образовании именных форм множественного числа «“консонантный” алломорф распространяется и на основы с конечным гласным, ср.: бт. *кыно-йос*, татш. *күно-йос* ‘гости’, бт., татш. *бакча-йос* ‘огороды’, бт. *пыны-йос*, татш. *пүни-йос* ‘собаки’ и т. д.» [Кельмаков 2006: 116]. Данное явление, как нам кажется, является инновационным, поскольку на сегодняшний день оно зафиксировано лишь в отдельных периферийно-южных говорах.

2) К основам на согласные, как правило, присоединяется показатель **-йос** (**-йос**) (напр., *амалйос* ‘средства’ [с. 25, строка 19; с. 25, строка 21] — литер. *амальёс*, *кылийос* ‘слова’ [с. 17, строка 10; с. 22, строка 11] — литер. *кыльёс* (ср. МУ *vjçatj kju'os ut va je* ‘беду (досл. слова) на себя не накличем’ [Wichmann 1987: 110], шошм. *таё кылийос вераса* ‘говоря такие слова’ [Кельмаков 2006: 245]), *номырийос* ‘черви’ [с. 52, строка 13] — литер. *номырьёс* и др.), однако инициальный **й** данного маркера, как и во многих современных говорах, в некоторых случаях «подвергается фонетической ассимиляции с конечным согласным субстантивной основы, так что “консонантный” суффикс множественного числа может иметь ряд фонетических вариантов» [Кельмаков 2006: 116]. В частности, в «Наставлении...» представлены такие варианты суффикса **-йос** (**-йос**), как **-çос**, **-çёс**, **-тёс**, **-нёс**, **-лос** и др., напр.: *баçтиççос* ‘берущие’ [с. 51, строка 21] — литер. *бастийсьёс*, *улиççос* ‘живущие’ [с. 17, строка 6; с. 29, строка 8; с. 51, строка 18; с. 51, строка 20; с. 51, строка 24; с. 52, строка 2] — литер. *улийсьёс*; *вераскиççёс* ‘говорящие’ [с. 41, строка 4] — литер. *вераськисьёс*; *калыктёс* ‘люди’ [с. 27, строка 6; с. 27, строка 10] — ли-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 14-06-00271 «Построение виртуальной лаборатории для надежного хранения и распределенной обработки данных исчезающих языков» (рук. А. В. Дыбо).

тер. *калыкъёс*; *муртӹёс* ‘люди’ [с. 8, строка 15; с. 9, строка 5; с. 17, строка 16; с. 18, строка 2; с. 18, строка 15; с. 18, строка 18; с. 23, строка 7; с. 24, строка 6; с. 26, строка 12; с. 26, строка 15; с. 27, строка 18; с. 33, строка 12; с. 34, строка 5; с. 35, строка 10; с. 35, строка 17; с. 35, строка 19; с. 39, строка 7; с. 41, строка 5; с. 41, строка 7; с. 45, строка 6; с. 51, строка 15; с. 51, строка 23; с. 52, строка 3; с. 52, строка 11; с. 52, строка 19; с. 60, строка 15] — литер. *муртӹёс*; *кылчиӹӹёс* ‘ангелы’ [с. 8, строка 3] — литер. *кылчинӹёс*, *кыржӹанӹёс* ‘пения’ [с. 17, строка 12] — литер. *кыржӹанӹёс*; *эсӹблос* ‘мысли’ [с. 34, строка 4; с. 57, строка 10; с. 57, строка 14] — литер. *эсӹтӹёс* и др.

2. Принадлежность

В современном удмуртском языке, как и в других финно-угорских языках, присутствует особая категория притяжательности, отражающая отношения принадлежности. Как правило, она выражается различными лично-притяжательными суффиксами (см. *Таблицу 1*).

Таблица 1

Лично-притяжательные суффиксы [ГСУЯ 1962: 82]

	Один обладатель	
	Одно обладаемое	Много обладаемых
1-е лицо	-э (-е), -ы ‘мой, моя, мое’	-ы ‘мой’
2-е лицо	-эд (-ед), -ыд ‘твой, твоя, твое’	-ыд ‘твой’
3-е лицо	-эз (-ез), -ыз ‘твой, твоя, твое’	-ыз ‘его, ее’
	Много обладателей	
	Одно обладаемое	Много обладаемых
1-е лицо	-мы ‘наш, наша, наше’	-мы ‘наши’
2-е лицо	-ды, -ты ‘ваш, ваша, ваше’	-ты ‘ваши’
3-е лицо	-зы, -сы ‘их’	-сы ‘их’

Аналогичные показатели представлены и в тексте памятника (см. *Таблицу 2*).

Таблица 2

Лично-притяжательные суффиксы, представленные в памятнике

	Один обладатель	
	Одно обладаемое	Много обладаемых
1-е лицо	<i>дице</i> ‘моя одежда’ [с. 32, строка 4] — литер. <i>дйце</i> <i>сйонэ</i> ‘моя еда’ [с. 14, строка 11] — литер. <i>сийӹнэ</i> <i>кужӹое</i> ‘мой хозяин’ [с. 41, строка 15] — литер. <i>кузӹе</i>	<i>ыжӹосы</i> ‘мои овцы’ [с. 47, строка 8; с. 47, строка 12] — литер. <i>ыжӹёсы</i> <i>дицӹосы</i> ‘мои одежды’ [с. 14, строка 13] — литер. <i>дйсьёсы</i> <i>кылӹосы</i> ‘мои слова’ [с. 16, строка 20] — литер. <i>кылӹёсы</i>
2-е лицо	<i>ваӹбуред</i> ‘твое богатство’ [с. 35, строка 4; с. 35, строка 23; с. 36, строка 3] — литер. <i>ваньбуред</i> <i>улонэд</i> ‘твоя жизнь’ [с. 10, строка 9] — литер. <i>улонэд</i> <i>ужед</i> ‘твое дело’ [с. 38, строка 5] — литер. <i>ужед</i> (ср. MU <i>tjnad tar uzed?</i> ‘тебе какое дело?’ [Wichmann 1987: 305]) <i>кылӹд</i> ‘твое слово’ [с. 37, строка 16] — литер. <i>кылӹд</i> <i>мугорыд</i> ‘твое тело’ [с. 33, строка 9; с. 42, строка 21; с. 42, строка 23; с. 43, строка 3] — литер. <i>мугорыд</i> <i>мылкыдыд</i> ‘твоя совесть’ [с. 5, строка 23; с. 6, строка 8; с. 33, строка 4; с. 33, строка 8; с. 33, строка 10; с. 33, строка 18; с. 34, строка 9; с. 34, строка 22] — литер. <i>мылкыдыд</i>	<i>ваӹбурӹосыд</i> ‘твои богатства’ [с. 25, строка 10] — литер. <i>ваньбурӹёсыд</i> <i>сӹлыкӹтӹёсыд</i> ‘твои грехи’ [с. 39, строка 20; с. 40, строка 13; с. 50, строка 1] — литер. <i>сьӹлыкӹёсыд</i>

3-е лицо	<i>арберіез</i> ‘его вещь’ [с. 32, строка 11] — литер. <i>арберіез</i> <i>ыжніез</i> ‘его ягненок’ [с. 15, строка 19] — литер. <i>ыжніез</i> <i>сүресэз</i> ‘его путь’ [с. 47, строка 6] — литер. <i>скоресэз</i> <i>вирыз</i> ‘его кровь’ [с. 53, строка 13; с. 54, строка 21] — литер. <i>вирыз</i> (ср. шошм. <i>вирэз эбу</i> ‘его крови нету’ [Кельмаков 2006: 245]) <i>пельыз</i> ‘его ухо’ [с. 56, строка 4] — литер. <i>пельыз</i> <i>көтыз</i> ‘его живот’ [с. 26, строка 9] — литер. <i>көтыз</i>	<i>арберіосыз</i> ‘его вещи’ [с. 31, строка 22] — литер. <i>арберіосыз</i> <i>ыжіосыз</i> ‘его овцы’ [с. 47, строка 23] — литер. <i>ыжъёсыз</i> <i>кыліосыз</i> ‘его слова’ [с. 16, строка 18; с. 16, строка 20; с. 21, строка 9; с. 22, строка 17] — литер. <i>кыльёсыз</i>
Много обладателей		
	Одно обладаемое	Много обладаемых
1-е лицо	<i>Иңмармы</i> ‘наш бог’ [с. 41, строка 22] — литер. <i>инмармы</i> <i>кужыммы</i> ‘наша сила’ [с. 25, строка 7] — литер. <i>кужыммы</i> <i>лұртмы</i> ‘наш дом’ [с. 24, строка 8] — литер. <i>юртмы</i>	<i>ужіосмы</i> ‘наши дела’ [с. 29, строка 16] — литер. <i>ужъёсмы</i>
2-е лицо	<i>дўнмамды</i> ‘ваше очищение’ [с. 57, строка 12] — литер. <i>дунмамды</i> <i>сямды</i> ‘ваша привычка’ [с. 52, строка 10] — литер. <i>сямды</i> <i>ужды</i> ‘ваша работа’ [с. 55, строка 21] — литер. <i>ужды</i>	не зафиксировано
3-е лицо	<i>мозмемзы</i> ‘их освобождение’ [с. 27, строка 12] — литер. <i>мозмемзы</i> <i>тўссы</i> ‘их образ’ [с. 16, строка 7] — литер. <i>туссы</i> <i>улонзы</i> ‘их жизнь’ [с. 31, строка 2] — литер. <i>улонзы</i>	не зафиксировано

В памятнике встречаются лишь единичные отклонения, в которых в соответствии с современным литературным суффиксом с э-овой огласовкой в памятнике представлены *ы*-овые маркеры; это такие формах, как: *мурты* ‘мой человек’ [с. 51, строка 13] — литер. *муртэ*, *муртыд* ‘твой человек’ [с. 21, строка 15] — литер. *муртэд*, *муртыз* ‘его человек’ [с. 18, строка 13; с. 37, строка 24; с. 43, строка 2; с. 61, строка 4] — литер. *муртэз*, *муртызлиц* ‘у его человека’ [с. 12, строка 9] — литер. *муртэзлэсь*; *кужымыз* ‘его сила’ [с. 5, строка 13; с. 49, строка 3; с. 59, строка 15; с. 60, строка 2; с. 60, строка 7; с. 60, строка 20] (ср. *кужымез* [с. 48, строка 12; с. 48, строка 15; с. 58, строка 8]) — литер. *кужымез*; *даныз* ‘его почет’ [с. 28, строка 5] — литер. *данэз*.

3. Падеж

Как известно, удмуртский язык имеет довольно развитую падежную систему и входит в состав многопадежных языков. Система склонения современного удмуртского языка представлена 15 членами падежной парадигмы. В рамках литературного языка «по основным значениям все падежи делятся на две основные группы: субъектно-объектные (именительный, винительный, родительный, разделительный, дательный, лишительный, соответственный, творительный) и местные (местный, входный, исходный, отдалительный, переходный, предельный, направительный)» [ГСУЯ 1962: 86]. В удмуртских диалектах количество падежей варьируется от 12 до 21 (см. подробнее [Kel'makov, Saarinen 1994: 97]): в частности, во многих периферийно-южных и некоторых центрально-южных говорах количество падежей сократилось за счет замещения соответственного и направительного падежей послеложными конструкциями. В число говоров с минимальным количеством падежей входит красноуфимский говор периферийно-южного диалекта, в котором, как отмечает Р. Ш. Насибуллин, формы элатива могут замещаться пролативом [Насибуллин 1978: 96]. В отдельных северных говорах и бесермянском наречии, напротив, количество падежей увеличилось за счет «возникновения новой серии приблизительно-местных падежей с приметой *-н'* (< *дин'* ‘у, около, при, возле’), препозитивно присоединяемой ко всем первичным пространственным падежным формантам, за исключением аппроксиматива (*-лан'*)» [Кельмаков 2006: 118].

Какие же падежные маркеры представлены в «Наставлении...»?

3.1. В памятнике форма **именительного падежа** (номинатив), как и в современном литературном удмуртском языке, имеет нулевой показатель, т. е. совпадает с основной формой существительного, напр.:

аламио ‘человек’ [с. 11, строка 20; с. 12, строка 19; с. 32, строка 19; с. 50, строка 5; с. 51, строка 8] — литер. *адямио*;
ваңбуро ‘добро, богатство’ [с. 29, строка 2] — литер. *ваньбуро*;
коркао ‘дом’ [с. 17, строка 4; с. 62, строка 7] — литер. *коркао*;
кылиосо ‘слова’ [с. 17, строка 10; с. 22, строка 11] — литер. *кыльёсо*;
кыржаннёсо ‘пения’ [с. 17, строка 12] — литер. *кырзанъёсо*;
амалиосо ‘методы’ [с. 25, строка 19; с. 25, строка 21] — литер. *амальёсо*;
дицео ‘моя одежда’ [с. 32, строка 4] — литер. *дйцео*;
ужедо ‘твое дело’ [с. 38, строка 5] — литер. *ужедо*;
ңимызо ‘его имя’ [с. 7, строка 20; с. 16, строка 12] — литер. *нимызо*;
искавыннёсыо ‘мои родственники’ [с. 17, строка 5; с. 18, строка 3; с. 48, строка 4; с. 53, строка 8; с. 61, строка 3; с. 61, строка 14] — литер. *исъкавынъёсыо*;
сӧлыктьёсыдо ‘твои грехи’ [с. 39, строка 20; с. 40, строка 13; с. 50, строка 1] — литер. *сӧлыктьёсыдо*;
ужіосызо ‘его дела’ [с. 44, строка 8] — литер. *ужъёсызо*;
эжедмыо ‘наша участь’ [с. 41, строка 9] — литер. *эзельмыо*;
пыремдыо ‘ваш вход’ [с. 48, строка 5] — литер. *пыремдыо*;
вӧсяскемзыо ‘их моление’ [с. 52, строка 6] — литер. *вӧсяськемзыо*;
ужіосмыо ‘наши дела’ [с. 29, строка 16] — литер. *ужъёсммыо* и др.

3.2. Для выражения **винительного падежа** (аккузатив) в удмуртском языке используются различные показатели: *-эз/-ез*, *-э/-е*, *-эс/-ес*, нулевой маркер (для единственного числа), *-ты/-ды*, *-ыз* (для множественного числа) (подробнее см. [Кондратьева 2011: 36—46]). Практически все эти маркеры представлены и в исследуемом памятнике.

1) *-эз/-ез (-іез, -йез)*:

вӱэз ‘воду’ [с. 11, строка 2] (также *вӱез* [с. 14, строка 4]) — литер. *вуэз*;
иңтыіез ‘место’ [с. 54, строка 20; с. 56, строка 8] — литер. *интыез*;
толэжез ‘луну’ [с. 10, строка 22] — литер. *толэез*;
тылэз ‘огонь’ [с. 10, строка 24] — литер. *тылэз*;
шундыіез ‘солнце’ [с. 10, строка 22] — литер. *шундыез* и др.

2) *-э/-е (-іе, -йе)*:

муртэ ‘человека’ [с. 5, строка 15; с. 6, строка 3; с. 26, строка 4; с. 36, строка 19; с. 36, строка 20; с. 36, строка 21; с. 36, строка 23; с. 36, строка 24; с. 37, строка 2; с. 37, строка 4; с. 37, строка 7; с. 38, строка 2; с. 38, строка 20; с. 38, строка 21; с. 39, строка 21; с. 39, строка 23; с. 41, строка 18; с. 45, строка 11; с. 51, строка 12; с. 51, строка 24; с. 54, строка 11] (ср. *муртэз* [с. 14, строка 21; с. 37, строка 12; с. 39, строка 7]) — литер. *муртэ/муртэз*;

котъ киңе ‘каждого’ [с. 26, строка 4] — литер. *котъкинэ*;

монэ ‘меня’ [с. 14, строка 12; с. 14, строка 22 с. 15, строка 14; с. 16, строка 10; с. 18, строка 3; с. 33, строка 14; с. 34, строка 11; с. 48, строка 18; с. 48, строка 24; с. 49, строка 1; с. 49, строка 3; с. 58, строка 23] — литер. *монэ* (ср. *топэ* (MU) [Wichmann 1987: 163]);

Соіе, соіе ‘его’ [с. 4, строка 19; с. 5, строка 1; с. 6, строка 14; с. 8, строка 8; с. 11, строка 11; с. 12, строка 12; с. 12, строка 22; с. 15, строка 14; с. 17, строка 7; с. 20, строка 22; с. 20, строка 24; с. 22, строка 5; с. 23, строка 13; с. 39, строка 18; с. 57, строка 11; с. 58, строка 8] (также *Соіе* [с. 10, строка 1] и *сое* [с. 39, строка 2]) — литер. *сое* (ср. *соіе* (MU) [Wichmann 1987: 224]);

коркаме ‘мой дом’ [с. 14, строка 8] — литер. *коркаме*;

няңдэ ‘твой хлеб’ [с. 10, строка 24] — литер. *няньдэ*;

калыксэ ‘его народ’ [с. 12, строка 8] — литер. *калыксэ*;

пудоіосме ‘мой скот’ [с. 14, строка 6] — литер. *пудоосме*;

шекъестэ ‘твои пороки’ [с. 44, строка 4] — литер. *шекъестэ*;

кылиоссэ ‘его слова’ [с. 21, строка 10; с. 21, строка 11; с. 21, строка 20; с. 21, строка 24; с. 22, строка 19; с. 46, строка 21] (также *кыллиоссэ* [с. 16, строка 3; с. 17, строка 21]) — литер. *кыльёссэ* и др.

3) *-эс/-ес*:

мугормес ‘наше тело’ [с. 48, строка 13] — литер. *мугормес*;

эсэбдэс ‘вашу мысль’ [с. 55, строка 12; с. 55, строка 20; с. 58, строка 1] — литер. *эсэптэс*;

куаразес ‘их голос’ [с. 47, строка 10] — литер. *куаразэс*;

ужіосмес ‘наши дела’ [с. 4, строка 15] — литер. *ужъёсмес*;

сӧлыктӕссӕс ‘их грехи’ [с. 41, строка 7] — литер. *сьӧлыкӕссӕс* и др.

4) нулевой показатель:

лӧмышӧ ‘плод’ [с. 22, строка 14] — литер. *емышӧ*;

кеңешӧ ‘собрание’ [с. 24, строка 3] — литер. *кенешӧ*;

эрыкӧ ‘волю’ [с. 7, строка 19; с. 42, строка 23; с. 61, строка 20] — литер. *эрикӧ* и др.

5) **-ыз**:

ваңбурюсыз ‘богатства’ [с. 25, строка 8; с. 25, строка 15] — литер. *ваньбуръесты/ваньбуръёсыз*;

кижйлиосыз ‘звезды’ [с. 10, строка 23] — литер. *кизилиосты/кизилиосыз*;

тыло-бурдоюсыз ‘птиц’ [с. 36, строка 17] — литер. *тылобурдоосты/тылобуроосыз* и др.

Как видим, отличительной особенностью языка памятника является то, что из двух синонимичных суффиксов **-ты/-ды** и **-ыз**, которые употребляются для выражения аккузативных форм во множественном числе и в литературном языке «используются на равноправных началах» [ГСУЯ 1962: 93], в памятнике употребляется лишь показатель **-ыз**. Отметим, что на диалектном уровне формы на **-ты** характерны для северной диалектной зоны, а формы на **-ыз** — для южной (см. подробнее [Тепляшина 1975: 180—181]). Оба эти показателя, как отмечает В. К. Кельмаков, «восходят, по-видимому, к прапермской древности» [Кельмаков 2006: 120], на что указывают соответствия из коми языка. Так показателем аккузативных форм в литературном коми языке наряду с нулевым маркером выступает формант *-ӧс* (*кӧин-ӧс* ‘волка’, *кӧиньяс-ӧс* ‘волков’ [Кельмаков 2010: 120]), а в диалектах коми языка встречаются и *т*-овые показатели, например: в удорском — *-тӧ/-дӧ* (*вӧвӧяс-тӧ* ~ *вӧвӧяс-дӧ* ‘коней’ [Кельмаков 2006: 120]), в ижемском — *-тӧ/-те* (*мижантӧ, мижанте* ‘нас’, *тижантӧ, тижанте* ‘вас’ [Серебренников 1963: 41]), в нижневычегодском — *-те* (*мижанте* ‘нас’, *тижанте* ‘вас’ [Серебренников 1963: 41]).

Также заметим, что лексема *уж* ‘работа, труд, дело’ в винительном падеже множественного числа наряду с маркером **-ыз** (*ужюсыз* ‘дела’ [с. 4, строка 22; с. 5, строка 8; с. 6, строка 5; с. 6, строка 7; с. 6, строка 8; с. 7, строка 1; с. 8, строка 21; с. 8, строка 22; с. 18, строка 15; с. 18, строка 18; с. 20, строка 8; с. 23, строка 17; с. 23, строка 19; с. 24, строка 1; с. 29, строка 18; с. 29, строка 19; с. 30, строка 19; с. 31, строка 17; с. 33, строка 11; с. 41, строка 19; с. 56, строка 1; с. 56, строка 2; с. 56, строка 4; с. 56, строка 5; с. 57, строка 3; с. 60, строка 22] (также *ужюсыз* [с. 49, строка 17]) — литер. *ужъесты/ужъёсыз*) в ряде случаев имеет нулевой показатель: *ужюсӧ* ‘дела’ [с. 7, строка 5; с. 7, строка 12; с. 10, строка 15; с. 18, строка 17; с. 18, строка 24; с. 23, строка 5; с. 23, строка 22; с. 29, строка 22; с. 44, строка 6; с. 44, строка 9; с. 45, строка 2; с. 49, строка 11; с. 51, строка 18; с. 55, строка 17; с. 56, строка 3; с. 56, строка 10; с. 56, строка 13; с. 57, строка 20; с. 63, строка 4] (также *ужюсӧ* [с. 49, строка 16; с. 52, строка 20; с. 53, строка 1]) — литер. *ужъесты/ужъёсыз*.

3.3. Родительный падеж (генитив) имен как в литературном языке, так и в подавляющем большинстве современных говоров оформляется показателем **-лэн**. Аналогичный маркер представлен и в «Наставлении...»:

аламилэн ‘у человека’ [с. 59, строка 15] — литер. *адямилэн*;

ошмеслэн ‘у источника’ [с. 56, строка 8] — литер. *ошмеслэн*;

эксейлэн ‘у царя’ [с. 8, строка 5] — литер. *эксэйлэн*;

мурттӕслэн ‘у людей’ [с. 16, строка 7; с. 26, строка 23; с. 28, строка 4; с. 31, строка 1; с. 37, строка 18; с. 52, строка 5] (также *мурттӕслэн* [с. 26, строка 20]) — литер. *муртъӕслэн*;

ужюслэн ‘у дел’ [с. 57, строка 7] — литер. *ужъӕслэн*;

улисӕслэн ‘у живущих’ [с. 27, строка 4] — литер. *улисӕслэн*;

Иңмарелэн ‘у моего бога’ [с. 14, строка 11; с. 14, строка 13] — литер. *инмарелэн*;

лӧлыдлэн ‘у твоей души’ [с. 44, строка 7] — литер. *лӧлыдлэн*;

лӕчелыкӕсызлэн ‘у его благостей’ [с. 11, строка 14] — литер. *лӕчелыкӕсызлэн* и др.

Стоит отметить, что, по данным В. К. Кельмакова, «в шошминском говоре в формантах аблатива (*-лис*), генитива (*-лэн*) и датива (*-лы*) сонорный элемент *л* после субстантивных основ на согласный — возможно, по фонетическим причинам — замещается сонорным *н*, напр.: *Петырнэн* (// удм. литер. *Петыр-лэн*) ‘(у) Петра’, *кӧйӧйс* (// удм. литер. *кӧй-лӕсь*) ‘у змеи (взять)’» [Кельмаков 2006: 121]. Подобная замена согласных в суффиксах с анлаутным *л* Р. Ш. Насибуллиным отмечена и в буйско-таньпском говоре, например: *киӧӧн?* (< *киӧ-лэн?*) ‘у кого?’, *зӧӧӧс* (< *зӧӧ-лӕс*) ‘от запаха’, *симӧӧ* (< *сим-ли*) ‘глазу’ [Насибуллин 1973: 13, 17]. Однако подобного явления в тексте памятника нами зафиксировано не было. Возможно, эта особенность характерна не для всех шошминских говоров либо имеет инновационный характер и на момент создания памятника еще не была представлена в шошминском говоре, который послужил языковой основой «Наставления...». В любом случае ясно, что показатель, представленный в памятнике, имеет архаичный характер.

3.4. Морфологическим маркером **разделительного падежа** (аблатив) обоих чисел в литературном языке является суффикс **-лэсь**. Этот показатель представлен и в большинстве современных удмуртских диалектов, за исключением некоторых говоров периферийно-южного наречия: кукморского, шошминского, канлинского — и бесермянского наречия, в которых данному маркеру «соответствует **-лис'** (в бесермянском иногда и **-льс'**), ср.: кукм., шошм., канл. *анай-лис'*, бес. *анай-лис' ~ анай-льс'*, кукм., канл. *пу-лис'*, шошм. *пү-үйс'*, бес. *пу-лис' ~ пу-льс' <...>*» [Кельмаков 2006: 120]. В бавлинском говоре И. В. Тараканов отмечает параллельное употребление алломорфов **-лис'** и **-лэс'** (см. подробнее [Тараканов 1960: 133]). Кроме этого, в отдельных говорах встречается фонетическое варьирование **-лэс' ~ үэс'** или **-лэс' ~ лэс'**.

В памятнике в подавляющем большинстве случаев показателем аблатива является маркер **-лиџ**, хотя встречается и вариант **-лэџ**, а в некоторых случаях одна и та же словоформа в разделительном падеже оформлена и с **-лиџ**, и с **-лэџ**, ср.:

1) **-лиџ**:

- алжонлиџ* 'от несчастья' [с. 26, строка 8] — литер. *аджонлэсь*;
азвеслиџ 'из серебра' [с. 16, строка 23] — литер. *азвесьлэсь*;
ваңбурлиџ 'от богатства' [с. 29, строка 19; с. 54, строка 19] — литер. *ваньбурлэсь*;
верасконлиџ 'от разговора' [с. 38, строка 22] — литер. *вераськонлэсь*;
луртонлиџ 'от оказания помощи' [с. 31, строка 16] — литер. *юрттонлэсь*;
ларатонлиџ 'от любви' [с. 32, строка 14] — литер. *яратонлэсь*;
ларатэмлиџ 'от любви' [с. 10, строка 3] — литер. *яратэмлэсь*;
лжечлиџ 'от доброго' [с. 9, строка 12] — литер. *жечлэсь*;
лжечлыкчиџ 'от благости' [с. 27, строка 19; с. 27, строка 22; с. 29, строка 11] — литер. *жечлыкчлэсь*;
карганонлиџ 'от проклятия' [с. 9, строка 11] — литер. *карганлэсь*;
кот марлиџ 'от всего' [с. 10, строка 5; с. 25, строка 5; с. 53, строка 12] — литер. *котьмарлэсь*;
куралжонлиџ 'от страдания' [с. 26, строка 5; с. 30, строка 18] — литер. *кураджонлэсь*;
луонлиџ 'от бытия' [с. 41, строка 22; с. 50, строка 3] — литер. *луонлэсь*;
муртлиџ 'у человека' [с. 31, строка 15; с. 38, строка 1; с. 38, строка 18; с. 39, строка 1; с. 51, строка 20; с. 57, строка 22; с. 57, строка 23] — литер. *муртлэсь*;
џонлиџ 'от еды' [с. 32, строка 7] — литер. *сиёнлэсь*;
сöрыџконлиџ 'от испорченности' [с. 33, строка 24; с. 34, строка 9] — литер. *сöриськонлэсь*;
џөтонлиџ 'от предоставления' [с. 39, строка 14] — литер. *сөтонлэсь*;
сутыџконлиџ 'от обжигания' [с. 53, строка 24] — литер. *сутиськонлэсь*;
ужлиџ 'от дела' [с. 5, строка 6; с. 5, строка 7; с. 5, строка 9; с. 7, строка 11] — литер. *ужлэсь*;
улонлиџ 'от жизни' [с. 17, строка 23; с. 24, строка 20; с. 25, строка 9; с. 25, строка 11; с. 25, строка 14; с. 25, строка 15; с. 25, строка 16; с. 31, строка 7; с. 42, строка 13; с. 51, строка 16; с. 53, строка 4; с. 53, строка 20; с. 58, строка 4; с. 58, строка 6; с. 60, строка 9; с. 60, строка 15; с. 61, строка 5] — литер. *улонлэсь*;
шуглиџ 'от трудности' [с. 21, строка 13; с. 22, строка 1] — литер. *шуглэсь*;
эксэйлиџ 'у царя' [с. 8, строка 1] — литер. *эксэйлэсь*;
диал. *дышмонлиџ* 'у врага' [с. 55, строка 7];
Закхейлиџ 'у Закхей' [с. 36, строка 8] < рус. *Закхей*;
законлиџ 'от закона' [с. 51, строка 17] < рус. *закон*;
нужналиџ 'от нужды' [с. 54, строка 2] < рус. *нужда*;
макеюслиџ 'от чего-то' [с. 5, строка 15; с. 9, строка 23; с. 30, строка 4; с. 42, строка 6; с. 55, строка 10] (также *макеюслиџ* [с. 10, строка 12]) — литер. *макеослэсь*;
нылкышноюслиџ 'у женщин' [с. 15, строка 8] — литер. *нылкышноослэсь*;
союслиџ 'у них' [с. 13, строка 16; с. 24, строка 18; с. 47, строка 9] — литер. *соослэсь*;
џöлыктөслиџ 'от грехов' [с. 5, строка 16; с. 60, строка 2] (также *џöлыктөслиџ* [с. 26, строка 2]) — литер. *сöлыктөслэсь*;
ужюслиџ 'от дел' [с. 4, строка 21; с. 7, строка 4; с. 30, строка 21; с. 61, строка 24] — литер. *ужьёслэсь*;
улиџсөслиџ 'от живущих' [с. 52, строка 9] — литер. *улисьёслэсь*;
апостолюслиџ 'от апостолов' [с. 21, строка 7] < рус. *апостол*;
святойюслиџ 'от святых' [с. 9, строка 12] < рус. *святой*;
анайедлиџ 'у твоей матери' [с. 10, строка 1] — литер. *анаедлэсь*;
бангытлиџ 'от твоего лица' [с. 43, строка 21] — литер. *бамыдлэсь*;
Иңмаредлиџ 'у твоего бога' [с. 18, строка 21] — литер. *инмаредлэсь*;
кышноедлиџ 'у твоей жены' [с. 10, строка 2] — литер. *кышноедлэсь*;
лүлыдлиџ 'от твоей души' [с. 43, строка 22] — литер. *лулыдлэсь*;
мылкыдэдлиџ 'от твоего настроения' [с. 43, строка 23] — литер. *мылкыдыдлэсь*;

пиңялюсыдлиц ‘у твоих детей’ [с. 10, строка 2] — литер. *пинальёсыдлэсь*;
ваңбурезлиц ‘от его богатства’ [с. 58, строка 19] — литер. *ваньбурезлэсь*;
вожонэзлиц ‘от его содержания’ [с. 27, строка 11] — литер. *возёнэзлэсь*;
мозмытонэзлиц ‘от его освобождения’ [с. 42, строка 1] — литер. *мозмытонэзлэсь*;
муртызлиц ‘у его человека’ [с. 12, строка 9] — литер. *муртэзлэсь*;
ңимызлиц ‘от его имени’ [с. 8, строка 6] — литер. *нимызлэсь*;
ужезлиц ‘от его дела’ [с. 50, строка 21] — литер. *ужезлэсь*;
улонэзлиц ‘от его жизни’ [с. 50, строка 20] — литер. *улонэзлэсь*;
ужюсызлиц ‘от его дел’ [с. 59, строка 20] — литер. *ужьёсызлэсь*;
ваңбурмылиц ‘от нашего богатства’ [с. 29, строка 14] — литер. *ваньбурмылэсь*.

2) *-лэс*:

аламилэс ‘у человека’ [с. 6, строка 18] — литер. *адямилэсь*;
асэтлэс ‘у вас самих’ [с. 58, строка 2; с. 58, строка 3; с. 58, строка 12] — литер. *асьтэлэсь*;
дунцелэс ‘от мира’ [с. 15, строка 17] — литер. *дуннелэсь*;
макелэс ‘от чего-то’ [с. 25, строка 24] — литер. *макелэсь*;
ниномрелэс ‘ни от чего’ [с. 31, строка 19; с. 32, строка 9] — литер. *номырлэсь*;
одиглэс ‘от одного’ [с. 11, строка 15] — литер. *одйглэсь*;
диал. *пулэс* ‘у священника’ [с. 17, строка 13];
Апостоллэс ‘от апостола’ [с. 28, строка 22] < рус. *апостол*;
священниклэс ‘у священника’ [с. 17, строка 13] < рус. *священник*;
мурттёслэс ‘у людей’ [с. 17, строка 19] — литер. *муртьёслэсь*;
Иңмарелэс ‘у моего бога’ [с. 17, строка 10] — литер. *инмарелэсь*;
вирызлэс ‘из его крови’ [с. 23, строка 14] — литер. *вирызлэсь*;
мугорызлэс ‘от его тела’ [с. 23, строка 14] — литер. *мугорызлэсь*;
улонцёсыдлэс ‘от твоих жизней’ [с. 43, строка 12] — литер. *улоньёсыдлэсь*.

3) *-лиц* ~ *-лэс*:

Иңмарлиц ‘у бога’ [с. 3, строка 5; с. 3, строка 8; с. 3, строка 20; с. 4, строка 4; с. 4, строка 5; с. 4, строка 7; с. 4, строка 16; с. 4, строка 19; с. 5, строка 2; с. 5, строка 17; с. 5, строка 19; с. 6, строка 13; с. 6, строка 21; с. 8, строка 5; с. 8, строка 7; с. 8, строка 13; с. 8, строка 21; с. 8, строка 23; с. 9, строка 2; с. 9, строка 14; с. 9, строка 23; с. 11, строка 8; с. 11, строка 19; с. 11, строка 22; с. 12, строка 11; с. 13, строка 7; с. 13, строка 15; с. 13, строка 16; с. 17, строка 21; с. 18, строка 11; с. 18, строка 24; с. 20, строка 21; с. 20, строка 24; с. 21, строка 3; с. 21, строка 11; с. 21, строка 19; с. 22, строка 18; с. 27, строка 5; с. 27, строка 9; с. 28, строка 12; с. 28, строка 15; с. 30, строка 6; с. 31, строка 6; с. 34, строка 11; с. 34, строка 14; с. 34, строка 20; с. 34, строка 24; с. 41, строка 19; с. 48, строка 15; с. 48, строка 20; с. 49, строка 24; с. 51, строка 9; с. 51, строка 12; с. 51, строка 15; с. 52, строка 2; с. 58, строка 9; с. 58, строка 12; с. 61, строка 6; с. 61, строка 12; с. 63, строка 8] (ср. *Иңмарлэс* [с. 13, строка 11]) — литер. *инмарлэсь*;

иңтылиц ‘от места’ [с. 5, строка 20; с. 11, строка 19; с. 53, строка 9] (ср. *иңтылэс* [с. 14, строка 23; с. 26, строка 18; с. 30, строка 10]) — литер. *интылэсь*;

кулонлиц ‘от смерти’ [с. 11, строка 19; с. 54, строка 14] (ср. *кулонлэс* [с. 14, строка 23]) — литер. *кулонлэсь*;

Солиц, солис ‘у него’ [с. 6, строка 22; с. 7, строка 20; с. 8, строка 16; с. 15, строка 10; с. 19, строка 13; с. 26, строка 2; с. 39, строка 11; с. 45, строка 16; с. 47, строка 16; с. 49, строка 13; с. 51, строка 2] (ср. *Солэс, солэс* [с. 3, строка 4; с. 8, строка 3; с. 10, строка 21; с. 15, строка 7; с. 20, строка 10; с. 21, строка 10; с. 21, строка 15; с. 21, строка 18; с. 21, строка 21; с. 23, строка 12; с. 37, строка 8; с. 49, строка 9; с. 62, строка 16; с. 63, строка 5]) — литер. *солэсь* (ср. MU *sčičeš, sčičiš* [Wichmann 1987: 224]);

солиц ‘от этого’ [с. 25, строка 19; с. 50, строка 2] (ср. *солэс* [с. 51, строка 7]) — литер. *солэсь*;

сёлыклиц ‘от греха’ [с. 5, строка 21; с. 30, строка 20; с. 53, строка 9] (ср. *сёлыклэс* [с. 5, строка 18; с. 14, строка 22; с. 27, строка 14]) — литер. *сьёлыклэсь*;

шайтанлиц ‘у сатаны’ [с. 11, строка 18; с. 50, строка 19; с. 53, строка 9] (ср. *шайтанлэс* [с. 14, строка 23]) — литер. *шайтанлэсь*;

Христослиц ‘у Христа’ [с. 8, строка 13; с. 24, строка 5; с. 26, строка 16; с. 43, строка 14; с. 44, строка 1; с. 46, строка 21; с. 47, строка 14; с. 47, строка 20; с. 53, строка 5; с. 53, строка 17; с. 55, строка 8] (ср. *Христослэс* [с. 15, строка 16; с. 16, строка 2; с. 16, строка 4; с. 40, строка 5]) < рус. *Христос*.

В вопросе определения хронологии появления данных вариантов мнения разнятся. По мнению И. В. Тараканова, первичным является показатель *-лэс*, поскольку «перед *š* замене подвергается (...) переднеязычный негубной гласный *e*, переходя в *i*. Чаще всего такой звукопереход наблюдается в аффиксе разделительного (ablativus) падежа и реже — в корнях». [Тараканов 1960: 133]. В. К. Кельмаков, чью

точку зрения в данном случае мы считаем более приемлемой, придерживается противоположного мнения, так как «менее распространенный вариант рассматриваемого суффикса *-лис'* имеет прямые параллели и в коми языках: к.-з. *-лысь* и к.-п. *-лысь* (ср.: бес. *-лис'* ~ *лыс'* < праудм. **-līs*), на основании которых можно было бы реконструировать его прапермскую праформу в виде **-līs(t)* (ср.: *-lišt* [Серебренников 1963: 83])» [Кельмаков 2006: 121]. Кроме того, статистика употребления форм в памятнике, скорее всего, также поддерживает гипотезу В. К. Кельмакова, но для окончательного решения этого вопроса важен анализ письменных памятников с другой диалектной принадлежностью.

3.4. **Дательный падеж** (датив) имен как единственного, так и множественного числа в современном удмуртском языке оформляется суффиксом *-лы*. Данный маркер представлен и в тексте «Наставления...», напр.:

дўңцелы 'миру' [с. 30, строка 21] — литер. *дуннелы*;
лыгаҫлы 'постучавшему' [с. 61, строка 10] — литер. *йыгасьлы*;
пересмуртлы 'старик' [с. 5, строка 12] — литер. *пересь муртлы*;
куаңериослы 'беднякам' [с. 36, строка 7] — литер. *куанерьёслы*;
мурттёслы 'людям' [с. 15, строка 16; с. 15, строка 19; с. 17, строка 23; с. 18, строка 16; с. 18, строка 20; с. 27, строка 22; с. 29, строка 1; с. 36, строка 2; с. 39, строка 2; с. 45, строка 4] — литер. *муртёслы*;
улиҫсослы 'живущим' [с. 8, строка 11; с. 9, строка 8; с. 28, строка 7; с. 31, строка 16; с. 45, строка 18; с. 49, строка 15] (также *улиҫсиослы* [с. 8, строка 9]) — литер. *улисьёслы*;
узырлыгедлы 'твоему богатству' [с. 34, строка 22] — литер. *узырлыкедлы*;
атайезлы 'его отцу' [с. 50, строка 24] — литер. *атаезлы*;
пудоюсылы 'моему скоту' [с. 13, строка 24; с. 14, строка 4] — литер. *пудоосылы*;
ужюсылды 'твоим делам' [с. 62, строка 2] — литер. *ужьёсылды*;
макеюсызлы 'его существам' [с. 32, строка 1] — литер. *макеосызлы*;
лўлмылы 'нашей душе' [с. 22, строка 6] — литер. *лулмылы*;
верамзылы 'их высказыванию' [с. 9, строка 6] — литер. *верамзылы* и др.

На уровне диалектов формы датива могут отличаться производными нормами фонемы *ы*², кроме того в шошминском и буйско-таныпском говорах периферийно-южного диалекта «параллельно с аблативными и генитивными формами сонорный элемент *л* после субстантивных основ на согласный и в отдельных косвенных формах местоимений замещается сонорным *н*» [Кондратьева 2011: 104—105]. Однако в памятнике такого явления, как уже указывалось выше, не наблюдается.

3.6. Для выражения **творительного падежа** (инструменталь) в удмуртском языке употребляются различные суффиксы (*-эн/-ен*; *-ын*; *-ин*; *-эны/-ены-*, *-ыны-*, *-ины-* (подробнее см. [Кондратьева 2011: 120—121])), которые большей частью представлены и в анализируемом памятнике:

1) *-эн/-ен*:

тирлыкэн 'с вещью' [с. 6, строка 12] — литер. *тирлыкэн* (ср. МУ *pudojen tirliken* 'со скотиной и хозяйством' [Wichmann 1987: 260]);
зарниен 'с золотом' [с. 53, строка 10] — литер. *зарниен*;
картэн 'с мужем' [с. 15, строка 5] — литер. *картэн* и др.

2) *-ын*:

кылын 'словом' [с. 37, строка 7] — литер. *кылын*;
тылын 'с огнем' [с. 53, строка 24] — литер. *тылын*;
тўлын 'с ветром' [с. 59, строка 22; с. 59, строка 23] — литер. *тўлын*;
мурттёсын 'с людьми' [с. 8, строка 14] — литер. *муртёсын*;
ужюсын 'с делами' [с. 35, строка 24] — литер. *ужьёсын*;
пророктёсын 'с пророками' [с. 21, строка 7] < рус. *пророк* и др.

3) *-эны/-ены-*:

монэным 'со мной' [с. 16, строка 20] — литер. *монэным*;
атайеныд 'с твоим отцом' [с. 10, строка 1] — литер. *атаеныд*;
кажэныз 'его сетью' [с. 60, строка 10] — литер. *казеныз*;
эрикенымы 'с нашей свободой' [с. 53, строка 14; с. 54, строка 3] — литер. *эрикенымы*;
улэменызы 'с их жизнью' [с. 27, строка 9] — литер. *улэменызы* и др.

² Подробнее о функционировании различных вариантов гласной *ы* в удмуртских диалектах см. [Кельмаков 2006: 54—55].

4) **-ыны-**:

сиңмыныд ‘твоими глазами (досл. твоим глазом)’ [с. 5, строка 1] — литер. *синмыныд*;

вирыныз ‘его кровью’ [с. 18, строка 7; с. 54, строка 14] — литер. *вирыныз*;

мугорынымы ‘нашим телом’ [с. 25, строка 17] — литер. *мугорынымы*;

кылынызы ‘их словом’ [с. 33, строка 13] — литер. *кылынызы* и др.

В нескольких словоформах в памятнике наблюдается параллельное употребление маркеров *-эны-/ -ены-* ~ *-ыны-*, ср.: *кужыменыз* [с. 48, строка 11; с. 59, строка 19] и *кужымыныз* [с. 55, строка 1] ‘с его силой’, *мылкыдэныд* [с. 11, строка 12; с. 28, строка 2; с. 30, строка 14; с. 33, строка 5; с. 44, строка 10] и *мылкыдыныд* [с. 37, строка 15] ‘с твоим настроением’, *мылкыдэныз* [с. 11, строка 20] и *мылкыдыныз* [с. 56, строка 14] ‘с его настроением’.

На диалектном уровне могут встречаться некоторые отличия в маркерах с *ы*-овой огласовкой, в связи с различными вариантами произношения данной фонемы в отдельных удмуртских говорах.

3.7. Морфологическим маркером **лишительного падежа** (абессив) в литературном языке, как и в современных удмуртских диалектах, является суффикс *-тэк*. К сожалению, в тексте «Наставления...» абессивные формы не представлены.

3.8. **Соответственный падеж** (адвербиаль) в удмуртском литературном языке выражается суффиксом *-я*. Как уже отмечалось выше, во многих современных периферийно-южных и некоторых центрально-южных говорах адвербиаль, как правило, замещается послеложными конструкциями. В «Наставлении...» данный показатель функционирует в виде маркера *-ия*, хотя представлен лишь тремя словоформами:

кыляяд ‘согласно твоему слову’ [с. 57, строка 15] — литер. *кыляяд*;

баҗтемезия ‘по мере его взятия’ [с. 31, строка 21] — литер. *баҗтэмеҗя*;

мылпотэмеҗия ‘по его желанию’ [с. 59, строка 17] — литер. *мылпотэмеҗя*.

3.9. **Местный падеж** (инессив) в современном удмуртском языке и в его диалектах оформляется различными маркерами: *-ын*, *-н*, *-а/-я-*, *-лан*, нулевой показатель (подробнее см. [Кондратьева 2011: 152—154]). В памятнике представлены следующие показатели:

1) **-ын**:

вўын ‘в воде’ [с. 15, строка 20; с. 25, строка 1; с. 27, строка 13] — литер. *вуын*;

иңмын ‘на небе’ [с. 20, строка 19; с. 24, строка 8] — литер. *инмын*;

сўресын ‘в пути’ [с. 62, строка 13] — литер. *сюресын*;

иңтыюсын ‘в местах’ [с. 28, строка 6] — литер. *интыюсын* и др.

2) **-н**:

коркан ‘в доме’ [с. 34, строка 1; с. 34, строка 4; с. 34, строка 6] — литер. *коркан*.

3) **-а/-я-**:

сиңмад ‘в твоём глазу’ [с. 40, строка 22] — литер. *синмад*;

мылкыдаз ‘в его мысли’ [с. 55, строка 13; с. 55, строка 14; с. 55, строка 18; с. 55, строка 22; с. 55, строка 23; с. 57, строка 13; с. 58, строка 14] — литер. *мылкыдаз*;

иңтыямы ‘в нашем месте’ [с. 41, строка 10] — литер. *интыямы* (ср. шошм. *гурт интийамы* ‘на месте нашей деревни’ [Кельмаков 2006: 244]);

мылкыдады ‘в вашей мысли’ [с. 57, строка 10] — литер. *мылкыдады* и др.

4) нулевой показатель:

коркаөд ‘в твоём доме’ [с. 62, строка 9] — литер. *коркаөд*.

3.10. **Входный падеж** (иллатив) также, как и в современном литературном языке, так и в удмуртских диалектах, выражается различными суффиксами: *-е/-э*, *-ы*, *-а/-я-*, *-ла*, нулевой показатель (подробнее см. [Кондратьева 2011: 161—164]). В тексте «Наставления...» встречаются такие маркеры:

1) **-е (-ие)/-э**:

вўэ ‘в воду’ [с. 53, строка 24] — литер. *вуэ* (ср. МУ *vištem viue kištem* ‘дурак утонул (досл. дурак в воду умер)’ [Wichmann 1987: 326]);

иңме ‘на небо’ [с. 16, строка 5; с. 28, строка 8] — литер. *инме*;

иңтые ‘в место’ [с. 18, строка 9; с. 27, строка 16; с. 27, строка 24; с. 29, строка 24; с. 30, строка 1; с. 30, строка 23; с. 31, строка 5; с. 33, строка 20; с. 33, строка 22; с. 35, строка 3; с. 35, строка 5; с. 47, строка 2; с. 47, строка 7; с. 47, строка 20; с. 48, строка 5; с. 48, строка 10; с. 57, строка 25; с. 61, строка 21] (также *иңтые* [с. 26, строка 19]) — литер. *интые* и др. (ср. МУ *so niš iromze og intije puktem* ‘эта девушка посадила друга на определенное место’ [Wichmann 1987: 66]);

2) **-а-/-я- (-йя-):**

вылтырад 'на твоё тело' [с. 11, строка 4] — литер. *вылтырад*;
иңтыяз 'на его место' [с. 12, строка 22] (также *иңтыйяз* [с. 48, строка 1; с. 48, строка 3]) — литер. *интыяз* (ср. шошм. *мо с к в оўэн интийяз* 'на месте Москвы' [Кельмаков 2006: 245]);
мылкыдамы 'в нашу мысль' [с. 22, строка 13; с. 22, строка 15; с. 63, строка 7] — литер. *мылкыдамы*;
куспазы 'в их взаимоотношения' [с. 44, строка 24] — литер. *куспазы* и др.

3) нулевой показатель:

коркаө 'в дом' [с. 62, строка 4] — литер. *коркаө*.

3.11. **Исходный падеж** (элатив) в современном удмуртском языке оформляется суффиксами **-ысь, -сь, -ысьты/-сьты-** и **-лась** (подробнее см. [Кондратьева 2011: 176—178]).

На уровне современных удмуртских диалектов относительно оформления и функционирования данного падежа существуют некоторые особенности. Так, например, в красноуфимском говоре периферийно-южного диалекта так называемый элатив вообще отсутствует, его функции выполняют пролативные формы, напр.: *шо карти йктиж* 'он вернулся из города Красноуфимска' (см. подробнее [Насибуллин 1978: 96—97]). Как отмечает В. К. Кельмаков, в северной диалектной зоне, к которой относятся говоры северного наречия, бесермянское наречие и срединные говоры, показатели исходного и отдалительного падежа (о котором речь пойдет ниже) «выступают с **-ы-**овой инициальной (**-ыс'/-ъс', -ыс'эн/-ъс'эн**), а в южной диалектной зоне эти суффиксы имеют соответственно форму **-ис'** и **-ис'эн**, ср.: сдз. (сев., сред.) *бакча-ыс'* 'из огорода' и *бакча-ыс'эн* '(будучи) в огороде; от огорода', (сев., бес.) *бакча-ъс'* и *бакча-ъс'эн* // юдз. *бакча-ис'* и *бакча-ис'эн*» [Кельмаков 2006: 121]. При этом принято считать, что «южноудмуртские формы на **-и-** имеют вторичное происхождение из более ранних форм на **-ы-** под влиянием последующего палатального согласного **с'**» [Кельмаков 2006: 122]. Однако в памятнике такого явления не наблюдается. Возможно, употребление **ы** в инициале приведенных форм объясняется письменными традициями³, поскольку в словаре Ю. Вихманна, материалы которого были собраны в конце XIX века, с пометой малмыжско-уржумского диалекта, соотносимого с современным шошминским говором [Безенова 2016а: 34], отмечены такие формы, как *kiđ'okiś*, *kuđ'okiś*, *kiđ'okiśen* 'издали, издалека' [Wichmann 1987:109].

Итак, в памятнике представлены следующие маркеры исходного падежа:

1) **-ыс':**

Иңмыс, иңмыс 'с неба' [с. 8, строка 2; с. 13, строка 8; с. 24, строка 12; с. 28, строка 6; с. 28, строка 9; с. 29, строка 68; с. 40, строка 1; с. 47, строка 6; с. 54, строка 15] — литер. *инмысь*;
ошмесыс 'из источника' [с. 56, строка 7; с. 57, строка 18] — литер. *ошмесысь*;
улоныс 'из жизни' [с. 29, строка 11] — литер. *улонысь* и др.

1) **-йыс (-йыс):**

бакчайыс 'из сада' [с. 27, строка 2] — литер. *бакчайысь*;
иңтыйыс 'из места' [с. 54, строка 23; с. 55, строка 2; с. 56, строка 11] — литер. *интыысь*;
книгайыс 'из книги' [с. 16, строка 19; с. 22, строка 11; с. 22, строка 12] — литер. *книгаысь* и др.

2) **-с':**

коркас 'из дома' [с. 13, строка 9; с. 33, строка 22] — литер. *коркась*.

3) **-ысқы-:**

пушкысқым 'из моего нутра' [с. 48, строка 22] — литер. *пушкысьтым*;
бангысқыд 'с твоего лица' [с. 44, строка 3; с. 45, строка 24] — литер. *бамысьтыд*;
сиңмысқыз 'из его глаза' [с. 40, строка 19; с. 41, строка 1] — литер. *синмысьтыз* и др.

4) **-йысқы-:**

кйысқыд 'из твоей руки' [с. 35, строка 23] — литер. *кыысьтыд*;
валамтэйысқызы 'из-за их непонимания' [с. 31, строка 3] — литер. *валамтэйысьтызы*.

Из примеров видно, что в «Наставлении...» элативные формы притяжательного склонения оформляются особыми маркерами **-ысқы-** и **-йысқы-**. Подобный маркер характерен и для некоторых современных говоров удмуртского языка. В частности, по данным некоторых диалектологов, в бесермянском наречии (спорадически), в отдельных центрально-южных и периферийно-южных говорах (граховском, кукморском, шошминском, бавлинском и др.) элативные формы притяжательного склонения в соответствие с литер. **-ысьты/-сьты-** оформляются аналогичными маркерами с элементом **к** (см. подробнее [Кельмаков 2006: 122]). Исходя из этого, можно предположить, что вариант, представленный в памятнике, видимо, является более архаичным по своему происхождению.

³ Стоит отметить, что эти письменные традиции, видимо, до конца еще не были закреплены, поскольку утвердительные формы причастий настоящего времени, образованные от глаголов I спряжения, в памятнике обозначены маркером **-ис** (см. примеры ниже).

3.12. Морфологическими маркерами **отдалительного падежа** (эгрессив) в современном удмуртском языке являются суффиксы **-ысен/-сен, -ысены/-сены-, -ласен** (подробнее см. [Кондратьева 2011: 186—188]). Что касается диалектных особенностей, в отдельных говорах нижнечепецкого и среднечепецкого диалекта эгрессивные формы могут выступать вместо элативных (см. подробнее [Кельмаков 2006: 124; Карпова 2005: 63—64]). Кроме того, как уже было указано чуть выше, показатели эгрессива в современных говорах южной диалектной зоны выступают с *и*-овой, а северной диалектной зоны с *ы*-овой инициальной, которые являются первичными и закрепились в качестве литературных норм (примеры см. выше).

В тексте «Наставления...» каких-либо особых отклонений от эгрессивных литературных форм нами не выявлено. Отдалительный падеж здесь оформляется маркерами:

1) **-ысен**

видысен ‘с нового’ [с. 52, строка 24] — литер. *вильысен*;

мылдысен ‘с желания’ [с. 3, строка 3; с. 3, строка 5; с. 3, строка 8; с. 6, строка 13] — литер. *мылдысен*;

ныналысен ‘со дня’ [с. 23, строка 5] — литер. *нуналысен*.

2) **-ысены-**

мылдысеныд ‘с твоего желания’ [с. 3, строка 11; с. 3, строка 16; с. 12, строка 13; с. 30, строка 16; с. 61, строка 18] — литер. *мылдысеныд*;

сулдысеныз ‘от его сердца’ [с. 42, строка 8] — литер. *сюлдысеныз*;

мылдысенымы ‘с нашего желания’ [с. 49, строка 8; с. 51, строка 1] — литер. *мылдысенымы* и др.

3.13. **Переходный падеж** (пролатив) в современном удмуртском языке оформляется суффиксами **-етй/-этй, -ытй; -тй** (подробнее см. [Кондратьева 2011: 194—196]). В удмуртских диалектах встречаются разные морфонологические варианты этих маркеров, некоторые различия встречаются и на семантическом уровне, но все эти особенности в основном представлены в говорах северного наречия (подробнее см. [Кондратьева 2011: 196; Кельмаков 2006: 123]). В памятнике же для выражения пролатива встречаются показатели, которые представлены в литературном языке и в подавляющем большинстве современных удмуртских говоров:

1) **-ти:**

вүти ‘по воде’ [с. 59, строка 16] — литер. *вүтй/вүэтй*;

камти ‘по морю’ [с. 27, строка 12] — литер. *камтй*;

сүрестти ‘по пути’ [с. 22, строка 7; с. 48, строка 5] — литер. *сүресттй*;

сүресттиз ‘по его пути’ [с. 47, строка 5] — литер. *сүресттйз*;

педло-палтизы ‘с их наружной стороны’ [с. 41, строка 4] — литер. *педпалтйзы*.

2) **-ети:**

пытьетим ‘по моему следу’ [с. 46, строка 20] — литер. *пытьетйм*.

3.14. Морфологическими маркерами **предельного падежа** (терминатив) являются суффиксы **-озь/-эзь** (для простого склонения) и **-озя/-эзя-** (для притяжательного склонения). Из особенностей, связанных с употреблением данного падежа в современных удмуртских диалектах, можно отметить следующую. В большинстве периферийно-южных и некоторых центрально-южных говорах, по сравнению с литературным языком и остальными удмуртскими диалектами, терминатив употребляется значительно реже, «заменяясь эквивалентным сочетанием имени существительного с послелогом *дороз', дыроз'* ‘до’, напр., бтБК. *бакча дыроз'* (удм. литер. *бакча-озь*) ‘до огорода’, *вал дыроз'* (удм. литер. *вал-озь, вал дорозь*) ‘до лошади’ и т. д.» [Кельмаков 2006: 118]⁴. К сожалению, мы не можем проверить, присутствует ли такая тенденция в «Наставлении...», поскольку в тексте памятника не представлены как терминативные формы с особыми показателями, так и послеложные конструкции, способные их замещать.

3.15. **Направительный падеж** (аппроксиматив) является одним из самых редкоупотребительных падежей в современном удмуртском языке и оформляется суффиксом **-лань**. В большинстве современных периферийно-южных и некоторых центрально-южных говорах присутствует тенденция замещения аппроксимативных форм послеложными конструкциями, напр.: крм. *гурт пала* // удм. литер. *гуртлань, гурт пала* ‘в сторону деревни, по направлению к деревне’ [Кельмаков 2006: 117]. Но оценить наличие в памятнике данной особенности, как и в предыдущем случае, мы не можем, поскольку в «Наставле-

⁴ Данную тенденцию Л. Л. Карпова отмечает и в говорах среднечепецкого диалекта северного наречия удмуртского языка (см. подробнее [Карпова 2005: 65]).

нии...» нами не были выявлены ни аппроксимативные формы, ни сочетания существительных с послелогами, которые могли бы их заменять.

Ниже в сравнении с литературными показателями в *Таблице 3* приведены падежные маркеры простого склонения, в *Таблицах 4 и 5* продемонстрированы сочетания падежных и притяжательных аффиксов, а также указано количество словоформ в памятнике с данными маркерами.

Таблица 3

Падежные маркеры простого склонения

Падеж	Единственное число		Множественное число	
	«Наставление...»	литер.	«Наставление...»	литер.
номинатив	∅ (173 основы)	∅	∅ (тридцать словоформ)	∅
аккузатив	-эз/-ез (-иез, -йез) (42 словоформы) -э/-е (-ие, -йе) (девять словоформ) ∅ (29 словоформ)	-эз/-ез -э/-е ∅	-ыз (24 словоформы)	-ты/-ды -ыз
генитив	-лэн (22 словоформы)	-лэн	-лэн (три словоформы)	-лэн
аблатив	-лиц (27 словоформ) -лэс (десять словоформ) -лиц/-лэс (восемь словоформ)	-лэсь	-лиц (семь словоформ) -лэс (одна словоформа)	-лэсь
датов	-лы (37 словоформ)	-лы	-лы (одиннадцать словоформ)	-лы
инструменталь	-эн/-ен (25 словоформ) -ын (семь словоформ)	-эн/-ен -ын -ин	-ын (шесть словоформ)	-ын
абессив	не зафиксировано	-тэк	не зафиксировано	-тэк
адвербиаль	не зафиксировано	-я	не зафиксировано	-я
инессив	-ын (двенадцать словоформ) -н (одна словоформа)	-ын -н -лан	-ын (одна словоформа)	-ын
иллатив	-е (-ие)/-э (двадцать словоформ) ∅ (одна словоформа)	-е/-э -ы -ла ∅	не зафиксировано	-ы
элатив	-ыс (семь словоформ) -йыс (-йыс) (шесть словоформ) -с (одна словоформа)	-ысь -сь -лась	не зафиксировано	-ысь
эгрессив	-ысен (три словоформы)	-ысен/-сен -ласен	не зафиксировано	-ысен
пролатив	-ти (три словоформы)	-етй/-этй -ытй -тй	не зафиксировано	-тй
терминатив	не зафиксировано	-озь/-эзь	не зафиксировано	-озь
аппроксиматив	не зафиксировано	-лань	не зафиксировано	-лань

Таблица 4

Сочетания падежных маркеров с притяжательными аффиксами
(формы индивидуального обладателя)

Падеж	Лицо	Одно обладаемое		Много обладаемых	
		«Наставление...»	литер.	«Наставление...»	литер.
номинатив	1	-э/-е(-ие)-∅ (семь словоформ) -ы-∅ (одна словоформа)	-э/-е-∅ -ы-∅	-ы-∅ (четыре словоформы)	-ы-∅
	2	-эд/-ед-∅ (17 словоформ) -ыд-∅ (пять словоформ)	-эд/-ед-∅ -ыд-∅	-ыд-∅ (три словоформы)	-ыд-∅
	3	-эз/-ез(-иез)-∅ (38 словоформ) -ыз-∅ (16 словоформ)	-эз/-ез-∅ -ыз-∅	-ыз-∅ (четыре словоформы)	-ыз-∅

Падеж	Лицо	Одно обладаемое		Много обладаемых	
		«Наставление...»	литер.	«Наставление...»	литер.
аккузатив	1	-м-е (семь словоформ)	-м-е	-м-е (две словоформы)	-м-е
	2	-д-э (25 словоформ) -т-э (четыре словоформы)	-д-э -т-э	-т-э (шесть словоформ)	-т-э
	3	-з-е (41 словоформа) -с-э (семь словоформ) -з-э (две словоформы) -с-е (одна словоформа)	-з-э -с-э	-с-э (девять словоформ)	-с-э
генитив	1	-е-лэн (одна словоформа)	-э/-е-лэн -ы-лэн	не зафиксировано	-ы-лэн
	2	-эд/-ед-лэн (две словоформы) -ыд-лэн (две словоформы)	-эд/-ед-лэн -ыд-лэн	не зафиксировано	-ыд-лэн
	3	не зафиксировано	-эз/-ез-лэн -ыз-лэн	-ыз-лэн (одна словоформа)	-ыз-лэн
аблатив	1	-е-лэс (одна словоформа)	-э/-е-лэсь -ы-лэсь	не зафиксировано	-ы-лэсь
	2	-эд/-ед-лис (четыре словоформы) -ыд-лис (две словоформы) -ыт-лис (одна словоформа)	-эд/-ед-лэсь -ыд-лэсь	-ыд-лэс (одна словоформа)	-ыд-лэсь
	3	-эз/-ез-лис (пять словоформ) -ыз-лис (две словоформы) -ыз-лэс (две словоформы)	-эз/-ез-лэсь -ыз-лэсь	-ыз-лис (одна словоформа)	-ыз-лэсь
датив	1	не зафиксировано	-э/-е-лы -ы-лы	-ы-лы (одна словоформа)	-ы-лы
	2	-эд/-ед-лы (шесть словоформ) -ыд-лы (одна словоформа)	-эд/-ед-лы -ыд-лы	-ыд-лы (две словоформы)	-ыд-лы
	3	-эз/-ез(-иез)-лы (одиннадцать словоформ) -ыз-лы (две словоформы)	-эз/-ез-лы -ыз-лы	-ыз-лы (две словоформы)	-ыз-лы
инструменталь	1	-эны-м (одна словоформа)	-эны/-эны-м -ыны-м -ины-м	не зафиксировано	-эны/-эны-м -ыны-м -ины-м
	2	-эны/-эны-д (восемь словоформ) -ыны-д (четыре словоформы)	-эны/-эны-д -ыны-д -ины-д	не зафиксировано	-эны/-эны-д -ыны-д -ины-д
	3	-эны/-эны-з (девять словоформ) -ыны-з (пять словоформ)	-эны/-эны-з -ыны-з -ины-з	не зафиксировано	-эны/-эны-з -ыны-з -ины-з
абессив	1	не зафиксировано	-э/-е-тэк -ы-тэк	не зафиксировано	-ы-тэк
	2	не зафиксировано	-эд/-ед-тэк -ыд-тэк	не зафиксировано	-ыд-тэк
	3	не зафиксировано	-эз/-ез-тэк -ыз-тэк	не зафиксировано	-ыз-тэк
адвербиаль	1	не зафиксировано	-э/-е-я -ы-я	не зафиксировано	-ы-я
	2	-ія-д (одна словоформа)	-эд/-ед-я -ыд-я	не зафиксировано	-ыд-я
	3	ыз-ія (две словоформы)	-эз/-ез-я -ыз-я	не зафиксировано	-ыз-я
инессив	1	не зафиксировано	-а/-я-м -ө-м	не зафиксировано	-а-м
	2	-а-д (одна словоформа) -ө-д (одна словоформа)	-а/-я-д -ө-д	не зафиксировано	-а-д

Падеж	Лицо	Одно обладаемое		Много обладаемых	
		«Наставление...»	литер.	«Наставление...»	литер.
инессив	3	-а-з (четыре словоформы)	-а-/-я-з -θ-з	не зафиксировано	-а-з
иллатив	1	не зафиксировано	-а-/-я-м -θ-м	не зафиксировано	-а-м
	2	-а-д (четыре словоформы)	-а-/-я-д -θ-д	не зафиксировано	-а-д
	3	-а-/-я-(-ія)-з (восемь словоформ)	-а-/-я-з -θ-з	не зафиксировано	-а-з
элатив	1	-ысқы-м (две словоформы)	-ысъты-м -съты-м	не зафиксировано	-ысъты-м
	2	-ысқы-д (шесть словоформ) -йысқы-д (одна словоформа)	-ысъты-д -съты-д	не зафиксировано	-ысъты-д
	3	-ысқы-з (четыре словоформы)	-ысъты-з -съты-з	не зафиксировано	-ысъты-з
эгрессив	1	не зафиксировано	-ысены-м -сены-м	не зафиксировано	-ысены-м
	2	-ысены-д (две словоформы)	-ысены-д -сены-д	не зафиксировано	-ысены-д
	3	-ысены-з (две словоформы)	-ысены-з -сены-з	не зафиксировано	-ысены-з
пролатив	1	-ети-м (одна словоформа)	-етй/-этй-м -ытй-м -тй-м	не зафиксировано	-тй-м
	2	не зафиксировано	-етй/-этй-д -ытй-д -тй-д	не зафиксировано	-тй-д
	3	-ти-з (две словоформа)	-етй/-этй-з -ытй-з -тй-з	не зафиксировано	-тй-з
терминатив	1	не зафиксировано	-озя-/-ёзя-м	не зафиксировано	-озя-м
	2	не зафиксировано	-озя-/-ёзя-д	не зафиксировано	-озя-д
	3	не зафиксировано	-озя-/-ёзя-з	не зафиксировано	-озя-з
аппроксиматив	1	не зафиксировано	-э/-е-лань -ы-лань	не зафиксировано	-ы-лань
	2	не зафиксировано	-эд/-ед-лань -ыд-лань	не зафиксировано	-ыд-лань
	3	не зафиксировано	-эз/-ез-лань -ыз-лань	не зафиксировано	-ыз-лань

Таблица 5

**Сочетания падежных маркеров с притяжательными аффиксами
(формы коллективного обладателя)**

Падеж	Лицо	Одно обладаемое		Много обладаемых	
		«Наставление...»	литер.	«Наставление...»	литер.
номинатив	1	-мы-θ (14 словоформ)	-мы-θ	-мы-θ (одна словоформа)	-мы-θ
	2	-ды-θ (шесть словоформ)	-ды-θ -ты-θ	не зафиксировано	-ты-θ
	3	-зы-θ (семь словоформ) -сы-θ (одна словоформа)	-зы-θ -сы-θ	не зафиксировано	-сы-θ
аккузатив	1	-м-ес (14 словоформ) -м-эс (одна словоформа)	-м-ес	-м-ес (две словоформы)	-м-ес

Падеж	Лицо	Одно обладаемое		Много обладаемых	
		«Наставление...»	литер.	«Наставление...»	литер.
аккузатив	2	- <i>д-эс</i> (три словоформы)	- <i>д-эс</i> - <i>т-эс</i>	не зафиксировано	- <i>т-эс</i>
	3	- <i>з-эс</i> (четыре словоформы)	- <i>з-эс</i> - <i>с-эс</i>	- <i>с-эс</i> (три словоформы)	- <i>с-эс</i>
генитив	1	не зафиксировано	- <i>мы-лэн</i>	не зафиксировано	- <i>мы-лэн</i>
	2	не зафиксировано	- <i>ды-лэн</i> - <i>ты-лэн</i>	не зафиксировано	- <i>ты-лэн</i>
	3	не зафиксировано	- <i>зы-лэн</i> - <i>сы-лэн</i>	не зафиксировано	- <i>сы-лэн</i>
аблатив	1	- <i>мы-лиц</i> (одна словоформа)	- <i>мы-лэсь</i>	не зафиксировано	- <i>мы-лэсь</i>
	2	не зафиксировано	- <i>ды-лэсь</i> - <i>ты-лэсь</i>	не зафиксировано	- <i>ты-лэсь</i>
	3	не зафиксировано	- <i>зы-лэсь</i> - <i>сы-лэсь</i>	не зафиксировано	- <i>сы-лэсь</i>
датив	1	- <i>мы-лы</i> (две словоформы)	- <i>мы-лы</i>	не зафиксировано	- <i>мы-лы</i>
	2	не зафиксировано	- <i>ды-лы</i> - <i>ты-лы</i>	не зафиксировано	- <i>ты-лы</i>
	3	- <i>зы-лы</i> (две словоформы)	- <i>зы-лы</i> - <i>сы-лы</i>	не зафиксировано	- <i>сы-лы</i>
инструменталь	1	- <i>ены-мы</i> (две словоформы) - <i>ыны-мы</i> (две словоформы)	- <i>эны/-ены-мы</i> - <i>ыны-мы</i> - <i>ины-мы</i>	не зафиксировано	- <i>ыны-мы</i>
	2	не зафиксировано	- <i>эны/-ены-ды</i> - <i>ыны-ды</i> - <i>ины-ды</i>	не зафиксировано	- <i>ыны-ды</i>
	3	- <i>ены-зы</i> (две словоформы) - <i>ыны-зы</i> (две словоформы)	- <i>эны/-ены-зы</i> - <i>ыны-зы</i> - <i>ины-зы</i>	не зафиксировано	- <i>ыны-зы</i>
абессив	1	не зафиксировано	- <i>мы-тэк</i>	не зафиксировано	- <i>мы-тэк</i>
	2	не зафиксировано	- <i>ды-тэк</i> - <i>ты-тэк</i>	не зафиксировано	- <i>ты-тэк</i>
	3	не зафиксировано	- <i>зы-тэк</i> - <i>сы-тэк</i>	не зафиксировано	- <i>сы-тэк</i>
адвербиаль	1	не зафиксировано	- <i>мы-я</i>	не зафиксировано	- <i>мы-я</i>
	2	не зафиксировано	- <i>ды-я</i> - <i>ты-я</i>	не зафиксировано	- <i>ты-я</i>
	3	не зафиксировано	- <i>зы-я</i> - <i>сы-я</i>	не зафиксировано	- <i>сы-я</i>
инессив	1	- <i>а-/-ия-мы</i> (две словоформы)	- <i>а-/-я-мы</i> - <i>ө-мы</i>	не зафиксировано	- <i>а-мы</i>
	2	- <i>а-ды</i> (одна словоформа)	- <i>а-/-я-ды</i> - <i>ө-ды</i>	не зафиксировано	- <i>а-ды</i>
	3	не зафиксировано	- <i>а-/-я-зы</i> - <i>ө-зы</i>	не зафиксировано	- <i>а-зы</i>
иллатив	1	- <i>а-/-я-мы</i> (три словоформы)	- <i>а-/-я-мы</i> - <i>ө-мы</i>	не зафиксировано	- <i>а-мы</i>
	2	не зафиксировано	- <i>а-/-я-ды</i> - <i>ө-ды</i>	не зафиксировано	- <i>а-ды</i>
	3	- <i>а-зы</i> (три словоформы)	- <i>а-/-я-зы</i> - <i>ө-зы</i>	не зафиксировано	- <i>а-зы</i>
элатив	1	не зафиксировано	- <i>ысьты-мы</i> - <i>сьты-мы</i>	не зафиксировано	- <i>ысьты-мы</i>
	2	не зафиксировано	- <i>ысьты-ды</i> - <i>сьты-ды</i>	не зафиксировано	- <i>ысьты-ды</i>

Падеж	Лицо	Одно обладаемое		Много обладаемых	
		«Наставление...»	литер.	«Наставление...»	литер.
элатив	3	<i>-йысқы-д</i> (одна словоформа)	<i>-ысьты-зы</i> <i>-сьты-зы</i>	не зафиксировано	<i>-ысьты-зы</i>
эгрессив	1	<i>-ысены-мы</i> (одна словоформа)	<i>-ысены-мы</i> <i>-сены-мы</i>	не зафиксировано	<i>-ысены-мы</i>
	2	не зафиксировано	<i>-ысены-ды</i> <i>-сены-ды</i>	не зафиксировано	<i>-ысены-ды</i>
	3	не зафиксировано	<i>-ысены-зы</i> <i>-сены-зы</i>	не зафиксировано	<i>-ысены-зы</i>
пролатив	1	не зафиксировано	<i>-етй/-этй-мы</i> <i>-ытй-мы</i> <i>-тй-мы</i>	не зафиксировано	<i>-тй-мы</i>
	2	не зафиксировано	<i>-етй/-этй-ды</i> <i>-ытй-ды</i> <i>-тй-ды</i>	не зафиксировано	<i>-тй-ды</i>
	3	<i>-ти-зы</i> (одна словоформа)	<i>-етй/-этй-зы</i> <i>-ытй-зы</i> <i>-тй-зы</i>	не зафиксировано	<i>-тй-зы</i>
терминатив	1	не зафиксировано	<i>-озя/-эзя-мы</i>	не зафиксировано	<i>-озя-мы</i>
	2	не зафиксировано	<i>озя/-эзя-ды</i>	не зафиксировано	<i>-озя-ды</i>
	3	не зафиксировано	<i>озя/-эзя-зы</i>	не зафиксировано	<i>-озя-зы</i>
аппроксиматив	1	не зафиксировано	<i>-мы-лань</i>	не зафиксировано	<i>-мы-лань</i>
	2	не зафиксировано	<i>-ды-лань</i> <i>-ты-лань</i>	не зафиксировано	<i>-ты-лань</i>
	3	не зафиксировано	<i>-зы-лань</i> <i>-сы-лань</i>	не зафиксировано	<i>-сы-лань</i>

Выводы

Итак, на основе данного анализа можно предположить, что, в целом, текст «Наставления...» на уровне именной морфологии имеет архаичный характер, поскольку практически все рассмотренные нами в данной статье морфологические показатели по своему происхождению являются архаичными. Отдельно стоит выделить пару особенностей, которые на первый взгляд можно было бы отнести к инновационным, но затронувших большинство современных южных удмуртских говоров. Вероятно, учитывая, что для этих случаев характерно наличие дублетных показателей без правила распределения, эти процессы шли прямо во время создания анализируемого памятника.

1) Множественное число имен образуется, как правило, с помощью суффикса *-іос* (*-йос*), который присоединяется как к основам на согласные, так и гласные. После основ на согласные в качестве числовых показателей могут выступать различные фонетические варианты данного суффикса типа *-џос*, *-џёс*, *-тёс*, *-нёс*, *-јос* и др.

2) Морфологическим маркером аблатива в большинстве случаев является суффикс *-лис*, лишь в некоторых случаях разделительный падеж оформлен показателем *-лэс*, а также встречается параллельное употребление форм с *-лис* и *-лэс*.

Данные особенности, имеющие большей частью инновационный характер, как уже было указано выше, представлены и в большинстве современных южных говоров, в число которых входит и шошминский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка.

Таким образом, описание именной морфологии памятника имеет большое значение для прапермской морфологической реконструкции. При этом необходимо продолжить описание морфологии памятников из других диалектных зон, поскольку они, с большой долей вероятности, могут быть важны для верификации тех или иных гипотез.

Сокращения

Языки и диалекты

МУ — малмыжско-уржумский диалект [Wichmann 1987]	праудм. — праудмуртский
бес. — бесермянское наречие	рус. — русский
бт. — буйско-танышский говор	сдз. — северная диалектная зона
бтБК. — буйско-танышский говор деревни Большой Качак (Калтасинский район Башкортостана)	сев. — северное наречие; северные диалекты (или говоры)
к.-з. — коми-зырянский	сред. — срединные говоры
к.-п. — коми-пермяцкий	татш. — татышлинский говор
канл. — канлинский говор	удм. — удмуртский
кркм. — кырыкмасские говоры	шошм. — шошминский говор
кукм. — кукморский говор	юдз. — южная диалектная зона

Общие

диал. — диалект, диалектный
досл. — дословно; дословный перевод
литер. — литературная форма, литературный язык

Литература

Безенова 2016а — *Безенова М. П.* Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке (1891) (Эч кыльёс. Святой Тихонлэн эчлы дышетэм кыльёсыз): графические и вокалические особенности // Урало-алтайские исследования, 2016. 1 (20). С. 7—40. {*Bezenova M. P.* The “Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language” (1891): graphical and vocalic specifics // *Ural-Altaic Studies*, 2016. 1 (20). P. 7—40.}

Безенова 2016б — *Безенова М. П.* Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке (1891) (Эч кыльёс. Святой Тихонлэн эчлы дышетэм кыльёсыз): особенности консонантизма // Урало-алтайские исследования, 2016. 3 (22). С. 46—63. {*Bezenova M. P.* The “Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language” (1891): consonantism specifics // *Ural-Altaic Studies*, 2016. 3 (22). P. 46—63.}

ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология/Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР; Отв. ред. П. Н. Перевошиков. Ижевск, 1962. {*Modern Udmurt grammar. Phonetics and morphology./Udm. RI of History, Economics, Literature and Lanugage at the Udmurt ASSR Council of Ministers; Ed. P. N. Perevoshchikov. Izhevsk, 1962.*}

Карпова 2005 — *Карпова Л. Л.* Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи/УИИЯЛ УрО РАН. Ижевск, 2005. {*Karпова L. L.* The Middle-Chepts dialect of Udmurt: Speech examples/UIHLL UrD RAS. Izhevsk, 2005.}

Кельмаков 2006 — *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006. {*Kel'makov V. K.* A concise course of the Udmurt dialectology: a textbook for institutes of higher education. Izhevsk, 2006.}

Кондратьева 2011 — *Кондратьева Н. В.* Категория падежа имени существительного в удмуртском языке: Монография. Ижевск, 2011. {*Kondrat'eva N. V.* Case category of a noun in Udmurt. Monograph. Izhevsk, 2011.}

Насибуллин 1973 — *Насибуллин Р. Ш.* Закамские говоры удмуртского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1973. {*Nasibullin R. Sh.* Trans-Kama subdialects of Udmurt. Author's abstract of a Ph.D. thesis. Tartu, 1973.}

Насибуллин 1978 — *Насибуллин Р. Ш.* Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сб. статей и материалов. Ижевск, 1978. С. 86—151. {*Nasibullin R. Sh.* Observations of the Krasnoufimsk Udmurts' language // On the dialects and sub-dialects of Southern Udmurt: A collection of articles and materials. Izhevsk, 1978. P. 86—151.}

Серебренников 1963 — *Серебренников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. Москва, 1963. {*Serebrennikov B. A.* Historical morphology of Permic languages. Moscow, 1963.}

Тараканов 1960 — *Тараканов И. В.* Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке (на материале бавлинского диалекта) // Труды / Ин-т языка и лит. АН ЭССР. Таллинн, 1960. {*Tarakanov I. V.* Some occurrences of assimilation, elision and anaptyxis in Udmurt (based on the materials of the Bavlin dialect) // Works/Institute of Language and Literature of AS ESSR. Tallinn, 1960.}

Тепляшина 1975 — *Тепляшина Т. И.* Употребление формантов аккузатива множественного числа в удмуртских диалектах // СФУ, 1975. XI. С. 179—185. {*Teplyashina T. I.* Use of formants of plural accusative in the Udmurt dialects // SFU, 1975. XI. P. 179—185.}

Kel'makov, Saarinen 1994 — *Kel'makov V., Saarinen S. Udmurtin murteet. Turku — Izhevsk, 1994.*

Wichmann 1987 — *Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz / Aufgezeichnet Wichmann Y. Bearb. Uotila T. E., Korhonen M. Hrsg. Korhonen M. Helsinki, 1987. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 1987, XXI.)*

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются именные морфологические особенности одного из памятников удмуртской письменности конца XIX века. На основе анализа этих особенностей и сопоставления полученных результатов с данными литературного языка и современных удмуртских говоров предпринимается попытка выделить инновационные и архаичные морфологические показатели имени.

SUMMARY

The article represents nominal morphologic characteristics one of the Udmurt written monument of the late 19th century. Taking into account these features and comparing received results with the data of the literary language and the modern Udmurt dialects the author attempts to highlight the innovative and archaic nominal morphological indicators.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектология, памятники письменности, именная морфология

Keywords: the Udmurt language, dialectology, the monuments of literature, nominal morphologic

Безенова Мария Петровна, Институт языкознания РАН (Москва); mary_kaj@mail.ru

Maria P. Bezenova, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); mary_kaj@mail.ru

Agreement, case and licensing: Evidence from Tatar¹

1. Argument licensing

Argument licensing has been a hot topic in syntax at least since [Chomsky 1965]. The natural hypothesis to consider was the idea that arguments are licensed via projection, that is, their appearance in the syntactic structure is determined by semantic properties of lexical heads. To ensure that the right number of arguments is inserted in the projection of the predicate the theory made use of theta-roles: every argument had to be assigned a (distinct) theta-role, and every theta-role of a given lexical predicate had to be discharged by a (distinct) DP/PP/CP.

This theory by itself appears to be not restrictive enough: it seems that nominal arguments have to meet some additional requirements in order to be licensed. Thus, in (1a), the Theme CP is fine as an argument of *proof*, but the DP-complement is illicit (1b) unless mediated by PP-shell (1c). Examples in (2) demonstrate that the overt subject of the infinitive clause, although equally projected by the lexical head, is only allowed in Exceptional Case Marking/raising constructions.

- (1) a. the proof that the Earth is round
 b. *the proof the theorem
 c. the proof of the theorem
- (2) a. Bill decided [*John/PRO to come].
 b. Bill decided [for John to come].
 c. Bill wanted [John to come].

In his famous letter, Vergnaud [Vergnaud 1977] proposed that the principle governing the distribution of nominal arguments is availability of (abstract) case: NPs have to receive case in order to be licensed. This hypothesis, although implemented in different ways, underlies the mainstream GB / minimalist Case theory.

The next step is to observe that not all nominals need case equally. Typological and language-specific studies of (morphologically observable) case reveal a regular pattern of asymmetrical differential argument marking [Malchukov, de Swart 2008] whereby case-marked form varies with a caseless one, as in example (3) from Turkish:

- (3) a. *Ali bir kitab-ı al-di.*
 Ali one book-ACC buy-PST
 ‘Ali bought a certain book.’
- b. *Ali bir kitab al-di.*
 Ali one book buy-PST
 ‘Ali bought one book.’ (adapted from [Enç 1991: 5])

Although several attempts have been made to save the universality of the Case filter and to analyze the caseless form in (3b) as a special inherent/weak case [Belletti 1988; de Hoop 1996], data like (3a-b) have led to a variety of proposals assuming that certain structural types of nominals can escape the Case filter (e. g. by being (pseudo)incorporated [Massam 2001; Baker, Vinokurova 2010] or by lacking a DP layer and therefore lacking *u*Case feature [Danon 2006; Pereltsvaig, Lyutikova 2014; Lyutikova, Pereltsvaig 2015a; 2015b; Bianchi, Belletti 2014]. Such nominals typically exhibit a certain structural deficiency, syntactic rigidity and special interpretation (narrow scope/predicate).

In many languages exhibiting differential argument marking (DAM), 1st/2nd person pronouns are among those nominals that never participate in asymmetrical DAM but are obligatorily case-marked. This fact is easily explained under the assumption that personal pronouns are DP-proforms [Déchaine, Wiltschko 2002] and thus have *u*Case feature.

1st/2nd person pronouns are also involved in the person case constraint (PCC) phenomena. In many languages, including Romance languages, Greek, Czech, Basque, and Georgian, certain person combinations are restricted when two phonologically “weak” arguments (pronouns, clitics) occupy the same domain. Thus, in French, in combinations of a direct and indirect object, both of which are phonologically weak, the direct object may not be 1st or 2nd person [Bonet 1991; Béjar 2003; Béjar, Rezac 2003].

¹ This paper is a part of the RFBR research project #16-06-00536 “Syntax-Semantics Interface in Uralic and Altaic Languages”.

- (4) *Il la/*me/*te lui a présenté(e).*
 he 3.SG.F.ACC/1SG.ACC/2SG.ACC 3.SG.DAT AUX.3SG present.PP
 ‘He introduced her/*me/*you to him.’

Béjar and Rezac propose that PCC effects derive from Person Licensing Condition (PLC) axiom (5) under the assumption that «... ϕ -features are not a homogeneous block, but separate person [π] and number [#] entities, which Probe separately (but in that order), and Agree separately» [Béjar, Rezac 2003: 52].

- (5) Person Licensing Condition (PLC) axiom

An interpretable 1st/2nd person feature must be licensed by entering into an Agree relation with a functional category.

PCC effects follow if there is a single licenser in the verbal domain and the dative clitic intervenes between the licenser and the accusative clitic, thus preventing the latter from establishing the AGREE relation with the [π]-probe.

Recently, Kalin [Kalin 2015] put forward a proposal unifying the two phenomena. She claims that both DAM² and PCC phenomena result from a generalized feature licensing condition. Adopting Harley and Ritter’s approach to geometric representation of morphosyntactic features [Harley, Ritter 2002], Kalin proposes that among ϕ -features nominals can possess there are two basic types of features: π -features (person feature further decomposed into [participant] and [author]) and γ -features that comprise not only number and gender, but also animacy, specificity, definiteness etc.). Languages differ as to which features have to be licensed by entering the AGREE relation with a ϕ -probe. Kalin suggests that the feature [participant] always needs licensing, and therefore 1st/2nd person nominals need to agree with a π -probe to be licensed. γ -features, on the other hand, may require or not require licensing in a given language. If some γ -feature, e. g. [animate], needs licensing, then 3rd person animate nominals need to agree with a γ -probe. Given that structural case assignment is often taken to be a reflex of AGREE [Chomsky 2000, 2001], this mechanism derives obligatorily case-marked 1st/2nd person pronouns and animacy-conditioned DAM. In this way, *uCase* is superficial and can be eliminated.

In order to explain the obligatory subject-predicate agreement which takes place even if the argument has no feature to be licensed by AGREE, Kalin distinguishes between obligatory and secondary licensers³. Obligatory licenser is a complete ϕ -probe that is merged in every clause and attempts to Agree with the closest goal. Secondary licensers merge when needed for convergence of the derivation. Thus, in a transitive clause, T, by virtue of being an obligatory licenser, always merges with a complete ϕ -probe, but *v*, a secondary licenser, merges with the ϕ -probe only if the object features need licensing.

In this paper, I present data from Tatar, a Turkic language spoken in Russia, that contribute to our understanding of the phenomena outlined above⁴. Tatar is of special interest in several respects.

First, it shows an asymmetrical differential case marking in many structural positions, including direct object, noun phrase possessor, preposition object, embedded nominalized and finite clause subject. In this paper, only the first three positions will be considered.

Secondly, Tatar has three loci of morphologically observable agreement — predicate agreement within the finite clause, possessive agreement within the noun phrase and postposition agreement within the postpositional

² Kalin discusses differential object marking (DOM) exclusively, but it seems that the proposal can be extended to other contexts of differential structural case assignment, including subject and possessor.

³ The idea that every clause has one obligatory locus of agreement, with secondary loci merging only when needed for convergence, dates back at least to Bobaljik’s “obligatory case parameter” [Bobaljik 1993].

⁴ Tatar data, unless specially indicated as coming from corpora of literary Tatar, come from my field work with native speakers of Kazan Tatar and represent the literary Tatar language. In what follows I use the phonetically adjusted transliteration of the Cyrillic script. Examples marked as coming from corpora have the following sources: «2013 Универсиадасы блогы» (web site) — (18a), (49a); «Безнең гәжит» газетасы (web site) — (16a), (40a), (48a), (49b), (50), (51a), (52a); «Ислам — Татарлар һәм мөселманнар» (web site) — (20a); «Кызыл таң» газетасы (web site) — (27a), (41c); «Сөембикә» журналы (web site) — (48b); «Тазбаш» (web site) — (23); «Татар әдипләре» порталы (web site) — (41a); «Татар-информ» МА Татарстан Республикасы мәгълүмат агентлыгы (web site) — (51b); «Татарстан китап нәширияты» (web site) — (25a); «Татарстан яшьләре» газетасы (web site) — (19); «Хезмәт даны» газетасы (web site) — (24a), (25b); «Шәһри Казан» газетасы (web site) — (53a); Бари Ислам, «Бик гади дә, серле дә син, тормыш» — (22); Галимжан Гыйльманов, «Албастылар» — (40b); Галимжан Ибраһимов, «Кызыл чәчәкләр» — (16b); Зифа Кадырова, «Сагынырсың – мин булмам» — (28); Һади Такташ, «Кияү» — (16c); Фанис Яруллин, «Сөенчләр бүләшү» — (15a); Флүсә Шәрипова, «Минем сезгә бүләгем» (Шигырьләр) — (16d); Хасанов М. Х., Ахмадуллин А. Г., Галимуллин Ф. Г. «Татар әдәбияты. 10 сыйныф» — (18b).

phrase. Agreement reflects person and number of the goal, and its obligatoriness differs depending on the features of the goal and on the structural type of agreement.

Thirdly, case-marking and agreement overlap only partially. In some structural configurations, e. g. possessive construction, both differential case marking and agreement obtain. In other configurations, only differential case marking or differential agreement can be observed. Moreover, discrepancies of case-marking and agreement are partially based on the features of arguments: 1st/2nd person arguments are always case-marked and control person and number agreement; some 3rd person nominals are obligatorily case-marked and can, but do not have to control predicate agreement in number.

I claim that in Tatar, two distinct mechanisms of argument/feature licensing are at work. The marked person feature [participant] is to be licensed via AGREE. Structural case marking is NOT an exponent of AGREE, but represents a separate type of licensing, which I'll call Vergnaud-licensing⁵ and which can be viewed as licensing of DP (as argued in [Lyutikova 2014; Lyutikova, Pereltsvaig 2015a; 2015b] and elsewhere) or, in feature-driven syntactic system, as licensing of the feature of syntactic category D. As 1st/2nd person pronouns are also DP-proforms, they are case-marked agreement controllers in all the relevant configurations.

The rest of the paper is organized as follows. In section 2, Tatar data are discussed in more detail. Section 3 presents the proposal. In section 4, an apparent counter-evidence to the proposed analysis is discussed. Section 5 concludes the paper.

2. Structural case and agreement in Tatar

The 6 cases of Tatar include nominative, genitive, dative, accusative, ablative and locative. Among them, three are of a high relevance for our discussion. Accusative (markers *-ni/-n* is the case of the direct object, genitive (marker *-niŋ*) is the case of the possessor, and nominative (unmarked) is the case of the subject. They are exemplified in (6). The subject *Marat* 'Marat' is nominative, the possessor *Alsunıŋ* 'Alsu's' is genitive, and the two coordinated direct objects demonstrate possessive (*kitabın* 'book') and bare (*däftärne* 'notebook') accusative.

- (6) *Marat Alsu-nıŋ kitab-ı-n häm bu däftär-ne al-dı.*
 Marat Alsu-GEN book-3-ACC and this notebook-ACC take-PST
 'Marat took Alsu's book and this notebook.'

The unmarked noun phrase can also function as a (non-specific) direct object or possessor (7a—b), the fact that led descriptive grammars to attribute direct object and possessor functions to nominative [Zakiev 1992: 118, 127; Zakiev 1993: 46—47; Galieva 2014]. I prefer to label this form as unmarked or caseless, since I am going to argue, following [Lyutikova 2014] and subsequent work, that bare direct objects and possessors have no case rather than zero-marked nominative.

- (7) a. *Marat kitap al-dı.*
 Marat book take-PST
 'Marat took a book/books.'
 b. *xatın-kız-lar kijem-e*
 woman-girl-PL clothing-3
 'women's clothing'

Below I present the characterization of the morphosyntactic processes in the three structural configurations that correspond to three basic grammatical relations: subject, object, possessor. But before that, a short discussion of structural types of nominals and their features is due.

2.1. Nominals and their features

As argued in [Lyutikova 2014; Pereltsvaig, Lyutikova 2014; Lyutikova, Pereltsvaig 2015a; 2015b], Tatar noun phrases come in different size: some are full-fledged DPs and others are Small Nominals (in the sense of [Pereltsvaig 2006]), that is, they lack all or some functional projections that DPs possess. Although Tatar noun phrases are maximally DPs, not all noun phrases are fully projected. Various constructions involve nominals of different sizes: N^o, NP, NumP or DP can be embedded in different constructions.

For instance, the nominal element in complex predicate constructions (CPCs) is N^o (8a). It cannot contain the plural marker *-lar* (8b) or modifiers of any kind (8c).

⁵ I owe this term to [Pesetsky 2013].

- (8) a. *Äti-se Marat-ka mašina büläk it-te.*
 father-3 Marat-DAT car gift make-PST
 ‘His father gave Marat a car (as a gift).’
- b. **Äti-se Marat-ka mašina(-lar) büläk-lär it-te.*
 father-3 Marat-DAT car-PL gift-PL make-PST
 intended: ‘His father gave Marat cars (as gifts).’
- c. *Äti-se Marat-ka mašina (*jaxşı/*ber/*tege) büläk it-te.*
 father-3 Marat-DAT car good/one/such gift make-PST
 intended: ‘Father gave Marat a car as a good/one/such gift.’

The same is true of the nominal element embedded in the so-called *ezafe-1* construction. There are three nominal embedding constructions in Tatar, as well as in other Turkic languages, labeled traditionally as *ezafe-1*, *ezafe-2*, and *ezafe-3*. As we show below, *ezafe-1* embeds a bare N^o, *ezafe-2* embeds a NumP, and *ezafe-3* embeds a DP.

The embedded element of *ezafe-1*, which is used typically for materials, is a bare noun, as in (9a). Like the nominal component in CPCs, it cannot contain the plural marker *-lar* (9b), or any modifiers (9c).

- (9) a. *altın jözek*
 gold ring
 ‘gold ring’
- b. *taş-(*lar) jort*
 stone-(*PL) house
 intended: ‘house from stones’, ‘stone house’
- c. **çin altın jözek*
 real gold ring
 intended: ‘ring from real gold’

In contrast, the embedded element of *ezafe-2* is a NumP: unlike the nominals considered above, it can include the plural marker *-lar* (10a) or certain modifiers (it can be the *ezafe-2* construction itself, (10b)), but still cannot be a personal pronoun or a proper noun (10c-d)⁶.

- (10) a. *kırsak-lı xatın-nar kijem-e*
 belly-ATR woman-PL clothing-3
 ‘clothing for pregnant women’
- b. *bala-lar xastaxanä-se tabib-ı*
 child-PL hospital-3 doctor-3
 ‘a doctor in a children’s hospital’
- c. **min дәftär-em/-e*
 I notebook-1/-3
 intended: ‘my notebook’
- d. **zefär ata-sı*
 Zufar dad-3
 intended: ‘Zufar’s dad’ [Grashchenkov 2007: 84]

Unlike the *ezafe-2* marker, the marker of *ezafe-3* shows person and number agreement with the possessor, which can be a pronoun or a proper name, unlike with *ezafe-2*. I claim that the embedded nominal in *ezafe-3* is a genitive-marked DP.

- (11) a. *minem дәftär-em*
 I.GEN notebook-1SG
 ‘my notebook’
- b. *Marat-nıj дәftär-e*
 Marat-GEN notebook-3
 ‘Marat’s notebook’

As it turns out, *ezafe-3* itself is a DP; hence, can be embedded only in *ezafe-3* but not in *ezafe-2*.

⁶ The *ezafe-2* construction also involves the possessive suffix on the head noun glossed here as ‘3’ for 3rd person; it does not show agreement.

- (12) a. *ezafe-2*:
 *[[*ukuči-nıj* *däftär-lär-e*] *paпка-sı*]
 student-GEN notebook-PL-3 folder-3
 ‘folder for student’s notebooks’
- b. *ezafe-3*:
 [[*ukuči-nıj* *däftär-lär-e-nej*] *paпка-sı*]
 student-GEN notebook-PL-3-GEN folder-3
 ‘folder for student’s notebooks’

In addition to the constructions described above, Tatar also has a number of attributivizing constructions which differ as to the amount of nominal structure allowed for embedding. Thus, attributivizer *-lı* selects a bare NP, while attributivizer *-gı* selects a case-marked DP (giving rise to the complex morphemes *-dağı* ‘LOC.ATR’ and *-nıki* ‘GEN.ATR’, [Zakiev 1992: 42, 164; Tumasheva, Irisov 1989; Sulejmanov 1996].

- (13) a. [_{NP} ...]-*lı* N
 b. [[_{DP} ...]-LOC]-*gı* N

The nominal selected by attributivizer *-lı* cannot contain the plural marker *-lar* (14b), but unlike the nominal element in CPCs or the embedded nominal in *ezafe-1*, it can contain certain modifiers (14c).

- (14) a. *čäčäk-le* *čınajak*
 flower-ATR cup
 ‘a cup with a flower/with flowers’
- b. **čäčäk-lär-le* *čınajak*
 flower-PL-ATR cup
 intended: ‘a cup with flowers’
- c. *kük* *čäčäk-le* *čınajak*
 blue flower-ATR cup
 ‘a cup with a blue flower / with blue flowers’

In contrast, the nominal selected by attributivizer *-gı* is a full-fledged case marked DP: it can be a locative-marked personal pronoun (15a) or an *ezafe-3* (15b), which I showed above to be a DP.

- (15) a. *Ibrahim abıj-nıj* *min-dä-ge* *ikenče* *kitab-ı* — “Poet iz derevni Kırıraj”.
 Ibrahim uncle-GEN I-LOC-ATR second book-3 “Poet from the Kırıraj village” (Rus.)
 ‘The second book by uncle Ibrahim that I’ve got is “Poet from the Kırıraj village”.’ [TT]
- b. *Marat-nıj* *šähär-e-ndä-ge* *uram-nar*
 Marat-GEN city-3-LOC-ATR street-PL
 ‘streets of Marat’s city’

To recapitulate, Tatar distinguishes between full-fledged DPs and structurally deficient SNs. Some structural types of nominals are obligatorily DPs: those are personal pronouns and *ezafe-3* constructions. SNs include bare N° and NP, as well as some intermediate structural types of nominals, such as NumP.

Let’s turn now to formal features of nominals in Tatar. As Tatar has no gender/class feature, person and number are the only features that are syntactically relevant.

Person and number in the nominal domain come in two varieties: interpretable and uninterpretable. Positive values of the interpretable person feature characterize personal pronouns exclusively. Interpretable number feature enters the derivation with the Num° head; so N° and NP have no *i*Number and demonstrate number neutrality (cf. examples (9b) and (14)). In Table 1, feature specification for various structural types of nominals is represented.

Table 1

Structural types of nominals and their interpretable features in Tatar

	DP		NumP	NP/N°
	personal pronouns	others		
<i>i</i> Person	1 st /2 nd	—	—	—
<i>i</i> Number	SG/PL	SG/PL	SG/PL	—

Uninterpretable person and number characterize several types of constituents in Tatar. First, finite clauses exhibit predicate agreement with their subject in person and number (16a—b) or, if the subject is 3rd person, only in number (16c). However, in absence of person agreement, number agreement is optional (16d).

- (16) a. *Min kabat bu tarix-nı is-kä töşer-de-m.*
 I again this story-ACC mind-DAT drop-PST-1SG
 ‘I remembered this story again.’ [WCTL]
- b. *Bez žiñ-de-k!*
 we win-PST-1PL
 ‘We won!’ [WCTL]
- c. *Küz-lär biktäm-le, bkräxät it-ep jomul-dı-lar.*
 eye-PL very pleasure-ATR very delightdo-CONV close-PST-PL
 ‘The eyes closed with pleasure and delight.’ [WCTL]
- d. *Awıl-ım-da jaña jort-lar kalka.*
 village-1SG-LOC new house-PL rise.PRS
 ‘In my village, new houses grow.’ [WCTL]

Secondly, *ezafe-3* nominals contain a possessive affix that agrees with the genitive possessor. If the possessor is 1st/2nd person pronoun, the *ezafe* affix reflects its person and number features (17a—b). With the 3rd person possessor, the *ezafe* affix does not show agreement in number: the plural marker in (17c) can only be interpreted as denoting plurality of friends, i. e. as an interpretable Number feature of the whole DP⁷. The same invariable form of the *ezafe* affix obtains in *ezafe-2* constructions, cf. (10) above.

- (17) a. *minem dus-lar-ım*
 I.GEN friend-PL-1SG
 ‘my friends’
- b. *bez-neñ dus-lar-ıbız*
 we-GEN friend-PL-1PL
 ‘our friends’
- c. *bala-lar-nıñ dus-lar-ı*
 child-PL-GEN friend-PL-3
 ‘the children’s friends’/*‘the children’s friend’

Other contexts exhibiting person and number agreement derive from possessive constructions. These are postpositional phrases headed by denominal postpositions (see section 4) and nominalizations. Nominalizations of various types show possessive agreement with their 1st/2nd person genitive subject (18a); 3rd person genitive subjects trigger the non-agreeing *ezafe* affix (18b). They will not be considered here, although the analysis I am going to propose can be extended to nominalizations as well⁸.

- (18) a. *Minem elegräk Uniwersiada-da bul-gan-ım juk ide.*
 I.GEN before Uniwersiade-LOC be-NML2-1SG absent AUX.PST
 ‘I did not participate in the previous Uniwersiade.’ [WCTL]
- b. *Awtor-nıñ monı şulaj eşlä-w-e oçrak-lı gına tügel.*
 author-GEN such manner work-NML1-3 accidental-ATR EMPH NEG.COP
 ‘The author’s working in such way is not accidental.’ [WCTL]

To sum up, person and number agreement is found in two types of constituents: finite clauses and possessive DPs. I take this as an evidence that finite T° and possessive D° can merge with a complete ϕ -probe, that is, *u*Person and *u*Number.

2.2. Case assignment and agreement: subject, object, possessor

Now we are in a position to discuss variation in case assignment and agreement with different structural types of nominals.

⁷ Here my data differ slightly from what descriptive grammars assume for Tatar. Zakiev [Zakiev 1993: 34—35] notes that the affix *-lar* ‘PL’ in examples like (17c) can also be interpreted as an exponent of number agreement; similar interpretation is attested for Mishar dialect of Tatar ([Lyutikova et al. (eds.) 2007: 317]). However, my consultants who are native speakers of Kazan Tatar coherently deny this interpretation. In what follows, I will base my analysis on the data obtained from and approved by my consultants.

⁸ One more type of constructions where agreement in person and number is attested is a postpositional phrase headed by a denominal postposition. I address these constructions in section 4.

2.2.1. Subject

Subjects of finite clauses bear no case affix. This poses the problem of classifying this form as a nominative or as a caseless nominal. The problem is not specific to Tatar but arises in all Turkic languages. Different approaches are found in the literature, including “only nominative”, “only caseless” and “both nominative or caseless” hypotheses (e. g. [Kornfilt 2003; 2008; Öztürk 2005; Baker, Vinokurova 2010; Kornfilt, Preminger 2015]). The analysis I am going to develop requires that unmarked nominals be ambiguous between nominative and caseless form and that caseless nominals be available in subject position. There is indirect evidence that this stipulation is true.

The evidence comes from nominalizations like those in (18). As we see in (18a—b), the subject of nominalizations receives genitive like the DP possessor. However, non-specific subjects of nominalizations may remain unmarked, as in (19). Since no nominative is available in this configuration (cf. (20)), I conclude that the subject of nominalization is caseless in (19). Therefore, some (structural types of) subjects are licit without case assigned to them (cf. [Öztürk 2005] for a similar claim about Turkish).

- (19) [*Bügen-ge köñ-dä 18 urın-da preparat-lar sat-ıl-u-ı*] *bilgele bul-dı.*
 today-ATR day-LOC 18 place-LOC medicine-PL sell-PASS-NML1-3 known be-PST
 ‘It became known that today drugs were sold in 18 shops.’ [WCTL]
- (20) a. *Minem şäxsi tan-ıl-u-ım tügel...*
 I.GEN personally know-PASS-NML1-1SG NEG.COP
 ‘I’m not personally known (to him)...’ [WCTL]
- b. **Min şäxsi tan-ıl-u-ım/-ı tügel...*
 I.NOM personally know-PASS-NML1-1SG/-3 NEG.COP

Additional evidence comes from the possibility of number-neutral interpretation of nominals in the subject position. Zakiev ([Zakiev 1993: 38]) gives examples of numberless subjects which denote pluralities:

- (21) *Bülmä-ne kitap bas-kan. Östäl-lär-ge dä kitap öj-el-gen, täräze*
 room-ACC book flood-PF table-PL-DAT EMPH book put-PASS-PF window
töp-lär-e-n-ä dä, idän-när-ge dä... Kištä-lär-dä dä kitap.
 sill-PL-3-OBL-DAT EMPH floor-PL-DAT EMPH shelf-PL-LOC EMPH book
 ‘Books flooded the room. Books lay on the tables, on the windowsills, on the floor... On the shelves there were books as well.’

Since number neutrality points to structural deficiency of a nominal (namely, lack of NumP and higher functional projections) and since structural deficiency is incompatible with case marking, (21) demonstrates that number neutral, hence caseless subjects are available in Tatar. To sum up, it is possible to maintain the hypothesis that unmarked subjects can be nominative or caseless.

Let’s now turn to subject-predicate agreement. As mentioned above, 1st/2nd person pronouns obligatorily trigger person and number agreement (22).

- (22) *Ä sin, Baris (anıñ min bula-*(m) inde), kem bul-ırğa teli-*(señ)?*
 and you Baris this I be.PRS-*(1SG) EMPH who be-INF want-*(2SG)
 ‘And you, Baris (I was this one), who would you like to be?’ [WCTL]

Other nominals, including proforms, ezafe-3 nominals can trigger only number agreement, which seems to be optional, cf. (16c—d) and (20). It is worth noting that uninterpretable person on DP (*kajsılarınız* ‘some of us’, lit. ‘our which ones’) is never agreed with.

- (23) *Kajsı-lar-ıñız belä-*(bez), kajsı-lar-ıñız bel-mi-*(bez).*
 which-PL-1PL know.PRS-*(1PL) which-PL-1PL know-NEG.PRS-*(1PL)
 ‘Some of us know (it), some of us do not know (it).’ [WCTL]

The distribution of plural agreement marker is more controversial. Tatar descriptive grammars and language-specific papers [Zakiev 1992; 1993; Fattakhova 2002; Garyaev 2009; Kamalova 2010; Lutfullina 2011] report that plural marker is optional on the predicate, its presence being a matter of definiteness/animacy/individuation of the subject participant. I remain rather agnostic as to which of these features is determinative and, if several of them are relevant, how they interact in contributing to number agreement. However, my own research leads me to the conclusion that the relevant feature here is collective/distributive distinction. Consider (24a—b). In (24a), the plural participant is said to take the third prize as a team, and the verb shows number agreement. In (24b), on the contrary, different athletes are reported to take prizes separately, as individuals, and the plural marker is absent from the verb.

- (24) a. *Alar priz-li öčençe urın-nı al-ıp kajt-tı-lar.*
 they prize-ATR third place-ACC take-CONV return-PST-PL
 ‘They took the podium in third place (as a team).’ [WCTL]
- b. *Alar priz-li urın-nar-nı al-ıp kajt-tı.*
 they prize-ATR place-PL-ACC take-CONV return-PST
 ‘They took prizes (as individual athletes).’

Moreover, collective adverbials, such as ‘together’, ‘both’, ‘teamwise’ etc. strongly favor plural agreement (25a), whereas distributive adverbials are compatible with non-agreeing predicates (25b). In sum, I assume that plural agreement shows up if the plural subject is collective.

- (25) a. *Alar Joldız-nı inde öçüülöp ezli başla-dı-lar.*
 they Yolduz-ACC then all.three search begin-PST-PL
 ‘Then they started looking for Yolduz all three of them.’ [WCTL]
- b. *Bala-lar kaisı-kaja taralıš-tı inde...*
 child-PL which-where disperse-PST EMPH
 ‘The children dispersed...’ [WCTL]

2.2.2. Object

Like all other Turkic languages, Tatar exhibit differential object marking (DOM): direct objects can bear the accusative suffix or remain caseless. No morphologically visible object agreement is attested in Tatar, so the case marking is the only morphological exponent of DOM.

In [Lyutikova 2014; Pereltsvaig, Lyutikova 2014; Lyutikova, Pereltsvaig 2015a; 2015b] it is argued that in Tatar DOM is structurally determined: the accusative case marker attaches to a DP, and unmarked objects are Small Nominals, as shown in (26a—b).

- (26) a. *Marat [DP mašina]-nı sat-ıp al-dı.*
 Marat car-ACC sell-CONV take-PST
 ‘Marat bought a/the car.’
- b. *Marat [NP/NumP mašina] sat-ıp al-dı.*
 Marat car sell-CONV take-PST
 ‘Marat bought a car/cars.’

The arguments presented in previous work include coordination constraints (case-marked and unmarked objects cannot be coordinated), special interpretation of unmarked objects (narrow scope, number neutrality in the absence of the plural marker) and their syntactic deficiency (failure to control syntactic anaphora and PRO, strictly preverbal position). [Lyutikova, Pereltsvaig 2015a] also argues against two alternative analyses proposed for DOM in other Turkic languages (and some non-Turkic languages as well): that DOM has a purely semantic motivation (e. g. that only definite or specific objects receive accusative marking, cf. [Enç 1991] for Turkish) and that DOM is positionally determined (e. g. objects that leave the VP receive accusative and objects that stay in their VP remain caseless, cf. [Baker, Vinokurova 2010] for Sakha).

The data that challenge the semantic analysis for Tatar involves *ezafe-3* construction. As mentioned above, an object which is an *ezafe-3* construction must receive structural (accusative) case. However, it may simultaneously receive a non-specific interpretation and take narrow scope in relation to other quantifiers or negation, as shown in (27a, b).

- (27) a. *Berençe tur-da här ukuçı Zinnur Najsybullin-nıñ*
 first place-LOC every student Zinnur Najsybullin-GEN
ber jaki ike šigır-e-(n) ... jattan söjlä-de.*
 one or two poem-3-ACC ... by.heart tell-PST
 ‘In the first round, every student recited one or two poems by Zinnur Najsybullin.’ [WCTL]
 1-2 > ∀ or ∀ > 1-2
- b. *Marat Alsu-nıñ ber fotografia-se-*(n) kür-mä-de.*
 Marat Alsu-GEN one photo-3-ACC see-NEG-PST
 ‘Marat didn’t see a photo of Alsu.’
 ∃ > Neg or Neg > ∃

Alternative theory places the burden of explanation on the position of the object in the clausal structure. The problem for the positional alternative is that ACC-marked objects need not leave the VP. In particular, they can appear to the right of the VP boundary marked by adverbs (28) or indirect objects.

- (28) *Bajras kat-kat xat-ni uki-di, ni-der aqla-rga tiriş-ti.*
 Bayras again-again letter-ACC read-PST what-INDEF understand-INF try-PST
 ‘Bayras read the letter again and again, trying to understand anything.’ [TT]

These data lead us to the conclusion that case marking in the object position is structurally determined: DPs receive accusative and Small Nominals remain caseless. More generally, we can hypothesize that only DPs must receive structural case, while SNs are not subject to such case licensing requirements and may remain morphologically caseless. If this hypothesis is correct, the distribution of case-marked and caseless subjects must obey the same principle: full-fledged DP subjects are assigned nominative, structurally deficient Small Nominals are caseless.

2.2.3. Possessor

In previous sections, either agreement (subject position) or case (object position) had visible exponents. Possessive construction is the configuration where both case assignment and agreement are morphologically observable.

Nominal possession is structurally expressed by *ezafe-3* and *ezafe-2* constructions. In [Pereltsvaig, Lyutikova 2014] it is argued that the two *ezafe* constructions differ in many respects. *Ezafe-3* is headed by possessive D° that case-marks its DP-specifier and agrees with it. *Ezafe-2* has less functional structure and cannot case-mark the embedded nominal which, consequently, cannot be a DP but only an SN.

Ezafe-3 constructions are of a particular interest for our story, because they clearly show that case-marking and agreement are not two sides of the same coin. Let us return to example (17), repeated here as (29). (29a–b) show *ezafe-3* construction with a 1st person possessor. The straightforward analysis of these data would be that possessive D° , in virtue of having *u*Person and *u*Number, probes for interpretable ϕ -features, finds a ϕ -complete active goal in its c-command domain, agrees with it, becomes able to assign it genitive and attracts it to Spec, DP. However, this analysis fails to explain (29c). 3rd person DPs never control number agreement on D° (although they are able to do it on T°) but are still assigned genitive. Moreover, the *ezafe* affix, which is glossed as ‘3’, is in fact the default *ezafe* marker that also licenses the *ezafe-2* possessor but never assign case to it.

- (29) a. *minem dus-lar-ım*
 I.GEN friend-PL-1SG
 ‘my friends’
 b. *bez-neŋ dus-lar-ıbız*
 we-GEN friend-PL-1PL
 ‘our friends’
 c. *bala-lar-nıŋ dus-lar-ı*
 child-PL-GEN friend-PL-3
 ‘the children’s friends’/*‘the children’s friend’

I conclude that in *ezafe* constructions, the possessor is case-marked (and attracted to Spec, DP) if and only if it is a DP and needs case. Possessive D° agrees only with 1st/2nd person pronouns and does not agree with 3rd person DPs.

The interim summary is given in Table 2. DPs are obligatorily case-marked in object and possessor positions, whereas SNs are not; I hypothesize that the same distribution obtains in the subject position. In all the configurations where agreement is morphologically observable, 1st/2nd person pronouns trigger obligatory person agreement, but for 3rd person nominals, no person agreement is attested. Additionally, number agreement with plural collective 3rd person subject takes place.

In the next section, I present my analysis of Tatar case and agreement system based on the generalizations obtained.

3. Analysis

I propose that in Tatar, two conditions on syntactic structure are at work: Person licensing condition (30) and Vergnaud-licensing condition (31).

- (30) Person licensing condition (to be reformulated)
 An interpretable 1st/2nd person feature must be licensed by entering into an AGREE relation with a functional category.
- (31) Vergnaud-licensing condition
 A DP must be licensed by a case-assigning head.

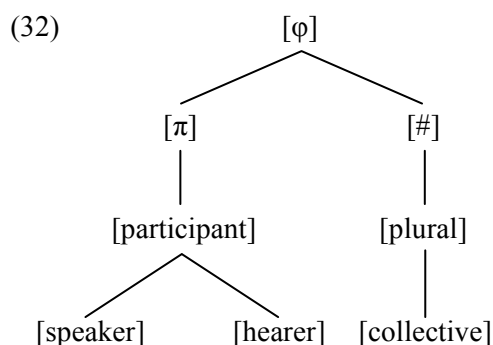
Table 2

Case assignment and agreement in three structural positions

	DPs		SNs
	1 st /2 nd person	others	
Subject case agreement	(+) +	(+) number	(—) number
Object case agreement	+ —	+ —	— —
Possessor case agreement	+ +	+ —	— —

I claim that these conditions are independent from each other and that the fact that 1st/2nd person pronouns are always case-marked follows trivially from their DP-status. Moreover, I claim that only positive values of features exist [Harley, Ritter 2002] and that 3rd person DPs are actually DPs without interpretable person feature. Consequently, they cannot be agreed with in person and make a case-assigning probe φ -complete and able to assign case to them. Accordingly, I dismiss the case assignment under AGREE model; instead, I develop a model where case and agreement, although coexistent in many structural configurations, involve different licensing mechanisms.

I start with reorganizing the feature system of Tatar preliminarily sketched in 2.1 above. I follow [Harley, Ritter 2002; Béjar, Rezac 2003; Kalin 2015] in distinguishing between two major classes of interpretable features — π (representing the speech act role) and # (individuation, representing quantity, animacy, gender, class etc.). For Tatar, the following feature geometry obtains:

(32) states that no such features as definite or specific are presented under [#]. Here my proposal diverges from Kalin's approach, who claims that those features can influence DAM directly, by their need of licensing via AGREE [Kalin 2015]. As I demonstrated in section 2.2, no interpretable feature of such kind can be taken as a licenser of DAM in object and possessor position; instead, a separate formal feature — the syntactic category of a nominal — is responsible for DAM. The familiar interpretational effects of case-marked arguments (availability of the wide scope and definite reading) are not separate formal features of these nominals but rather by-products of the semantics of full-fledged DPs (i. e. referentiality) and their mobility in both overt syntax and LF.

Now, the Person licensing condition (30) can be reformulated as in (33):

(33) Person licensing condition

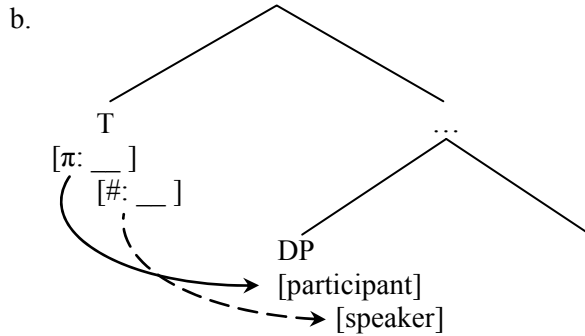
An interpretable [participant] feature must be licensed by entering into an AGREE relation with a functional category.

The functional categories that visibly license [participant] by agreeing with it are finite T° and possessive D°: we find a morphological exponent of this AGREE operation on the predicate and ezafe-3 marker. Let us see how this happens.

In (34), T° merges with a complete φ -probe, which is decomposed into π -probe and #-probe. π probes first and finds a subject DP that has a [participant] feature. π -probe on T° agrees with it and values its π -feature as 1st person. The [participant] feature of subject DP is thereby licensed. Then # probes, finds no relevant feature on subject DP and receives the default value “singular”⁹. The valued features of T° surface as 1st person singular predicate agreement.

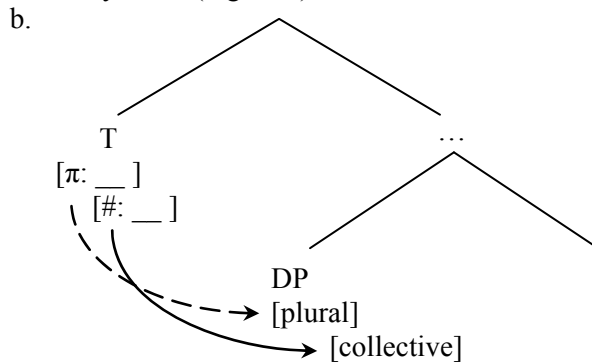
⁹ In the diagrams below, succeeded agreement is marked with a solid line, failed agreement — with a dashed line.

- (34) a. *Min kil-de-m.*
 I come-PST-1SG
 'I came.'

In (35), the same structural configuration is represented, except that subject DP is not a personal pronoun and has no [participant] feature that needs licensing. As finite T° is an obligatory licenser, it merges with a complete ϕ -probe. π probes but fails to find a [participant] feature and receives the default value. Then # probes and finds [plural] [collective] featured on subject DP. #-probe agrees with it and values its #-feature as [collective]. I assume that $[\#: \text{collective}]$ amounts to the number agreement on T° .

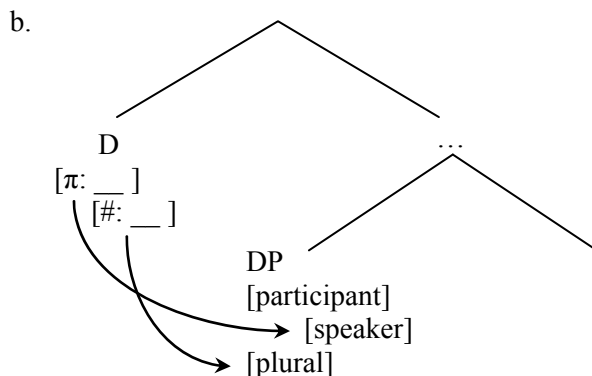
- (35) a. *Alar kil-de-lär.*
 they come-PST-PL
 'They came (together).'

In configurations where subject has only [plural] feature or no positive #-feature, no agreement on T° will show up.

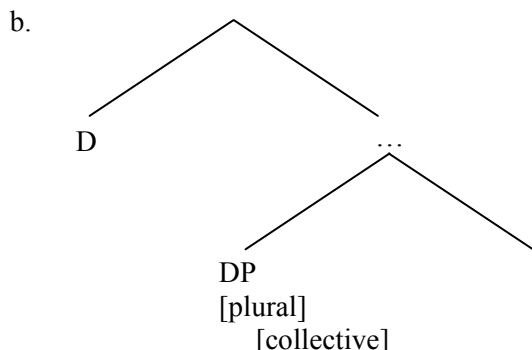
Now let us turn to ezafe configurations. I assume that possessive D merges with a complete ϕ -probe only if there is a nominal with [participant] feature that need licensing via agree. So in (36), a secondary licenser is required in order to meet Person licensing condition (33). The derivation proceeds exactly as in (34), the ϕ -features on D° get valued as $[\pi: \text{speaker}]$ $[\#: \text{plural}]$ and are spelt out as an agreeing ezafe marker *-bız* '1PL'.

- (36) a. *bez-neŋ ukıtuçı-bız*
 we-GEN teacher-1PL
 'our teacher'

The difference between an obligatory licenser and secondary licensers becomes crucial in *ezafe* constructions with a 3rd person possessor (37). As it has no [participant] feature, no ϕ -probe is merged with D° . Accordingly, [plural] or [collective] features of the possessor never show up in possessive agreement.

- (37) a. *alar-nıñ ukıtuçı-sı*
 they-GEN teacher-3
 ‘their teacher’

At this point, one may wonder how the [participant] feature is licensed in other structural positions, namely, in the direct object position and in oblique positions, where no morphological exponents of person agreement are attested. I believe that these two cases are to be treated separately. The [participant] feature in direct objects is licensed via establishing morphologically invisible AGREE relation with the secondary licenser — transitive light verb v TR. For a [participant] feature in indirect objects (datives) and obliques (locatives and ablatives), I assume the analysis along the lines of [Béjar, Rezac 2003]. I believe that these complements are structurally more complex than accusatives and correspond to PPs headed by zero postpositions; another option is to consider dative, locative and ablative case morphemes as postpositions. These postpositions merge with ϕ -probes when it is required to license the [participant] feature of their complements.

Two arguments supporting this analysis are as follows.

The first argument is morphological and comes from the possessive paradigm of Tatar nouns. As Table 3 shows, in the possessive declension attachment of dative, locative and ablative case affixes is mediated by an infixal *-n-* glossed here as OBL, following the convention in [Lyutikova et al. 2007]. Tatar grammars consider it as a part of case affixes used in possessive declension [Zakiev 1993: 50—53]. It is tempting to hypothesize, however, that this *-n-* is an exponent of an oblique (or even accusative) case assigned by dative, locative and ablative postpositions, as represented in (38).

Table 3

Possessive paradigm as compared with bare paradigm in Tatar

	‘village’	‘his/her/their village’
NOM	<i>awıl</i> village	<i>awıl-ı</i> village-3
GEN	<i>awıl-nıñ</i> village-GEN	<i>awıl-ı-nıñ</i> village-3-GEN
ACC	<i>awıl-nı</i> village-ACC	<i>awıl-ı-n</i> village-3-ACC
DAT	<i>awıl-ga</i> village-DAT	<i>awıl-ı-n-a</i> (< <i>awıl-ı-n-ga</i>) village-3-OBL-DAT
LOC	<i>awıl-da</i> village-LOC	<i>awıl-ı-n-da</i> village-3-OBL-LOC
ABL	<i>awıl-dan</i> village-ABL	<i>awıl-ı-n-nan</i> village-3-OBL-ABL

- (38) a. *awıl-ı-n*
 village-3-ACC
 ‘his/her/their village (ACC)’
 b. *awıl-ı-n-da*
 village-3-ACC-P.LOC
 ‘in his/her/their village’

However, this hypothesis, albeit very attractive, can hardly be maintained. Dative, locative and ablative case affixes differ from overt postpositions in their syntactic behavior. Compare (39a—b), where the overt postposition *belän* ‘with’ is exemplified. *Belän* can take a coordinate nominal structure as its complement, as (39b) demonstrates. As for a locative case affix, it cannot be attached to a coordinate structure where both conjuncts contain the oblique *-n-* (39d), although the word internal coordination is possible in Tatar (39e).

- (39) a. *kitap-lar belän häm дәftär-lär belän*
 book-PL with and notebook-PL with
 ‘with books and with notebooks’
 b. [*kitap-lar häm дәftär-lär*] *belän*
 book-PL and notebook-PL with
 ‘with books and notebooks’
 c. *šähär-e-n-dä häm awıl-ı-n-da*
 city-3-OBL-LOC and village-3-OBL-LOC
 ‘in his city and in his village’
 d. **[šähär-e-n häm awıl-ı-n]-da*
 city-3-OBL and village-3-OBL-LOC
 ‘in his city and his village’
 e. [*šähär-e häm awıl-ı*]-*n-da*
 city-3 and village-3-OBL-LOC
 ‘in his city and his village’

Another argument against this hypothesis is that in Tatar, some overt postpositions assign dative and ablative [Zakiev 1993: 326—330]. Therefore, I prefer the zero-postposition hypothesis for the dative, locative and ablative. The morphological argument then becomes weaker, but nevertheless it can be used as evidence that the three postpositional cases are morphologically different from the three grammatical cases — nominative, genitive and accusative.

The second argument supporting the postpositional analysis of oblique cases comes from the absence of PCC effects both in double object ditransitive constructions (DOCs) and in dative-nominative constructions (DNCs).

[Béjar, Rezac 2003] derives obviation of PCC effects in relevant configurations from the presence of an extra [π] probe in contrast to PCC derivations. One way to get an extra [π] Probe is to add a functional category such as a preposition that projects a shell embedding the argument and licensing its person feature via AGREE. Therefore, if the three oblique cases in Tatar are indeed PPs headed by phonologically empty postpositions, we expect that PCC effects will never arise with them.

This expectation is borne out. In both DOCs and DNCs any combination of pronouns is licit, and there is no evidence that nominative/accusative pronoun in such configurations undergo movement past the dative (which would independently obviate the PCC). This is shown in (40) — (41).

- (40) DOCs
 a. *Alar-ga mine “jaña xezmätkär” di-p tanıştır-dı-lar.*
 they-DAT I.ACC new colleague say-CONV present-PST-PL
 ‘They presented me to them as a new colleague.’ [WCTL]
 b. *Aña sine öjrät-mä-de-m meni äle?*
 it.DAT you.ACC teach-NEG-PST-1SG Q yet
 ‘Haven’t I taught you that yet?’ [WCTL]

- (41) DNCs
 a. *Kem-ge min kiräk-men?*
 who.DAT I necessary-1SG
 ‘Who needs me?’ [WCTL]
 b. *Alar-ga sin oçra-dı-η.*
 they-DAT you meet-PST-2SG
 ‘They met you by chance.’
 c. *Aña min küren-gän-men.*
 (s)he.DAT I be.visible-PF-1SG
 ‘I was visible to her/him’ [WCTL]

Given this evidence, I conclude that [participant] feature of argument nominals is always licensed by establishing AGREE relation with a dedicated head. In subject, direct object and possessor positions, [participant] is li-

censed by finite T° , transitive v° and possessive D° , respectively. In oblique arguments, [participant] is licensed by a (silent) postposition. Finite T° is an obligatory licenser and thereby always merges with a complete ϕ -probe. Other heads are secondary licensers and thereby merge with a ϕ -probe only if an argument in their domain bears [participant] feature that needs licensing. This difference between T° and other heads results in the fact that only finite verbs can agree in number with a 3rd person nominal.

Now let us turn to case assignment. As (31) states, Tatar case is a morphological reflex of another type of licensing, which I call Vergnaud-licensing. Only DPs are subject to Vergnaud-licensing, hence no case-marking appears on structurally deficient Small Nominals lacking DP-shell.

Since case-marking in Tatar is treated separately from ϕ -agreement, different formal models of case assignment are compatible with the current analysis. In particular, along the Chomskyan model of case assignment by syntactic heads, an alternative configurational case assignment model can be considered.

In the modern Minimalist syntactic approach [Chomsky 2000; 2001], which inherits many features of the GB Case theory [Chomsky 1981; 1986], case is considered as an unvalued uninterpretable feature of a noun phrase that has to be valued in order to prevent the derivation from crashing. In the Chomsky-style model, case is assigned to a noun phrase by a dedicated case-assigning head. It is worth noting that this model of case assignment is couched in the feature-driven syntax: case assignment is a by-product of the AGREE relation between an active probe bearing unvalued ϕ -features and an active goal bearing an unvalued case feature and valued ϕ -features.

A competing approach dates back to the seminal paper of Alec Marantz [Marantz 1991]. The gist of this approach is that (morphological) case can be assigned to noun phrases not only depending on the governing heads, but also depending on the presence of other noun phrases (“case competitors”) in the same local domain. Marantz distinguishes four distinct kinds of case, forming a disjunctive Case realization hierarchy [Marantz 1991: 24]. This hierarchy determines the order in which the different kinds of case shall be assigned. First, lexically-governed case is assigned. Next, the rule of dependent case assignment applies. The dependent case rule requires a configuration where there are at least two caseless NPs in the clausal (or nominal) domain. If this requirement is met, these noun phrases enter into case-competition. In accusative languages, the lower NP is marked with the “dependent” accusative case, and in ergative languages, the higher NP is marked with the “dependent” ergative case. Finally, if neither of the previous rules applied to an NP, it receives the default case. It is important that the universal availability of the default case realization in Marantz’s system means that case assignment is set apart from licensing: case only interprets the syntactic structure, but does not filter it out.

As some adherents of the approach pursue the morphology-internal analysis of case issues [McFadden 2004; Bobaljik 2008], several attempts have been made to incorporate the appealing idea of the “dependent” case assignment into a more familiar syntactic scene. Thus, papers like [Bittner, Hale 1996; Baker 2014; 2015; Preminger 2011; Levin, Preminger 2015] explore various paths of implementing configurational case assignment within the “Case-as-licensor” model. It is important that even within narrow syntax, configurational case assignment is construed as independent from agreement of lexical or functional heads, i.e. AGREE operation of Chomskyan model. The relation between case and agreement is reverse: morphological case marking can influence the agreement process. Thus, Bobaljik proposes that agreement is case-discriminating, in the sense that only those DPs that bear a specific case are visible as goals for a probe looking for a source of valued ϕ -features [Bobaljik 2008].

At first glance, the configurational case model, implemented into syntax and combined with DP-licensing function, seem more appropriate for our purposes, in that the Chomskyan model relies heavily on AGREE, which, as I argued above, affects only a subclass of case-marked nominals. Besides, configurational account of case assignment has been recently proposed for several Turkic languages, including Sakha and Turkish [Baker, Vinokurova 2010; Levin, Preminger 2015; Kornfilt, Preminger 2015; Baker 2015].

However, in Tatar, there are reasons to opt for the Chomsky-style case assignment model rather than for the Marantz-style configurational model. A number of arguments in favor of this decision are given in [Lyutikova, Ibatullina 2015]. Here, I present only two of them which concern accusative case assignment and compare conditions on accusative marking in Sakha and Tatar.

As [Baker, Vinokurova 2010] claims, accusative case assignment in Sakha is sensitive to the presence of another NP in the specific local domain: it is assigned in the clausal domain to the lower of the two caseless DPs. So accusative is a “dependent” case of the clausal domain. This analysis captures perfectly the important property of the Sakha clause syntax: accusative direct objects appear outside the VP (that is, strictly to the left of VP-level adverbials and indirect objects), whereas unmarked, or nominative, direct objects appear within the VP, in their base position (cf. (42)). When the definite direct object raises out of VP to avoid existential closure, it lands in the clausal domain of case competition and is assigned accusative in the presence of a still-caseless subject DP.

- (42) a. *Masha tūrgennik salamaat-(*y) sie-te.*
 Masha quickly porridge-(*ACC) eat-PST.3SG
 ‘Masha ate porridge quickly.’
 b. *Masha salamaat-*(y) tūrgennik sie-te.*
 Masha porridge-ACC quickly eat-PST.3SG
 ‘Masha ate the porridge quickly.’ (Sakha; [Baker, Vinokurova 2010: 602])

The crucial argument in favor of the Marantz-style accusative case assignment in Sakha comes from the dependent clauses with accusative subject like the one in (43). It appears that the availability of accusative does not depend on the presence of an accusative-assigning head in the main clause, since (43) contains an intransitive main verb; what really matters is the presence of another NP in the main clause, as (44) demonstrates.

- (43) *Keskil Aisen-y [kel-bet dien] xomoj-do.*
 Keskil Aisen-ACC come-NEG.AOR.3SG that become.sad-PST.3SG
 ‘Keskil became sad that Aisen is not coming.’ (Sakha; [Baker, Vinokurova 2010: 617])
 (44) *Bügün munnjax-xa Masha-(*ny) [ehiil Moskva-qa bar-ya dien] cuolkajdan-na.*
 today meeting-DAT Masha-(*ACC) [next.year Moscow-DAT go-FUT.3SG that] become.certain-PST.3SG
 ‘It became clear today at the meeting that Masha’ll go to Moscow next year.’ (Sakha; [Baker, Vinokurova 2010: 619])

Unlike in Sakha, in Tatar accusative direct objects do not have to move out of their VP: accusative direct objects are perfectly grammatical in their base position (see section 2.2.2 and example (28)). Therefore, accusative and unmarked direct objects in Tatar may belong to the same case competition domain, which makes configurational analysis problematic. Moreover, if subjects of embedded clauses are taken into account, we find accusative case assignment with transitive matrix verbs (45a) and no accusative case assignment with intransitive matrix verbs (45b–c). This is so regardless of whether the matrix clause contains a case competitor (45c) or not.

- (45) a. *Sin || Sine kil-er-señ dip kötä-m.*
 you || you.ACC come-FUT-2SG that wait.PRS-1SG
 ‘I’m waiting for you to come.’
 b. *Sin || *Sine kil-er-señ dip köt-el-ä.*
 you || you.ACC come-FUT-2SG that wait-PASS-PRS
 ‘It is expected that you would come.’
 c. *Sin || *Sine kil-er-señ dip şatlan-dı ul.*
 you || you.ACC come-FUT-2SG that become.glad-PST (s)he
 ‘(S)he is glad that you would come.’

Therefore, I conclude that configurational model of case assignment is not suitable for Tatar and stand by the traditional case assignment by (functional) heads model, albeit deprived of ϕ -agreement as a prerequisite.

If ϕ -agreement is dismissed as a motivation for case assignment, what can a mechanism of Vergnaud-licensing look like? It seems promising to apply the recent approach advocated in [Pesetsky 2013] and [Lyutikova 2015], which takes case morphology on the nominal as an exponent of a category feature of the governing head. To be more precise, we can hypothesize that a DP has an unvalued feature uF that receives valuation via agreement in syntactic category with the nearest c-commanding functional head. Then, genitive reflects valuation of uF by a possessive D, nominative — by a finite T, accusative — by a transitive v . Thus, these functional heads are involved in two licensing processes, but different features and therefore different classes of nominals are licensed via ϕ -agreement and via syntactic category agreement.

The last question concerns the EPP feature and its relation with person licensing and Vergnaud-licensing. The best configuration to address this issue is the possessive construction, as it exhibits morphological exponents of both person licensing (agreement) and Vergnaud-licensing (case). As it turns out, movement to Spec, DP correlates with case, not agreement. Genitive possessors, be they 1st/2nd person or not, invariably occupy the leftmost position in the DP. This indicates that the EPP is a (first-order) feature of a functional head rather than a (second-order) feature of a ϕ -probe.

4. Postpositional phrases: apparent counter-evidence

In this section, I deal with postpositional phrases headed by denominal postpositions that at first glance present a counter-example to the generalizations drawn in the previous sections. I show that this seeming refutation is imaginary and this phenomenon is due to mismatches in syntax-morphology interface.

A large class of Tatar postpositions are historically derived from nouns with locative semantics, e.g. *ara* ‘gap’ — *ara-da* (gap-LOC)/*ara-sı-n-da* (gap-3-OBL-LOC) ‘between, among’; *aldı* ‘front’ — *aldı-n-da* (front-OBL-LOC) ‘before’, *jan* ‘side’ — *jan-ı-n-a* (side-3-OBL-DAT) / *jan-ı-n-da* (side-3-OBL-LOC) ‘near, by’, etc. Not surprisingly, these postpositions form a kind of *ezafe* configuration with their complements, thus governing genitive (like in *ezafe-3*) or unmarked (like in *ezafe-2*) form and retaining person agreement:

- (46) a. *minem jan-ım-da*
I.GEN side-1SG-LOC
‘near me’
b. *minem bakça-m-da*
I.GEN garden-1SG-LOC
‘in my garden’ (*ezafe-3*)
- (47) a. *bala-lar jan-ı-n-da*
child-PL side-3-OBL-LOC
‘near children’
b. *bala-lar bakça-sı-n-da*
child-PL garden-3-OBL-DAT
‘in the kindergarten’ (*ezafe-2*)

The problem is that the distribution of genitive vs. unmarked form of the complement diverges from the distribution of genitive vs. unmarked form of the possessor in the *ezafe* constructions. [Zakiev 1993: 253] claims that all the pronouns, including 1st/2nd person pronouns, 3rd person pronouns (*ul* ‘he/she/it’, *alar* ‘they’), interrogative pronouns (e. g. *kem* ‘who’), indefinite pronouns (e. g. *ber-kem* ‘noone’, *nərsə-der* ‘something’), reflexive and reciprocal pronouns (*üz* ‘self’, *ber-berse* ‘each other’) take the genitive affix, whereas all the nouns, including proper names, remain unmarked (nominative in the traditional terminological system). It appears that the distribution of the genitive is even more restricted. My search in the “Written corpus of Tatar” [WCTL] shows that only 1st/2nd person pronouns and the 3.SG pronoun *ul* ‘(s)he, it’ are invariably used in the genitive form with this class of postpositions. Other types of pronouns show a tendency to be used in the unmarked form. The distribution of formal properties of different classes of pronouns in postpositional phrases is summarized in Table 4 for the postposition *janına* ‘near’.

Table 4

Case forms of pronouns in postpositional phrases headed by *janına* ‘near’ [WCTL]

	Genitive	Unmarked
<i>min</i> ‘I’	267	0
<i>sin</i> ‘thou’	191	0
<i>ul</i> ‘(s)he, it’	2344	(10) ¹⁰
<i>alar</i> ‘they’	14	801
<i>üze</i> ‘himself/herself/itself’	41	372
<i>üzläre</i> ‘themselves’	1	103
<i>kem</i> ‘who’	0	44
<i>kemnär</i> ‘who (pl)’	0	9
<i>kajsıbiz</i> ‘which of us’	0	4

This state of affairs seem to contradict our previous generalization that DPs are obligatorily case-marked and that all the pronouns, as well as *ezafe-3* nominals are DPs. Indeed, in examples like (48), it is unclear how the DP complement is Vergnaud-licensed since it bears no case marker.

- (48) a. *Min dä* [_{DP} *alar*] *janına kil-de-m.*
I EMPH they near come-PST-1SG
‘I also approached them.’ [WCTL]
b. *Tijnak üz-lär-e* [_{DP} *çit keşe-neñ östäl-e*] *janına utır-mij-lar da.*
modest self-PL-3 foreign man-GEN table-3 near sit.down-NEG.PRS-PL EMPH
‘Being modest, they do not sit at someone else’s table.’ [WCTL]

¹⁰ In these 10 examples, it is impossible to determine whether the unmarked pronoun is a postposition complement or a subject of the clause, so I put the number in parentheses.

I believe that the solution to this puzzle is that denominal postpositions are no longer nouns but form a separate syntactic category. They assign a specific “postpositional” case to their complements. Postpositional case is morphologically non-independent (cf. discussion on Russian accusative in [Zaliznyak 1973: 74]) and makes use of the two forms — genitive for personal pronouns and nominative for other DPs. Under this view, DPs in (48a—b) are case-marked with the postpositional case which is realized as a zero morpheme.

Two pieces of evidence support this analysis. First, consider emphatic pronominal constructions that consist of the personal pronoun and the emphatic reflexive pronoun. When used as intensifier, reflexive pronoun does not have to be bound, hence it is licit in any structural position, including the subject position. The internal shape of this construction, however, differs for nominative and other case forms. In the nominative construction, exemplified in (49a), both pronouns are nominative. In all other cases, the structure differs and the “oblique” variant of the emphatic pronominal construction obtains: the personal pronoun invariably comes in the genitive, regardless of the case assigned to the whole construction, and the reflexive pronoun bears the corresponding case affix (49b).

- (49) a. *Min / *Minem üz-em bu xalät-ne añlij-m, trener-lar-ım da añlij...*
 I / *I.GEN self-1SG this situation-ACC understand.PRS-1SG coach-PL-1SG EMPH understand.PRS
 ‘I myself understand the situation, my coaches understand it, too...’ [WCTL]
- b. *Anı nişläp minem / *min üz-em-nän sora-mij-lar ikän soñ?*
 this.ACC why I.GEN / *I self-1SG-ABL ask-NEG.PRS-PL AUX EMPH
 ‘Why don’t they ask myself about it?’ [WCTL]

It turns out that in the context of denominal postpositions, the “oblique” variant of the emphatic pronominal construction is used, as shown in (50). Therefore, the complement of the postposition bears the oblique case, which differs from the subject’s nominative, although it may coincide with it morphologically.

- (50) *Bu bit minem / *min üz-em öçen kiräk, räxmät sez-gä!*
 this very I.GEN / *I self-1SG for necessary thanks you-DAT
 ‘This is very necessary for myself, thanks to you!’ [WCTL]

The second piece of evidence comes from coordinate constructions. In Tatar, coordinate noun phrases can share the case affix ([Zakiev 1992: 148]; cf. (51), as well as (39e) above).

- (51) a. *Ul bez-ne [rus tel-e häm ädäbijat-ı]-n-nan ukıta ide.*
 (s)he we-ACC Russian language-3 and literature-3-OBL-ABL teach.IPF AUX.PST
 ‘She taught us Russian language and literature.’ [WCTL]
- b. *mädäniyat häm sängat-kä bitaraflık kür-sät-ü*
 culture and art-DAT indifference see-CAUS-NML1
 ‘showing indifference to culture and art’ [WCTL]

It is worth noting that if the two coordinate nominals represent different morphological contexts for a case affix, the form of the affix is chosen with respect to its morphological host, that is, in accordance with the last conjunct nominal. Thus, in (52a), the ablative case affix has the form *-dan*, which is used in non-possessive declension because it attaches to the nominal *algebra* ‘algebra’, which contains no possessive affix. In (53a), on the contrary, the ablative case affix is mediated by the oblique *-n-* and looks like *-nan*, because it attaches to the host containing the possessive affix.

- (52) a. *[rus tel-e häm algebra]-dan bul-gan imtixan-nar*
 Russian language and algebra-ABL be-PART.PF exam-PL
 ‘exams in Russian and algebra’ [WCTL]
- b. **rus tel-e-dan bul-gan imitxan*
 Russian language-3-ABL be-PART.PF exam
 intended: ‘exam in Russian’
- (53) a. *[matematika häm tatar tel-e]-n-nän sinau*
 maths and Tatar language-3-OBL-ABL test
 ‘test in maths and Tatar’ [WCTL]
- b. **matematika-n-nan sinau*
 maths-OBL-ABL test
 intended: ‘test in maths’

Now let us consider coordinate structure consisting of a personal pronoun and a noun phrase as a complement of a denominal postposition, which would require genitive affix on the personal pronoun and unmarked

form of the noun. As I noted in section 2.2.2 above, case-marked and caseless forms cannot be coordinated in Tatar. Therefore, in examples (54) and (55) we observe the morphologically conditioned realization of the same case: if the host is a personal pronoun, the genitive form obtains; if the host is a noun, the whole coordinate structure looks unmarked.

- (54) a. *Min Marat häm sinej ara-gız-ga utra-m.*
 I Marat and you.GEN between-1PL-DAT sit.down.PRS-1SG
 ‘I’ll sit between Marat and you.’
 b. *Min sin häm Maratara-sı-n-a utra-m.*
 I you and Marat between-3-OBL-DAT sit.down.PRS-1SG
 ‘I’ll sit between you and Marat.’
- (55) a. *Tapşıru-da mäktäb-ebez häm bez-nej turında söjlä-de-lär.*
 TV.program-LOC school-1PL and we-GEN about tell-PST-PL
 ‘In the TV program, they reported about our school and us.’
 b. *Tapşıru-da bez häm mäktäb-ebez turında söjlä-de-lär.*
 TV.program-LOC we and school-1PL about tell-PST-PL
 ‘In the TV program, they reported about us and our school.’

To sum up, the puzzle presented in this section has a straightforward explanation if we assume that denominal postpositions assign a special postpositional case. If we try to maintain the traditional analysis and claim that denominal postpositions assign genitive/nominative, or even suppose that genitive/caseless forms vary in this context, the puzzling data presented in this section remain enigmatic.

5. Conclusions

In this paper, I presented a study of case and agreement phenomena in Tatar. I argued that the same mechanisms underlie case marking in different structural positions and that case can be viewed as a morphological exponent of Vergnaud-licensing — licensing of argument DPs by governing heads. I explored case assignment by denominal prepositions which seems to diverge from the generalization on case assignment drawn from the distribution of case-marked and caseless nominals in other structural positions and presented new arguments supporting the uniform analysis of case assignment coupled with a special morphological status of the syntactic case governed by denominal postpositions.

I also argued that person-number agreement in Tatar is a morphological reflex of a separate process, person licensing, which applies to 1st/2nd personal pronouns exclusively. The only structural configuration where 3rd person nominals can enter into AGREE relation is a subject-predicate configuration where number agreement is available. I claimed that this asymmetry reflects the contrast of obligatory and secondary licensors first proposed in [Bobaljik 1993] and reintroduced by Kalin [Kalin 2015].

This study has several implications, both language-specific and theoretically oriented. On the one hand, the proposed view on case and agreement in Tatar can hopefully contribute to deeper studies of these phenomena, especially in those structural configurations where no one-to-one correspondence between case and agreement is attested — e. g. finite embedded clauses, relative clauses, coordinate structures in different syntactic positions. On the other hand, the data presented in this paper provide a strong evidence against elimination of syntactic case from the system of licensing conditions governing well-formedness of syntactic representations. Neither can case marking be reduced to licensing some interpretable feature, be it person, number, animacy etc. via AGREE, nor is case marking a purely morphological phenomenon that only interprets syntactic structure but never filters it out. From a broader perspective, then, Tatar data seem to question the perspectives of an entirely interface-driven grammar.

Abbreviations

1 — 1 st person	AUX — auxiliary
2 — 2 nd person	CONV — converb
3 — 3 rd person	COP — copula
ABL — ablative	DAT — dative
ACC — accusative	EMPH — emphatic particle
AOR — aorist	F — feminine
ATR — attributivizer	FUT — future

GEN — genitive	OBL — oblique
INDEF — indefinite	PART — participle
INF — infinitive	PASS — passive
IPF — imperfective	PF — perfect/perfective
LOC — locative	PL — plural
NEG — negation	PP — past participle
NML1 — nominalization 1	PST — past
NML2 — nominalization 2	Q — question particle
	SG — singular

References

- Baker 2014 — *Baker M.* On Dependent Ergative Case (in Shipibo) and Its Derivation by Phase // *Linguistic Inquiry*. 2014. Vol. 45 (3). P. 341—379.
- Baker 2015 — *Baker M.* Case. Its principles and its parameters. (Cambridge studies in linguistics 146) Cambridge: CUP, 2015.
- Baker, Vinokurova 2010 — *Baker M., Vinokurova N.* Two modalities of Case assignment: Case in Sakha // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2010. Vol. 28. P. 593—642.
- Béjar 2003 — *Béjar S.* Phi-Syntax: A Theory of Agreement. PhD thesis, University of Toronto, 2003.
- Béjar, Rezac 2003 — *Béjar S., Rezac M.* Person licensing and the derivation of PCC effects // *Romance linguistics: theory and acquisition*/Eds. Pérez-Leroux A.-T., Roberge Y. Amsterdam: John Benjamins, 2003. P. 49—62.
- Belletti 1988 — *Belletti A.* The Case of Unaccusatives // *Linguistic Inquiry*. Vol. 19 (1). 1988. P. 1—34.
- Bianchi, Belletti 2014 — *Bianchi V., Belletti A.* Indefinite subjects of unaccusatives. Paper presented at the workshop “Specificity in the Grammar: Form and Interpretation”, University of Trento, 12 February 2014.
- Bittner, Hale 1996 — *Bittner M., Hale K.* The Structural Determination of Case and Agreement // *Linguistic Inquiry*. 1996. Vol. 27. P. 1—68.
- Bobaljik 1993 — *Bobaljik J.* Ergativity and Ergative Unergatives // *MIT Working Papers in Linguistics*. Vol. 19: Papers on Case and Agreement II / Ed. Phillips C. 1993. P. 45—88.
- Bobaljik 2008 — *Bobaljik J.* Where’s phi? Agreement as a post-syntactic operation // *Phi Theory* / Eds. Harbour D. et al. Oxford: OUP, 2008. P. 295—328.
- Bonet 1991 — *Bonet E.* Morphology after syntax: Pronominal clitics in Romance. Ph.D. dissertation, MIT, 1991.
- Chomsky 1965 — *Chomsky N.* Aspects of the theory of syntax. Cambridge (Mass.): M.I.T. Press, 1965.
- Chomsky 1981 — *Chomsky N.* Lectures on Government and Binding: The Pisa Lectures. Dordrecht: Foris. 1981.
- Chomsky 1986 — *Chomsky N.* Barriers. Cambridge, MA: MIT Press, 1986.
- Chomsky 2000 — *Chomsky N.* Minimalist Inquiries: The Framework // *Step by Step. Essays on Minimalist Syntax in Honor of Howard Lasnik*/Eds. Martin R., Michaels D., Uriagereka J. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 89—155.
- Chomsky 2001 — *Chomsky N.* Derivation by Phase // *Ken Hale: A Life in Language* / Ed. Kenstowicz M. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. P. 1—52.
- Danon 2006 — *Danon G.* Caseless Nominals and the Projection of DP // *Natural Language and Linguistic Theory*. Vol. 24. 2006. P. 977—1008.
- de Hoop 1996 — *de Hoop H.* Case configuration and noun phrase interpretation. Groningen: Grodil, 1996.
- Déchaine, Wiltschko 2002 — *Déchaine R.-M., Wiltschko M.* Decomposing pronouns // *Linguistic Inquiry*. 2002. Vol. 33 (3). P. 409—442.
- Enç 1991 — *Enç M.* The semantics of specificity // *Linguistic Inquiry*. Vol. 22. 1991. P. 1—26.
- Fattakhova 2002 — *Фаттахова Р. Ф.* Категория числа в современном татарском языке. Казань, Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова АН Респ. Татарстан, 2002. {*Fattakhova R.* The category of number in the modern literary Tatar. Kazan, Institute for language, literature and art of the Academy of Sciences of Tatarstan, 2002.}
- Galieva 2014 — *Галиева А. М.* Индивидуализирующая семантика в системе татарских падежей // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «ТМП 2014». // Ред. Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Коношенко М. Б. М., МГГУ, 2014. Вып. 1. С. 12—22. {*Galieva A.* Individuating semantic in Tatar case system // Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of “TMP-2014”./Eds. Lyutikova E., Zimmerling A., Konoshenko M. Moscow: MSUH, 2014. Vol. 1. P. 12—22.}
- Garyaev 2009 — *Гаряев Р. Н.* Категории числа и принадлежности имени существительного и происхождение их показателей в татарском языке. Тобольск, Тобольский государственный педагогический институт, 2009. {*Garyaev R.* Nominal categories of number and possessivity and the origin of their markers in Tatar. Tobol’sk, Tobol’sk state pedagogical institute, 2009.}
- Grashchenkov 2007 — *Гращенко П. В.* Изафетная конструкция: многофакторный анализ // Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике/Ред. Лютикова Е. А., Казенин К. И., Соловьев В. Д., Татеев-

сов С. Г. Казань, «Магариф», 2007. С. 83—114. {Grashchenkov P. Ezafe construction: a multifactorial analysis // Mişar dialect of Tatar. Essays on syntax and semantics/Eds. Lyutikova E. et al. Kazan: Magarif, 2007. P. 83—114.}

Harley, Ritter 2002 — Harley H., Ritter E. Person and number in pronouns: A feature-geometric analysis // *Language*. 2002. Vol. 78. P. 482—526.

Kalin 2015 — Kalin L. Licensing Phi-features: Differential Object Agreement and the Person Case Constraint. Paper presented at the workshop Theoretical and Experimental Approaches to Agreement, UMass Amherst, October 30, 2015.

Kalin forthcoming — Kalin L. Licensing and Differential Object Marking: The View from Neo-Aramaic // To appear in *Syntax*.

Kamalova 2010 — Камалова Р. Т. Категории лица, числа и притяжательности в татарском языке в сопоставлении с английским и немецким языками. Казань, Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова АН Респ. Татарстан, 2010. {Kamalova R. Categories of person, number and possessivity in Tatar as compared to English and German. Kazan, Institute for language, literature and art of the Academy of Sciences of Tatarstan, 2010.}

Kornfilt 2003 — Kornfilt J. Scrambling, subscrambling, and case in Turkish // *Word order and scrambling* / Ed. Karimi S. Oxford: Blackwell, 2003. P. 125—155.

Kornfilt 2008 — Kornfilt J. DOM and Two Types of DSM in Turkish // *Differential Subject Marking* / Eds. de Hoop H., de Swart P. Dordrecht: Springer, 2008. P. 79—111.

Kornfilt, Preminger 2015 — Kornfilt J., Preminger O. Nominative as no case at all: an argument from raising-to-accusative in Sakha // *Proceedings of the 9th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL9)* / Eds. Joseph A., Predolac E. (MIT Working Papers in Linguistics #76). Cambridge, MA, MIT Press, 2015. P. 109—120.

Levin, Preminger 2015 — Levin T., Preminger O. Case in Sakha: Are two modalities really necessary? // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2015. Vol. 33 (1). P. 231—250.

Lutfullina 2011 — Лутфуллина Г. Ф. Сопоставительное исследование категории квантификационно-детерминированной полиситуативности в неродственных языках (на материале французского и татарского языков). Казань, Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2011. {Lutfullina G. A comparative study of the quantificational multisituativity in non-related languages (based on French and Tatar). Kazan: Tatar State Pedagogical University for Humanities, 2011.}

Lyutikova 2014 — Лютикова Е. А. Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // *Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова, сер. Филологические науки*, 2014. № 4. С. 50—70. {Lyutikova E. Case and noun phrase structure: differential object marking in Mishar dialect of Tatar // *Vestnik MGGU im. M. A. Sholokhova, Ser. Filologicheskiye nauki*. 2014. Vol. 4. P. 50—70.}

Lyutikova 2015 — Lyutikova E. Tsakhur as a case-stacking language // *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata* / Eds. Arkadiev P., Kapitonov I., Lander Yu., Rakhilina E., Tatevosov S. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2015. P. 297—312.

Lyutikova et al. (Eds.) 2007 — Лютикова Е. А., Казенин К. И., Соловьев В. Д., Татевосов С. Г. (ред.). Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике. Казань, «Магариф», 2007. {Lyutikova E., Kazenin K., Solov'ev V., Tatevosov S. (Eds.). Mişar dialect of Tatar. Essays on syntax and semantics. Kazan: Magarif, 2007.}

Lyutikova, Ibatullina 2015 — Lyutikova E., Ibatullina D. Case theory and case variation in Tatar // *Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of «TMP-2015»*./Eds. Lyutikova E., Zimmerling A., Konoshenko M. Moscow: MSPU, 2015. Vol. 2 P. 228—244.

Lyutikova, Pereltsvaig 2015a — Лютикова Е. А., Перельсвайг А. М. Структура именной группы в безартиклевых языках: универсальность и вариативность // *Вопросы языкознания*. 2015. № 3. С. 52—69. {Lyutikova E., Pereltsvaig A. Noun phrase structure in articleless languages: Universality and variation // *Voprosy yazykoznaneya*. 2015. Vol. 3. P. 52—69.}

Lyutikova, Pereltsvaig 2015b — Lyutikova E., Pereltsvaig A. The Tatar DP // *Canadian journal of linguistics*. 2015. Vol. 60 (3). P. 289—325.

Malchukov, de Swart 2008 — Malchukov A., de Swart P. Differential Case Marking and actancy variation // *Handbook of Case* / Eds. Malchukov A., Spencer A. Oxford: OUP, 2008. P. 339—355.

Marantz 1991 — Marantz A. Case and licensing // *Eastern States Conference on Linguistics* / Eds. Westphal G., Ao B., Chae H.-R. Ithaca, NY: CLC Publications, 1991. P. 234—253.

Massam 2001 — Massam D. Pseudo noun incorporation in Niuean // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2001. Vol. 19. P. 153—197.

McFadden 2004 — McFadden T. The position of morphological case in the derivation: A study on the syntax-morphology interface. PhD thesis, University of Pennsylvania, 2004.

Öztürk 2005 — Öztürk B. Case, Referentiality and Phrase Structure. *Linguistik Aktuell*, Amsterdam: John Benjamins, 2005.

Pereltsvaig 2006 — Pereltsvaig A. Small Nominals // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2006. Vol. 24 (2). P. 433—500.

Pereltsvaig, Lyutikova 2014 — Pereltsvaig A., Lyutikova E. Possessives within and beyond NP: Two ezafe-constructions in Tatar // *Advances in the Syntax of DPs: Structure, agreement, and case* / Eds. Bondaruk A., Dalmi G., Grosu A. Amsterdam: John Benjamins, 2014. P. 193—219.

- Pesetsky 2013 — *Pesetsky D.* Russian Case Morphology and the Syntactic Categories. Cambridge, MA: MIT Press, 2013.
- Preminger 2011 — *Preminger O.* Agreement as a fallible operation. Ph.D. dissertation, Cambridge, MA: MIT, 2011.
- Sulejmanov 1996 — *Сулэйманов Д. Ш.* К вопросу о числе падежей в татарском языке // Исследования в лингвистике. Казань, «ФЭН», 1996. С. 70—84. {*Sulejmanov D.* On the number of case forms in Tatar // *Studies in linguistics.* Kazan: Fjen, 1996. P. 70—84.}
- ТТ — Tugan tel // <http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/>, 2016
- Tumasheva, Irisov 1989 — *Тумашева Д. Г., Ирисов Н. И.* К вопросу о падежном характере аффиксов *-дагы* и *-ныкы* // Сов. тюркология. 1989. №6. С. 3—10. {*Tumasheva D., Irisov N.* On the case-like forms on *-dagy* and *-nyky* // *Sovetskaja tjurkologija.* 1989. Vol. 6. P. 3—10.}
- Vergnaud 1977 — *Vergnaud J.-R.* Letter to Noam Chomsky and Howard Lasnik (1977). Published as: *Vergnaud J.-R.* Letter to Noam Chomsky and Howard Lasnik // *Syntax: Critical concepts in linguistics.* / Eds. *Freidin R., Lasnik H.* London: Routledge, 2006. Vol. 5 P. 21—34.
- Zakiev 1992 — *Закиев М. З.* (ред.) Татарская грамматика. Том III. Синтаксис. Казань: Академия наук Татарстана, 1992. {*Zakiev M.* (ed.) *Tatar Grammar, Vol. III: Syntax.* Kazan: Akademiya Nauk Tatarstana, 1992.}
- Zakiev 1993 — *Закиев М. З.* (ред.) Татарская грамматика. Том II. Морфология. Казань: Академия наук Татарстана, 1993. {*Zakiev M.* (ed.) *Tatar Grammar, Vol. II: Morphology.* Kazan: Akademiya Nauk Tatarstana, 1993.}
- Zaliznyak 1973 — *Зализняк А. А.* О понимании термина падеж в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования. М., «Наука», 1973. С. 53—88. {*Zaliznyak A.* On the term Case in linguistic descriptions // *Problems of grammatical modeling.* Moscow: Nauka, 1973. P. 53—88.}
- WCTL — Written corpus of the Tatar language // <http://corpus.tatar/>, 2017.

РЕЗЮМЕ

В статье исследуются падежное маркирование и согласование в татарском языке. Хотя эти феномены в значительной степени пересекаются, в статье делается утверждение, что они связаны с различными синтаксическими механизмами. Падеж рассматривается как морфологический экспонент лицензирования аргументных именных групп полной структуры управляющими вершинами. Лично-числовое согласование является рефлексом отдельного процесса, лицензирования признака лица, который затрагивает исключительно местоимения 1-го/2-го лица. Единственная структурная конфигурация, в которой именные группы 3-го лица могут контролировать согласование, — это предикативное согласование, где возможно согласование по числу. Эта асимметрия отражает контраст между обязательным лицензором лично-числовых признаков, который содержит каждая финитная клаузы, и вторичными лицензорами, которые вводятся в синтаксическую структуру только в случае необходимости. Языковые данные, представленные в статье, свидетельствуют о необходимости теоретического разделения согласования и лицензирования именных групп; при этом, однако, падеж как синтаксический феномен должен быть сохранен в системе лицензирующих механизмов языка.

SUMMARY

The paper presents a study of case assignment and agreement phenomena in Tatar. Although these processes overlap to the great extent, I argue that they are brought about by two distinct mechanisms. Case can be viewed as a morphological exponent of Vergnaud-licensing — structural licensing of argument DPs by governing heads. Person-number agreement in Tatar is a morphological reflex of a separate process, person licensing, that applies to 1st/2nd person pronouns exclusively. The only structural configuration where 3rd person nominals can enter into agreement relation is a subject-predicate configuration where number agreement is available. This asymmetry reflects the contrast of obligatory licensors, which every finite clause contains, and secondary licensors, which are merged only when needed for convergence. The data presented in this paper provide a strong evidence for divorcing agreement from structural licensing, but against elimination of syntactic case from the system of licensing conditions governing well-formedness of syntactic representations.

Ключевые слова: синтаксический падеж, согласование, лицензирование именных групп, структура именной группы, дифференцированное маркирование аргументов, лицензирование лица, татарский язык

Keywords: syntactic case, agreement, DP licensing, noun phrase structure, differential argument marking, person licensing condition, Tatar

Лютикова Екатерина Анатольевна, Московский государственный университет, Московский государственный педагогический университет; lyutikova2008@gmail.com

Ekaterina A. Lyutikova, Moscow State University, Moscow State University for Education; lyutikova2008@gmail.com

В. В. Катаринский — автор первой кириллической книги на башкирском языке?¹

Традиционно считается², см. подробнее историю вопроса в [Латыпова 2005], что автором первой кириллической книги на башкирском языке «Букварь для башкир» (1892), созданной в рамках деятельности Переводческой комиссии Российского Библейского общества³ и изданной в 1892 году, являлся В. В. Катаринский, который был составителем и Башкирско-русского словаря (1899). Общеизвестно, что Букварь создан на южном диалекте башкирского языка, но полного анализа диалектных особенностей его текста и их сравнения со специфическими чертами Башкирско-русского словаря ранее проведено не было.

Ранее было уже установлено, см. [Латыпова 2005], что в Башкирско-русском словаре (1899) присутствуют два диалектных лексических пласта: восточный и южный. Восточный пласт считается привнесенным

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00361.

² Историю вопроса см. подробнее в [Латыпова 2005].

³ Переводческая комиссия была создана во второй половине XIX века (1869) и находилась в ведении Братства Св. Гурия, образованного в 1867 году в г. Казани. У истоков Переводческой Комиссии стояли видные миссионеры Н. И. Ильминский, В. В. Миротворцев, И. Я. Яковлев. С начала 90-х годов XIX века ее возглавлял профессор Казанской Духовной Академии М. А. Машанов. Комиссия работала по официально признанной системе Н. И. Ильминского, в основе которой лежит первоначальное обучение детей с опорой на родной язык. Н. И. Ильминский был приверженцем простых, понятных переводов, предлагал учитывать при работе особенности родного языка. Каждый перевод, подготовленный тем или иным лицом, посылался для чтения и исправления лицам, хорошо владевшим родным языком. И только после того, как он становился безупречным со стороны языка, точности и назидательности, рукопись рекомендовалась к печати.

В результате деятельности Переводческой комиссии на 50 языках России были созданы первые переводы Евангелия, другой богослужебной и назидательной литературы, словари, грамматики и буквари на этих языках. В настоящее время нам известны переводы и издания на следующих уральских и алтайских языках: татарский, чувашский, вотский (удмуртский), черемисский (марийский), эрзянский, мокшанский, коми-зырянский, коми-пермяцкий, саамский, хантыйский, мансийский, ненецкий, селькупский, ливский, чудский, карельский, киргизский, башкирский, якутский, алтайский, азербайджанский, казахский, бурятский, калмыцкий, маньчжурский, эвенский, нанайский. Предварительный филологический анализ этих памятников показывает, что в большинстве случаев переводы делались на несколько диалектов одного языка. Например, марийские памятники есть как минимум на трех сильно различающихся диалектах, которые в настоящее время считаются разными языками: на луговом, волжском и горном; саамские на двух диалектах: на кильдинском и нотозерском, мансийские — на кондинском (восточно-мансийских), пелымском и других приуральских (западно-мансийских) диалектах. И для других языков явно видно, что памятники создавались в разных районах на основании разных диалектов, которые, правда, различаются не столь сильно, как языки, перечисленные выше. Например, эрзянские памятники принадлежат к трем диалектным группам: северной, северо-западной и центральной, удмуртские к северной, срединной и южной и т. д. Большая часть этих книг (более тысячи изданий разного объема от 30 до 400 страниц) ранее не была введена в научный оборот; многие из них даже неизвестны специалистам по перечисленным языкам. Важность этого материала для изучения истории уральских и алтайских языков трудно переоценить. Как минимум для 20 языков в рамках деятельности Переводческой комиссии впервые были созданы письменность, словари, грамматики, тексты. В научной литературе при описании создания письменности, например, на мансийском или на селькупском языках кратко указывается факт существования некоторых из этих изданий, но отмечается, что особого значения для становления письменности они не имели, не подчеркивается и важность фиксации в них определенного языкового среза, фактически первого для большинства уральских и алтайских языков. В устных беседах, на конференциях доводилось неоднократно слышать высказывания о том, что эти фиксации не представляют особенного интереса в связи с крайней неточностью в передаче языковых данных и многочисленными «ошибками». В настоящее время в результате работы над изучением этих памятников группы, состоящей из лингвистов, специалистов по конкретным практически всем вышперечисленным языкам и одновременно их носителей, проведено соотнесение данных некоторых памятников не с материалом литературных языков, а с диалектами, ряд из которых также ранее практически не был описан. Работа строится так, что, узнав место создания того или иного памятника, специалист по конкретному языку выезжает туда и собирает полный словарь исконной лексики. Удивительным образом удалось установить, что совпадение языка памятника и современного диалекта почти полное, а различия, если они присутствуют, носят системный характер, который свидетельствует не об ошибках создателей памятников, а об изменениях, произошедших за последние 150 лет.

одним из составителей — башкиром Мухаметгалимом Абдельганиевичем Куватовым, который указан в Предисловии Башкирско-русского словаря в качестве участника работы [Миржанова 1983]. Однако известно, что М. А. Куватов родился в 1866 году в деревне д. Бикбердино Оренбургского уезда Оренбургской губернии, в настоящее время это деревня Утягулово Зианчуринского района Башкортостана. По [Миржанова 1983] говоры Зианчурского района относятся к сакмарской подгруппе ик-сакмарской группы южных диалектов, поэтому следовало бы ожидать, что вклад в работу над словарем М. А. Куватова связан с южно-башкирскими формами. Но поскольку он много лет работал в Серменевской русско-башкирской школе, которая находилась в Белорецком районе на востоке Башкортостана, видимо, предполагается, что он стал активно использовать в своей работе над книгами восточно-башкирский материал. Правда, эта гипотеза, высказанная в [Миржанова 1983], фактически не подкреплена надежными доказательствами. Слова, которые приводятся в качестве восточных форм, например, *балта* ‘топор’, не имеют специфических восточных черт в фонетике. А распространение слова в каком-то определенном районе Башкирии не является доказательством того, что ранее оно тоже имело диалектный характер.

Как будет показано ниже, анализ материала 130 башкирских пословиц, которые М. Куватов опубликовал в 1895 г. в журнале «Известия оренбургского отдела императорского русского географического общества» [Куватов 1895], указывает на наличие в его говоре только южных сакмарских черт. Таким образом, становится ясно, что есть ряд вопросов относительно диалектной принадлежности и авторов первых башкирских книг, которые нуждаются в дальнейшем исследовании.

Предстоит выяснить:

- 1) действительно ли в Башкирско-русском словаре есть два диалектных пласта;
- 2) с каким из пластов диалектной лексики можно связать участие башкира М. А. Куватова, особенности диалекта которого зафиксированы в [Куватов 1895];
- 3) возможно ли отождествить диалект, который лег в основу Букваря, с языком одного из авторов Башкирско-русского словаря;
- 4) можно ли отождествлять восточный пласт в Башкирско-русском словаре с диалектом, на основе которого была написана книга: *Бессонов А. Г.* Первая после букваря книжка для чтения и первоначальные уроки русского языка для юго-восточных башкир (1907), для которой четко указано место создания: на левом берегу реки Урал (территория современной Челябинской области) и в северной части Орского уезда (территория современной Оренбургской области, в южных отрогах Уральских гор).

Для ответов на эти вопросы был проведен полный анализ Башкирско-русского словаря, для каждого словарного входа была выписана параллель из современного башкирского языка. В настоящее время результат этой работы можно видеть на сайте lingvodoc.ispras.ru. Подобным же образом были проанализированы и полные тексты книг [Бессонов 1907], [Букварь 1898] (второго издания книги «Букварь для башкир» (1892), которая в настоящее время для нас недоступна).

Ниже в таблице приводятся только те особенности этих книг, по которым хотя бы в одной из них зафиксированы графические отличия от литературного языка (отмечены полужирным).

Сравнение графических особенностей первых башкирских книг [Букварь 1892], [Башкирско-русский словарь 1899], [Бессонов 1907] с литературным башкирским языком

	1) Сингармонизм в двуслогах при <i>o, ø</i> в первом слоге	2) ПТю * <i>u</i>	3) ПТю * <i>ï</i>	4) ПТю * <i>ij</i>	5) ПТю * <i>-p</i>	6) чередование в суфф. множ. числа <i>-Ar</i> , каузатива <i>-Ir-</i>	7) чередование в суфф. абстр. сущ. <i>-Ik</i>	8) ПТю * <i>ʃ</i>
Лит. башк.	+	<i>o</i>	<i>ö</i>	<i>u</i>	<i>-n</i>	<i>-ʒ-/-ð-/-m-/-l-</i>	<i>-l-</i>	<i>ʒ</i>
[Букварь 1892]	—/(+) есть примеры с сингармонизмом и без	<i>o</i>	<i>ö</i>	<i>ей</i>	<i>-б</i>	<i>-л/н-</i>	<i>-л-/-н-</i>	<i>з/ð</i>
[Башкирско-русский словарь 1899]	—/+ есть примеры с сингармонизмом и без	<i>y/o</i>	<i>ÿ/ö</i>	<i>ей</i>	<i>-б</i>	<i>-ʒ-/-ð-</i>	<i>-ʒ- -л-</i>	<i>ʒ</i>
[Бессонов 1907] южный, восточный диалект	+/(—) обычно есть, редкие примеры без сингармонизма	<i>O</i>	<i>ö</i>	<i>ий</i>	<i>-n</i>	<i>-ð-/-m-/-l-</i>	<i>-ð-/-ð-</i>	<i>ð</i>

1. Наличие сингармонизма по огубленности в двусложных корнях:

[Букварь 1898]: сингармонизм присутствует примерно в половине случаев.

Примеры без сингармонизма:

- лит. башк. *ошо* ‘этот’ — [Букварь 1898] *Ошы* ‘этот’;
- лит. башк. *тотоп* ‘держа, удерживая’ — [Букварь 1898] *тотыб/тотоб* ‘держать’;
- лит. башк. *йөрө* ‘(ты) ходи’ — [Букварь 1898] *йөре* ‘ходить’;
- лит. башк. *бозок* ‘испорченный’ — [Букварь 1898] *бозык* ‘нарушение’;

примеры с сингармонизмом:

- лит. башк. *көсөм етә* ‘сил мне хватает’ — [Букварь 1898] *көсөм етә* ‘сил мне хватит’;
- лит. башк. *тотоньзлар* — [Букварь 1898] *тотоз* ‘помню’.

[Башкирско-русский словарь 1899] сингармонизм присутствует примерно в половине случаев.

Примеры с сингармонизмом:

- лит. башк. *көрһөнөү* ‘вздыхать’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Көрһөн* ‘Вздохнуть’;
- лит. башк. *көшөл* ‘ворох’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Көшөл* ‘Ворох, куча смолоченного хлеба’;
- лит. башк. *оғоро* (диал.) ‘вор’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Оғоро* ‘Вор, мошенник’;

примеры без сингармонизма:

- лит. башк. *өйөрөү* ‘крутить’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Өйер* ‘крутить’;
- лит. башк. *өләш* ‘часть, доля’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Өләш* ‘делить на равные доли’;
- лит. башк. *өлгө* ‘образец’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Өлге* ‘выкройка, пример’.

[Бессонов 1907] сингармонизм в большинстве случаев присутствует:

- лит. башк. *ошо* ‘этот’ — [Бессонов 1907] *ошо* ‘этот’;
- лит. башк. *тотоп* ‘держа, удерживая, поймав’ — [Бессонов 1907] *тотоп* ‘держать’;
- лит. башк. *бозок* ‘испорченный’ — [Бессонов 1907] *бозок* ‘нарушение’;

редко, примерно в 10% случаев встречаются примеры:

- лит. башк. *йөрө* ‘(ты) ходи’ — [Бессонов 1907] *йөре* ‘ходить’.

2. Рефлексы ПТю *и > лит. башк. о

[Букварь 1898]: о

- лит. башк. *йондоzzар* — [Букварь 1898] *йондоzzар* ‘обряды’;
- лит. башк. *тороу* ‘стоять’ — [Букварь 1898] *торыу* ‘испорченность’;
- лит. башк. *бозоклок* ‘испорченность’ — [Букварь 1898] *бозыклык* ‘испорченность’;

[Башкирско-русский словарь 1899] у/о

- лит. башк. *һоро* ‘серый, бурый’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Гуры* ‘серый’;
- лит. башк. *короу* ‘высыхать’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Гурык* ‘просыхать’;
- лит. башк. *йотоу* ‘глотать’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Йут* ‘глотать’;
- лит. башк. *йомортка* ‘яйцо’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Йомортка* ‘яйцо’;
- лит. башк. *йондоz* ‘звезда’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Йондоz* ‘звезда’.

[Бессонов 1907] о

- лит. башк. *йондоzzар* ‘звезды’ — [Бессонов 1907] *Йондоddар*, ‘звезды’
- лит. башк. *тороу* ‘стоять’ — [Бессонов 1907] *тороу* ‘стоит’;
- лит. башк. *бозоклок* ‘испорченность’ — [Бессонов 1907] *Бодокток* ‘некорректно’.

3. Рефлексы ПТю *й > лит. башк. ө

[Букварь 1898]: ө

- лит. башк. *төшөндөр* ‘(ты) объясни’ — [Букварь 1898] *төшөндөр* ‘разъясни’;
- лит. башк. *хөрмәтләп* ‘уважая, почитая’ — [Букварь 1898] *хөрмәтләб* ‘почитание’;
- лит. башк. *һөйләп* ‘говоря’ — [Букварь 1898] *дөйләб* ‘расскажите’;
- лит. башк. *йөрө* ‘(ты) ходи’ — [Букварь 1898] *йөре* ‘ходить’.

[Башкирско-русский словарь 1899] ү/ө

- лит. башк. *йөн* ‘шерсть, пух’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Йүн* ‘шерсть, пух’;
- лит. башк. *көбәк* (диал.) ‘мякина’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Күбә* ‘копна’;

- лит. башк. *һөртөү* ‘вытирать’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Гүрт* ‘натирать, стирать’,
- лит. башк. *йөрөү* ‘ходить’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Йөре* ‘ходить’,
- лит. башк. *йөрәк* ‘сердце’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Йөрәк* ‘сердце, мужество’,
- лит. башк. *көбәк* ‘ствол оружия’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Көбәк* ‘дуло ружья, вообще трубка’.

[Бессонов 1907] *ө*

- лит. башк. *төшөндөр* ‘(ты) объясни’ — [Бессонов 1907] *төшөндөр* ‘разъясни’,
- лит. башк. *хөрмәтләп* ‘уважая, почитая’ — [Бессонов 1907] *хөрмәттәп* ‘с почестями, уважением’,
- лит. башк. *һөйләп* ‘рассказывая’ — [Бессонов 1907] *Гөйдәп* ‘расскажите’,
- лит. башк. *йөрө* ‘(ты) ходи’ — [Букварь 1898] *йөре* ‘ходить’.

4. Рефлексы ПТю *ij > лит. башк. дифтонг [эј], орфографически *и*, см. [Юлдашев 1981]

[Букварь 1898] *ей*

- лит. башк. *ни* ‘что? какой?’ — [Букварь 1898] *ней* ‘что? какой?’,
- лит. башк. *ти* ‘говорит, мол’ — [Букварь 1898] *тей* ‘говорит, мол’.

[Башкирско-русский словарь 1899] *ей*

- лит. башк. *ни* ‘что? какой?’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Ней* ‘что?’.

[Бессонов 1907] *ий*

- лит. башк. *ни* ‘что? какой?’ — [Бессонов 1907] *ний* ‘что? какой?’,
- лит. башк. *ти* ‘говорит, мол’ — [Бессонов 1907] *тий* ‘говорит, мол’.

5. ПТю *-p > лит. башк. -п на конце слога

[Букварь 1898] -б:

- лит. башк. *тапкан* ‘нашел’ — [Букварь 1898] *табкан* ‘нашел’,
- лит. башк. *уҡыл* ‘читая’ — [Букварь 1898] *уҡыб* ‘читать’,
- лит. башк. *белеп* ‘зная’ — [Букварь 1898] *белеб* ‘зная’,
- лит. башк. *тип* ‘так’ — [Букварь 1898] *тиб* ‘что’,
- лит. башк. *күп* ‘много’ — [Букварь 1898] *күб* ‘много’.

[Башкирско-русский словарь 1899] -б

- лит. башк. *еп* ‘нитка’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Йеб* ‘нитка’,
- лит. башк. *газан* ‘мучение, мука’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Казаб* ‘Мучение, мука’,
- лит. башк. *сүп* ‘сор, мусор’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Сүб* ‘Сор’.

[Бессонов 1907] -п

- лит. башк. *тапкан* ‘нашел’ — [Бессонов 1907] *тапкан* ‘нашел’,
- лит. башк. *уҡыл* ‘читая’ — [Бессонов 1907] *уҡыл* ‘читать’,
- лит. башк. *белеп* ‘зная’ — [Бессонов 1907] *белеп* ‘зная’,
- лит. башк. *күп* ‘много’ — [Бессонов 1907] *күп* ‘много’.

6. Чередование в суффиксах множественного числа -IAr, каузатива -Itr- (лит. башк. -з-/-д-/-т-/-л-)

[Букварь 1898] -л-/-н-

- лит. башк. *боронголлар* ‘старинные, давние’ — [Букварь 1898] *боронғылар* ‘наши предки’,
- лит. башк. *башлыктарына* ‘главам’ — [Букварь 1898] *башлыктарына* ‘главам’,
- лит. башк. *балалар* ‘дети’ — [Букварь 1898] *балалар* ‘дети’,
- лит. башк. *дошмандар* ‘враги’ — [Букварь 1898] *Дошманнар* ‘враги’.

[Башкирско-русский словарь 1899] -з-/-д-

- лит. башк. *кыйзыр(ыу)* ‘отсекать’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Кыйзыр* ‘заставить отрезать наискось’,
- лит. башк. *намысландыр(ыу)* ‘пристыдить’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Намысландыр* ‘осрамить’,
- лит. башк. *салдыр(ыу)* ‘дать скотину на зарез’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Салдыр* ‘дать скотину на зарез’,

- лит. башк. *сөйзәр(әү)* ‘метать’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Сөйзәр* ‘заставить метать, пустить’,
 — лит. башк. *кыззар* ‘девочки, девушки’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Кыззар* ‘девицы’.

[Бессонов 1907] -д-/-т-/-л-

- лит. башк. *боронголлар* ‘старинные, давние’ — [Бессонов 1907] *боронголлар* ‘наши предки’,
 — лит. башк. *башлыктарына* ‘главам’ — [Бессонов 1907] *баштыктарына* ‘главам’,
 — лит. башк. *балалар* ‘дети’ — [Бессонов 1907] *балдар* ‘дети’.

7. Чередование в суффиксе абстрактного существительного *-лк* (лит. башк. *-л-* устойчивое л)

[Букварь 1898] -л-/-н-:

- лит. башк. *бәхиллек* ‘прощение’ — [Букварь 1898] *Бәхиллек* ‘прощение’,
 — лит. башк. *яманлык* ‘зло, злодеяние’ — [Букварь 1898] *Йаманнык* ‘зло’,
 — лит. башк. *етәрлек* ‘достаточно’ — [Букварь 1898] *Йетәрлек* ‘достаточно’,
 — лит. башк. *түземлек* ‘терпение’ — [Букварь 1898] *Түземлек* ‘терпение’.

[Башкирско-русский словарь 1899] -з- (рефлексация, характерная для восточных диалектов) / -л- (рефлексация, характерная для южных диалектов).

-з- (рефлексация, характерная для восточных диалектов):

- лит. башк. *йөзлөк* ‘наличник’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Йүззек* ‘край нар из бревнышек’,
 — лит. башк. *гәрлек* ‘обида’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Гәрзек* ‘унизительно, обидно’;

-л- (рефлексация, характерная для южных диалектов):

- лит. башк. *абайларлык* ‘заслуживающий внимания’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *абайларлык* ‘доступный вниманию’,
 — лит. башк. *утлык* ‘хлев, сарай’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Утлык* ‘ясли, хлев’,
 — лит. башк. *кырлык* ‘торица, торичник’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Кырлык* ‘травка, походящая семенами на гречиху’.

[Бессонов 1907] -д-/-д-

- лит. башк. *бәхиллек* ‘прощение’ — [Бессонов 1907] *Бәхилдек* ‘прощение’,
 — лит. башк. *яманлык* ‘зло, злодеяние’ — [Бессонов 1907] *Йамандык* ‘зло’,
 — лит. башк. *етәрлек* ‘достаточно’ — [Бессонов 1907] *Йитәрдек* ‘достаточно’,
 — лит. башк. *түземлек* ‘терпение’ — [Бессонов 1907] *Түдемдек* ‘терпение’.

8. ПТю *r > лит. башк. з

[Букварь 1898] з/д (д в сочетании с р)

- лит. башк. *кеүәт-ярзам* собир. — [Букварь 1898] *кыуат-йәрҙәм* собир. ‘поддержка, помощь’,
 — лит. башк. *түзеп* ‘терпеливо, терпя’ — [Букварь 1898] *Түзеп* ‘намерены мириться’,
 — лит. башк. *бозолорһоң* ‘(ты) испортишься’ — [Букварь 1898] *бозылырғын* ‘нарушение’,

[Башкирско-русский словарь 1899] з

- лит. башк. *һөзәү* ‘бодать рогами’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Гүз* ‘бодать рогами’,
 — лит. башк. *диңгез* ‘море’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Дингез* ‘море’,
 — лит. башк. *илгәзәк* ‘обаятельный, привлекательный’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Илгәзәк* ‘привлекательный’,
 — лит. башк. *йөз* ‘сто’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Йөз* ‘сто’.

[Бессонов 1907] д

- лит. башк. *аузыңдан* ‘изо рта (твоего)’ — [Бессонов 1907] *Аудыңдан* ‘рот’,
 — лит. башк. *кеүәт-ярзам* собир. ‘сила и помощь’ — [Бессонов 1907] *кыуәт-йәрҙәм* собир. ‘поддержка, помощь’,
 — лит. башк. *түзеп* ‘терпеливо, терпя’ — [Бессонов 1907] *Түдеп* ‘намерены мириться’,
 — лит. башк. *бозолорһоң* ‘(ты) испортишься’ — [Бессонов 1907] *Бодолорһон* ‘нарушение’.

Подводя итоги этого анализа, можно отметить следующие черты.

1. Действительно, в Башкирско-русском словаре присутствуют два диалектных пласта лексики, что наиболее явно видно на примерах рефлексации аффикса NomAbstr *-лк*, который в части слов проявляет южные особенности, ср. *Абайларлык* ‘доступный вниманию’, *Утлык* ‘ясли, хлев’, *Кырлык* ‘травка, по-

хожая семенами на гречиху», а в других восточные: *Йүззек* ‘край нар из бревнышек’, *Гәрзек* ‘унизительно, обидно’. Отметим, что статистически восточных форм примерно в четыре раза больше.

2. Как было сказано выше, восточный пласт форм в Башкирско-русском словаре нельзя связывать с влиянием М. А. Куватова, поскольку анализ 130 башкирских пословиц, которые он опубликовал в [Куватов 1895], надежно показывает, что в них присутствуют только сакмарские, южные черты, например, во множественном числе всегда употребляется суффикс *-лар*, форма которого не изменяется в зависимости от консонантного окружения, как в литературном башкирском, ср.:

— лит. башк. *кейзермайзәр* ‘не одевают (кого)’ — [Куватов 1895] *кйдермайлар* ‘не надевают’,

— лит. башк. *бирмайзәр* ‘не дают’ — [Куватов 1895] *бермайлар* ‘не дают’,

— лит. башк. *һуймайзәр* ‘не режут, не снимают шкуру’ — [Куватов 1895] *гуймайлар* ‘не режут, не снимают (шкуру)’ —

в отличие от форм в [Башкирско-русский словарь 1899], ср.:

— лит. башк. *кыззәр* ‘девочки, девушки’ — [Башкирско-русский словарь 1899] *Кыззәр* ‘девицы’;

в реализациях суффикса Adj *-II* отмечен также южный переход *л > н* после *н*, ср.:

— лит. башк. *канлы* ‘кровавый’ — [Куватов 1895] *канны* ‘кровавый’,

— лит. башк. *уланлы* устар. ‘имеющий сына’ — [Куватов 1895] *уланлы* ‘в доме многопоколений, с ребёнком’.

Отметим, что в [Башкирско-русский словарь 1899] встречаются как формы с аналогичным переходом в другом суффиксе (южные), ср.:

— башк. *көнләү* ‘ревновать’ — [Куватов 1895] *Көннә* ‘ревновать’ —

так и формы, в которых не происходит такой переход:

— башк. *йунләү* ‘приводить в порядок; добывать, доставать’ — [Куватов 1895] *Йүнлә* ‘потакать’.

Это является еще одним свидетельством присутствия в [Башкирско-русский словарь 1899] двух диалектных пластов, при этом ясно, что влияние М. Куватова можно связывать только с южными формами в [Башкирско-русский словарь 1899].

Реализация суффиксов *-Ar*, *-II* в зависимости от типа основы

	Чередование в суфф. множ. числа <i>-Ar</i> после основы не на <i>-н</i>	Чередование в суфф. абстр. сущ. <i>-II</i> после основы на <i>-н</i>
Лит. башк.	<i>-з/-д/-т/-л-</i>	<i>-л-</i>
[Букварь 1898]	<i>-л-</i>	<i>-н-</i>
[Куватов 1895]	<i>-л-</i>	<i>-н-</i>
[Башкирско-русский словарь 1899]	<i>-з-</i>	<i>-л-, -н-</i>
[Бессонов 1907] южный, восточный диалект	<i>-д/-т/-л-</i>	<i>-д/-д-</i>

3. Можно ли предположить, что М. Куватов был соавтором и книги [Букварь 1898]? В [Куватов 1895] есть ряд черт, которые отсутствуют в [Букварь 1898], например, употребление анлаутного *п-* в соответствии с лит. башк. *б-*:

— лит. башк. *бесәй* ‘кошка’ — [Куватов 1895] *псәй* ‘кошка’,

— лит. башк. *бөртөк* ‘штука’ — [Куватов 1895] *пүртөк* ‘одна, штука’,

— лит. башк. *бет* ‘вошь’ — [Куватов 1895] *пет* ‘вошь’.

4. Диалект, который лежит в основе книги [Бессонов 1907], существенно отличается от восточных форм в Башкирско-русском словаре, поскольку в нем в подавляющем большинстве случаев есть гармония гласных второго слога по огубленности, которая отсутствует в словаре. В [Бессонов 1907] рефлексация ПТю **и*, **й* совпадает с современной башкирской, а в Башкирско-русском словаре есть примеры лексем как с *о/ö*, так и с *у/ү*. Отличается и рефлексация ПТю **ij* и **-p* (подробнее см. выше пункты 1, 3, 4, 5, 7).

Итак, анализ диалектных особенностей первых трех кириллических книг на башкирском языке [Букварь 1898], [Башкирско-русский словарь 1899], [Бессонов 1907] показал, что все они созданы разными авторами. Опираясь на указания в Предисловии, можно отождествить южный пласт форм в [Башкирско-русский словарь 1899] с языком М. А. Куватова, при этом статистические подсчеты форм показывают, что в словаре приблизительно в 4 раза чаще употребляются восточные формы, автор которых неизвестен.

Диалект, же легший в основу первой кириллической книги на башкирском языке [Букварь 1898], явно имел только южные черты и был близок сакмарскому говору М. Куватова, хотя имел от него некоторые отличия. Таким образом, предположение о том, что создателем Букваря был В. В. Катаринский, который является автором [Башкирско-русский словарь 1899], не вполне корректно. У нас нет доказательств его роли в создании Букваря, но есть четкие указания на то, что в основу Букваря и Башкирско-русского словаря легли разные говоры.

Сокращения

лит. башк. — литературный башкирский язык

ПТю — пратюркский язык

Литература

Башкирско-русский словарь 1899 — Башкирско-русский словарь, составитель *Катаринский В. В.* при помощи башкира Куватова. Оренбург, 1899. {Bashkir-Russian dictionary, compiled by *Katarinski V. V.* with the help of a Bashkir named Kuvatov. Orenburg, 1899.}

Бессонов 1907 — *Бессонов А. Г.* Первая после букваря книжка для чтения и первоначальные уроки русского языка для юго-восточных башкир. Казань, 1907. {*Bessonov A. G.* The first reading book after Primer and initial Russian lessons for the southwestern Bashkirs. Kazan, 1907.}

Букварь 1898 — Букварь для башкир. II изд. Оренбург, 1892. {Primer for the Bashkirs. 2nd edition. Orenburg, 1892.}

Куватов 1895 — *Куватов М. А.* Башкирские пословицы // Известия оренбургского отдела императорского русского географического общества. Вып. 6. Оренбург, 1895. С. 31—48. {*Kuvatov M. A.* Bashkir proverbs // Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society's Orenburg Department. Is. 6. Orenburg, 1895. P. 31—48.}

Латыпова 2005 — *Латыпова Р. М.* Письменные источники конца XIX — начала XX веков и их влияние на формирование башкирского литературного языка. Уфа, 2005. {*Latypova R. M.* Written sources from the end of the 19th and beginning of the 20th centuries and their impact on the Bashkir literary language development. Ufa, 2005.}

Миржанова 1983 — *Миржанова С. Ф.* Южный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении). Уфа, 1983. {*Mirzhanova S. F.* Southern dialect of the Bashkir language (in a comparative-historical light). Ufa, 1983.}

РЕЗЮМЕ

Первые кириллические книги на башкирском языке — это Букварь 1892 года и Башкирско-русский словарь 1899 года. Ранее считалось, что их автором является В. В. Катаринский, который в явной форме указан только в Словаре. Лингвистический анализ, проведенный нами, позволил установить, что в Букваре, самой ранней башкирской кириллической книге, есть существенные отличия от Словаря. В. В. Катаринский является автором Словаря, который состоит из двух диалектных пластов: южного и восточного. Южные формы идентичны языку М. А. Куватова, создателя работы «Башкирские пословицы». Автор восточных форм неизвестен, их особенности отличаются от языка книг А. Г. Бессонова, выполненной на юго-восточном и северо-восточном наречиях.

SUMMARY

The first Cyrillic books in the Bashkir language are Primer of 1892 and Dictionary of 1899. Previously V. V. Katarinski was considered to be the author of both of them, while he is explicitly specified as such only in the dictionary. We have conducted a linguistic analysis that revealed that the Primer, the earliest Bashkir Cyrillic book, contains a number of significant differences from the Dictionary. V. M. Katarinski is the author of the Dictionary, which consists of two dialectal lexical groups, the southern one and the eastern one. The southern forms are identical with the language of M. A. Kuvatov, the author of Bashkir Proverbs. The author of the eastern forms is unknown, and their characteristics are different from the books by A. G. Bessonov, made in the South-Eastern and North-Eastern dialects.

Ключевые слова: башкирский язык, первые книги, фонетические особенности

Keywords: the Bashkir language, the first book, phonetic features

Норманская Юлия Викторовна, Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru
Yulia V. Normanskaya, Institute of Linguistics (Moscow); julianor@mail.ru

Каримова Рамиля Нигаматьяновна, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (Уфа); 1967-ram@mail.ru

Ramil'a N. Karimova, Institute of history, language and literature Ufa scientific center of RAS (Ufa); 1967-ram@mail.ru

Экба Зарема Назировна, Институт языкознания РАН (Москва); zaremaekba@mail.ru
Zarema N. Ekba, Institute of linguistics, RAS (Moscow); zaremaekba@mail.ru

Satirical and humorous in the works of Rashit Nazar¹

Rashit Nazar is a talented poet who devoted his short life to the development of Bashkir literature writing lyric poems full of passionate feelings and emotions, new characters created by means of peculiar vivid metaphors; profound philosophic literary works covering thoughts about worldly laws and eternal concepts; patterns of satire and humour criticizing the negative features of human nature and mocking the faults of social system.

According to R. Miftakhov who learns the author's life and literary activity, being a lyricist and a satirist at the same time is a great rarity. It requires high skill because "one should have a rare talent to make readers not only think and reflect but also laugh and smile" [Nazarov 2005: 8—26].

R. Nazarov's lyrical poems and fables have been well investigated by scientists-literary critics [Khusainov 2008; Miftakhov 2002: 7—16; Miftakhov 2005: 8—26; Samirkhanova 2010; 2011; 2012; 2014; 2015; Baiguzhina 2012]. But his satirical and humorous works and their literary peculiarities have not been completely investigated yet.

The poet took up writing satire and humour in 1959. In his poem "Active" he mocks the drunken active member transmitting the "severe" decree of the village active on prohibition to drink alcohol. When the member of the village active was declaring the "severe" decree to the people he was heavily drunk and tongue-tied. With his suit hoisted, "a white head" was seen out of his pocket. The teenager expresses bold disapproval of the chiefs and kolkhoz activists whose actions do not coincide with their words.

R. Nazarov's poem "My Neighbor" written in the same year also criticizes the chiefs using their powers in their own favor. According to the plot of the poem, the harvest of the lyric hero's fruit garden doesn't even last half winter but the "harvest" of his neighbor's neglected garden covered with weeds is not over all year round.

The mystery of this "wonder" is unfolded at the end of the poem — the neighbor turned out to be a vegetable brigadier. The brigadier's thievery is exposed with the help of humoristic means through lyric hero's coming to a naïve conclusion that in his neighbor's garden even "the wormwood harvests". The following idea runs all through the poem: since such an alogism as "the wormwood harvests" is impossible, chiefs also ought not to commit bad deeds in society.

The sharpening of R. Nazarov's satire can be clearly observed in his poem "At the Meeting" written in 1960. In this work the author criticizes the chiefs who are constantly organizing useless and needless meetings where they pick incongruous disputes but in fact they do nothing.

The author skillfully uses the means of irony in criticizing the chiefs engaged exclusively in holding meetings. Unimportant matters raised at the meetings and their inclusion into the range of vital problems are also exposed in the poem.

In the work "At the Meeting" the kolkhoz chiefs have only one problem to solve — "who is to bring wood". But this simple issue having acquired global status becomes an object of heated argument. Irony is created in the following way: the unimportance of the issue under consideration is opposed to the importance attached to it. Further the irony grows into grotesque; the author proceeds to the means of open ridicule in revealing the character of the chiefs engaged in nothing besides meetings: while they were solving the problem of wood, snow drifted in great piles against the house where the meeting was being held. The chiefs, instead of shoveling the snow and opening the door, included the issue under consideration into the agenda of the following meeting. When they woke up, they found out that the sweat vapour, covering the whole house before, had frozen. The chiefs decided to hold one more meeting in order to find the person who was guilty of the incident.

Thus, bureaucracy is bitterly criticized by means of grotesque.

In his work "They Exist on Earth" written in the same year the poet raised the issue of alcoholism in society. At seeing the drunken men, returning from the guest's, the swine laughed: "There are creatures looking like us on Earth". A drunken man is represented as swine's inferior through reverse comparison.

Among R. Nazarov's works we should emphasize the poems criticizing such negative features of human character as duplicity, cowardice, deceitfulness, gossiping. These poems are very unique from the viewpoint of their composition: the persons who have gained public endorsement, praise and appreciation turn out to lack noble features.

The characteristics given to personages at the beginning of the poem are not justified; the reader is "deceived". In a number of poems the faults of human character are slightly criticized through humour in this way. In another group of poems irony is created; such a sentence as "a man must be given fair assessment" runs through these works.

¹ Translated by Candidate of Science (Philology) Razilya Iskhakova.

In his poems belonging to the first group the author puts his personages into ridiculous situations and makes fun of them through humour. For example, in the poem “A Shy Gossipmonger” shy, taciturn and patient Sabiryan is a despicable gossipmonger; in the poem called “Yalbika” beautiful Yalbika is lazy; the work “A Boaster” illustrates boastful Marat who has dreamt of becoming a pilot; the poem “Batyr” satirizes Nur, audacious like an eagle, strong like a lion, but who later ran away having taken the fur hat for a wolf; the poem “Fanagat” mocks Fanagat who takes part in all the recreational activities but who vanishes when there appears some serious work to do; in the work “A Paper Beacon” the man who has always been ahead of everything turns out to be a liar.

In another group of poems the personages’ sneaky masks are taken off; they are criticized through bitter irony. For example, the poem “A Brainy Fellow” illustrates a fellow named Khaidar who was handsome, decent, highly appreciated by the elderly for being a scientist and an intelligent man. But in fact Khaidar seemed intelligence only due to the clever words from newspapers and magazines which he used in his speech. The gist “an empty head” is opposed to the praise “a brainy boy” as an antithesis.

In his poem “Chased” written in 1962 R. Nazarov slightly criticizes “tub-thumpers” by means of humour. According to the plot of the work, a poet writes fiery poems expressing passionate love of “his kolkhoz”, admiring the beauty of the village, praising the pleasure of village life and encouraging people to live there. However, he himself prefers living in the city.

Through the image of this poet, the author criticizes the ones who live exclusively with ideology, to be more exact, who just give such an impression but whose words match neither their actions nor their nature.

In his poem “A Gossipmonger” the author exposes the gossip to odium by using vivid metaphors in describing the image of a gossipmonger: “His looks like an old stub by stature, his face seems to have been kissed by a shaitan, his eyes are as indifferent as if fed up with the whole world”; even if he has the shape of a man, he belongs to the genus of snakes. He is full of bile and poison.

The abovementioned metaphors characterize the author’s individual style and emphasize unique peculiarities.

This theme continues in the poem “To Somebody” which also exposes such a human feature as duplicity. The author’s bitter criticism is addressed to the evil people whose words are “sweeter than honey” but who have vile and evil nature indeed.

A high position doesn’t determine the height of the soul — this idea runs all through the works of R. Nazarov. The gleam of this idea can be observed in the poem “The Chief in the Bag” which is about a diligent fellow who changes at once having become a chief. He begins to behave haughtily. The personage has been pronounced such a metaphorical verdict: “He has locked himself into the bag” which implies that he hides both his face and his soul from his friends and close people as if locked in the bag.

The poem “Careerist” continues the same topic: it exposes a haughty chief whose bag turns into his “bosom friend”.

In his poem “An Arrogant Man” the author uses the means of grotesque for describing the highest point of human arrogance: “His words are higher than his face, His face is higher than his eyes, His eyes are higher than his brows, and His brows are higher than his head”. Such an asymmetrical face seems to be unnatural; arrogance should also be unnatural for human character. It must be disgusting and fearsome like this terrible creature.

In his small, low-volume poems the author managed to create the element of surprise with the help of satirical means:

“You are industrious, I know, I know,
I don’t try to equal to you.
To sleep all day long —
It’s impossible to be like you.” [Nazarov 2002: 244]

The poem “Judgment” exposes a man named Galai who is constantly marrying then divorcing and leaving his children.

His jaunty merrymakings were restricted by the women’s court:

“The verdict is short: when the trial is over,
Everybody will take her share.
Very soon (it’s not a joke)
He’ll be divided into parts.
The order was executed:
Every woman got one part.” [Nazarov 2002: 358]

In this poem R. Nazarov successfully and faithfully used one more way of creating satire — sophism: each woman left by Galau got one part of the lecher.

The poet's satiric skill can be clearly observed not only in his satirical and humorous poems but also in his fables. As is known, a fable is a literary work with satiric pathos and allegoric character, impregnated with didacticism [Samirkhanova 2014: 12].

In R. Nazarov's literary activity the genre of fable goes through specific development: it is enriched with new characters, new ways and means of conveying sentence.

The poet's first fables were written in 1960s. Even if the definite works were not denoted by the name of the genre, the analysis of their contents and composition peculiarities refers them to the genre of fable.

Even if the work beginning with the words "One day Minnow..." mocks Minnow who took up a big deal without estimating his abilities, it is about boastful people who overestimate their force.

In the work the author exhorts people to keep away from the shameful fate of Minnow who decided to flee the lake bottom and fly in the sky in order to amaze the world but could do nothing but plunge into the water again.

In the fable "A Wolf" the author uses the image of a greedy wolf which is true to its nature for criticizing the individuals who remain faithful to their bad habits and cannot keep from doing evil.

In the work lexical means are successfully used for characterizing the wolf: he was invited to a wedding party and put in the middle of the table full of food but the wolf remained true to his greedy nature — seized a lamb and vanished. A specific antithesis appears in the work: the wolf's evil and sordid nature is opposed to good treatment.

As is known, the genre of fable differs from the other genres in its regular cast [Samirkhanova 2011: 1043—1044; Samirkhanova 2014: 85—86]. As for R. Nazarov, he enriches the character arsenal of Bashkir fables and brings into new heroes. In his work "Hands" parts of the human body are represented as characters. According to the plot of the fable, once Brain begins to behave haughtily considering that "he is unrivalled". Being wrapped with evil thoughts, he mistreats and humiliates working Hands, demeans them with such words as "illiterate", "stupid", "miserable".

Describing Brain's bad behavior, the author wants to say that the height of the position occupied by the person may not match the richness and height of his soul.

Besides, the described characters acquire a social tone: horny industrious Hands never possess either position or wealth in spite of the fact that they work hard.

The moral is deduced by Heart: he hauls Brain over the coal. The fable ends with the words close to a proverb: "Heart's words are the nation itself".

Thus, man's dignity is determined not by his position but by his actions, and this appreciation is given by people [Samirkhanova 2014: 114].

The main idea of R. Nazarov's second fable called "Minnow" is loyalty to the homeland and solidarity. The work aims at complete revelation of such folk proverbs as "Stubborn sheep — wolf greed", "East or west, home is best".

During the spring flood minnows occur in one puddle, and when they have found their way back to the stream, Minnow persuades his friends to stay in this puddle:

"We won't suffer from hunger here...
Pike won't swallow us here —
We will live like a sultan.
There is no danger!
There is no penury!
You are a king yourself!
You are a khan yourself!
You are a chief yourself!" [Nazarov 2002: 322]

Proud and stubborn Minnow could not persuade the others so he stayed in the puddle alone and soon found his trouble: when spring came, the puddle dried up. Minnow languished, later Crow ate him. The moral of the fable is clear: "The bad luck of Minnow is a good lesson for those who don't love their homeland, "sing only their own song", and, having separated from their people, look for happiness in another puddle".

The poet's fables "Swine's Letter" and "A Tutor" aim at exposing the faults of human character. In one of the fables the author uses the character of a swine for describing the people who denigrate the others' noble name, spread gossips, and try to find guilt in everyone. In the second work such features of character as stupidity, foolishness and stubbornness are criticized through the image of an ass.

In the fable “A Tutor” the author skillfully uses the method of “thought concealing”. When the personage of the fable asked Horse to reveal the secret of acquiring respect, he answered that his tutors were Lion and Ass: if Lion was the example of deep wisdom and skill, Ass, on the contrary, points to the features we must get rid of. In this way the satiric pathos of the fable is given with philosophic thoughts.

In R. Nazarov’s next fable called “An Eagle and a Sparrow” the method of irony is skillfully used for creating satire. The phenomenon of mismatch constitutes the basis of the irony.

In this work the phenomenon of mismatch appears from the wish of the Birds’ King to establish justice in the world: he orders to give the eagle’s wings to the miserable and weak sparrow, and the strong and hoary eagle stays with the sparrow’s small wings. The moral of the fable does not lose its topicality even nowadays:

“The poor sparrow cannot lift the eagle’s wings,

But the sparrow’s wings cannot lift the eagle...” [Nazarov 2005: 37]

Thus, R. Nazarov enriches the field of satire and humour of Bashkir literature with new characters and specific means and methods. Most of the problems raised in his works are still topical today.

Such expressive means as allegory, irony, hyperbole, grotesque, paradox, sophism, alogism and such methods as antithesis, pun, thought concealing, the element of surprise are skillfully and perfectly used for exposing the negative features of human character and the faults of social system.

Each expressive means serves for revealing the idea-thematic contents of the work and raising its satiric pathos. The metaphors and expressive means occurring in the poet’s creative works determine the peculiarity of his individual language style.

References

Baiguzhina 2012 — *Baiguzhina G. Sh.* The Peculiarities and Identity of the National Language Picture of the World (on the Material of Rashit Nazar’s Poetry). *Bashkir University Bulletin*, 2012. №3.

Khusainov 2008 — *Khusainov G. B.* The Lyrics of Rashit Nazar (in the Bashkir Language). *Agidel*, № 2, 2008.

Nazarov 2002 — *Nazarov R.* Works in 2 volumes. V.I. Lyrical, Satirical Poems, Fables (in the Bashkir Language). Ufa: Kitap, 2002.

Nazarov 2005 — *Nazarov R.* Works in 2 volumes. V.II. Lyrical, Satirical Poems, Fables (in the Bashkir Language). Ufa: Kitap, 2005.

Samirkhanova 2010 — *Samirkhanova G. Kh.* The Ways of Learning the Borrowed Topics in Bashkir Fables. *Bashkir University Bulletin*, 2010. V. 15, №3 (1). P. 1037—1038.

Samirkhanova 2011 — *Samirkhanova G. Kh.* The Peculiarities of the Figurative System of Bashkir Fables. *Bashkir University Bulletin*, 2011. V. 16. № 3 (1). Ufa: Publishing Center of Bashkir State University, P. 1043—1044.

Samirkhanova 2012 — *Samirkhanova G. Kh.* The Theory, Genesis and Ideal-Esthetic Sources of Fables in Bashkir Literature. *Bashkir University Bulletin*, 2012. V. 17, № 3 (1). P. 1518—1519.

Samirkhanova 2014 — *Samirkhanova G. Kh.* The Poetics of Bashkir Fables (in the Bashkir Language). Ufa: Publishing Center of Bashkir State University, 2014. P. 108.

Samirkhanova 2015 — *Samirkhanova G., Bulyakova G., Latypova R., Suleymanova L., Sharipova Z., Bukharova G.* The Research Methodology of the “Poetics” Scientific Category of Bashkir Fables // *Review of European Studies*. 2015. V. 7. № 9. P. 112—119.

РЕЗЮМЕ

Рашит Назаров — башкирский поэт, творчество которого определяет степень развития сатиры и юмора в башкирской литературе. В своих сатирических и юмористических стихотворениях, баснях поэт обращается к злободневным проблемам своего времени, многие из которых остаются актуальными и в наши дни. В них автором обличаются недостатки человеческого характера и пороки общества. Для создания комического эффекта поэт использует художественные средства комического и сатирического. Утверждение человеческого идеала достигается обрисовыванием антиидеала посредством использования аллегории, иронии, гиперболы, гротеска, парадокса, софизма и алогизма. Произведения Рашита Назарова отличаются яркостью и метафоричностью языка, неповторимостью образов и острым сатирическим пафосом.

SUMMARY

Rashit Nazar is a Bashkir poet whose works determine the stage of satire and humour development in Bashkir literature. In his satirical and humorous poems and fables the poet highlights the vital problems of his days which are still topical

nowadays. The author exposes the faults of both human character and society in his works. The poet uses the comical and satirical expressive means for creating the comic effect. The endorsement of human ideal is achieved by shaping anti-ideal by means of using allegory, irony, hyperbole, grotesque, paradox, sophism and alogism. The works of Rashit Nazar differ in brightness and metaphorical language, uniqueness of images and incisive satirical pathos.

Ключевые слова: сатира, юмор, комическое, сатирическое, сатирический пафос, ирония, сарказм, гротеск, софизм, алогизм

Keywords: satire, humour, comical, satirical, satirical pathos, irony, sarcasm, grotesque, sophism, alogism

Самирханова Гулькай Хайдаровна, Башкирский государственный университет, Сибайский институт (филиал) (Сибай); gulysib@mail.ru

Gulkay K. Samirkhanova, Sibay Institute (branch) Bashkir State University (Sibai); gulysib@mail.ru

**On the non-possessive use of possessive suffixes
in Central and Southern Selkup¹**

1. Introduction

Uralic languages express possessive relations mainly with possessive suffixes attached to the possessed noun. Either these suffixes express an overtly present possessor, or the possessor can be detected from context. If there is no co-referential possessor indicated via context, we talk of the non-possessive use of these suffixes.

The notion of the non-possessive usage of possessive suffixes is well known and a trait shared amongst many of the Uralic languages. For the Samoyedic languages, [Castrén 1854: 207] already describes the possessive suffix of the third person to be more than just a possessive marker, ascribing to it the role of a definite article. This definiteness approach has been followed by many researchers e.g. [Collinder 1957; Tauli 1966: 148; Kuznetsova 1980: 187; Hajdú 1987: 223], including the suffixes of not only the third person but also the first and second person. Lately, the approach has shifted from regarding the possessive suffixes to be definiteness markers to the concept of identifiability, i. e. the concept of pragmatic-semantic definiteness rather than grammatical definiteness [Nikolaeva 2003; Körtvély 2010]; the theoretical literature is very eurocentric, so that mostly article languages are being considered when defining definiteness, hence not all approaches are transferable to Uralic languages.

In Uralic languages, possessive suffixes are used to establish references both in the prototypical possessive regard — the linking of two entities — as well as in linking an entity to the discourse, cf. [Gerland 2014: 282]. The scientific interest in the non-prototypical notion of the possessive suffix has increased over the last decades, although the encoding of prototypical possession is still often considered to be the primary function of the suffix set. But grammaticalization (from a strictly possessive suffix to a “relation marker”) has been disregarded, and evidence shows that the so-called secondary notion of the suffix can be traced back to Protouralic, cf. [Fraurud 2001; Gerland 2014].

The aim of this paper is to take a closer look at the non-possessive use of the suffixes in Central and Southern Selkup as it has not yet been looked at in detail — Selkup in general is not researched to a full extent and a modern, corpus based approach to Central and Southern Selkup is missing completely.

1.1. Central and Southern Selkup and the corpus

Central and Southern Selkup are variants of the Selkup language which are highly endangered: there are only a few speakers left, and most of the literature published about Selkup is merely taking Northern Selkup into account and referring to Selkup in general without looking at Central and Southern Selkup in particular. Due to the early separation of Northern Selkup from the Central and Southern variants, it is to be expected that differences between those groups and maybe even between Central and Southern Selkup can be found. When talking about Central and Southern Selkup, I follow the dialectal grouping of Glushkov et al. [Glushkov 2003: 52] as shown in table 1.

Table 1

Dialects of Selkup

North	Central	South
Taz	Vah	Middle Ob
Larjak	Tym	Chaja
Karasino	Vasjugan	Ket
Turuhan	Narym	Upper Ob
Baiha		Chulym (†)
Eloguj		

¹ I wish to thank Beáta Wagner-Nagy and Gerson Klumpp for their helpful comments on an earlier version of this paper.

The corpus used in this article is built within the project *Syntactic description of Central and Southern Selkup dialects: a corpus based analysis*, founded (WA 3153/3—1) funded by the German Research Foundation, and for now includes a total of 44 Central and 58 Southern Selkup texts; these 102 texts consist of 5,739 sentences and 37,336 tokens. They have been previously published in the years from 1879 to 2015 but are now consistently glossed and annotated. The main genres are folklore texts and narratives, but some translations of Russian texts are also available to us.

1.2. Terminology

Possession describes an asymmetrical relationship between two constituents; there are many language specific ways to mark possession; however, as a concept it is considered to be universal, as all languages have a way to express this kind of relationship between two entities. Prototypical possession involves kinship, part-whole-relations such as body parts and material belongings, e. g. [Heine 1997; Seiler 1983].

In Uralic languages, the possessive suffixes are used as a grammatical strategy to establish possessive relations. Furthermore, in a broader sense they can not only establish prototypical possessive relations, as in the possessor owning the possessed, but also be used to establish references between entities. This is what we call semantic-pragmatic definiteness or identifiability, which is also a language universal concept, while the grammatical category definiteness is language specific as well as the embodiment of the possessive concept.

A taxonomy often referred to was created by Hawkins [Hawkins 1978] in which he established categories for the use of definite articles in English but these categories can be applied to other, also non-article languages, as well. The categories are as follows:

- 1) direct anaphoric use (an already mentioned referent is brought up again);
- 2) associative anaphoric use (a closely related part of the referent is mentioned again, i. e. a part of a house just mentioned);
- 3) immediate situation use (the referent is physically around);
- 4) larger situation use (things which are known to be unique in general or in the given context).

The aim of this paper is to apply Hawkins' categories to Central and Southern Selkup and see how far the concept can hold up and give the framework to describe the non-possessive use of possessive suffixes in a non-article language.

2. The use of possessive suffixes in Central and Southern Selkup

Possessive suffixes form a set of personal markers which are attached to nominal stems. In Central and Southern Selkup, possessive suffixes differ in form concerning the number and person of the referent they encode. They follow the possible number and case marking of the noun. As stated, they mark the number and person of the possessor while giving no indication of the number of the possessum.

Possessive suffixes appear in a nominative form (shown in table 2) and an oblique form (basically the genitive suffix plus the possessive suffix) when occurring with cases that used to be postpositions; in all locative cases they appear in a merged form in which the possessive suffix and the case ending are merged into each other.

Table 2

Possessive suffixes of Central and Southern Selkup (in nominative),
cf. [Bekker et al. 1995: 65]

	sg	du	pl
1p	-mi	-mi:	-min/t
2p	-li	-li:	-lin/t
3p	-ti	-ti:	-tin/t

Due to the great deal of variation and the lack of a standardized writing system for Central and Southern Selkup, different variants for one and the same suffix are found in the corpus.

The suffix set is used to mark relations between two entities. For one, there is the prototypical possession (chapter 2.1); furthermore, the pragmatic-semantic definiteness account (chapter 2.2) where the relation is looser and not possessive in the strict sense.

2.1. Prototypical possession

Prototypical possession in Central and Southern Selkup is encoded by the use of possessive suffixes. They can be found in the marking of adnominal possession (example 1) as well as predicative possession (example 2).

- (1) *It'e, mata-l nü-di!*
 Itja door-PX.2SG open-IMP.2SG
 'Itja, open your door!' [Budzisch et al.] (Ket, 1971)
- (2) *mat mat-qin warga-k, šogor-m e-ja.*
 I house-LOC live-1SG stove-PX.1SG be-AOR.3SG
 'I live in the house and I have a stove.' [Budzisch et al.] (Vasjugan, 1983)

The suffixes not only occur in structures where the possessor is given in the same sentence but naturally also in those constructions in which the possessor is introduced in one sentence (example 3a) and is then referred to by only a possessive suffix in the next sentences (example 3b).

- (3a) *el'mad-e-l'i-ka ču-r-e-le-mba.*
 child-EP-DIM-DIM cry-FRQ-EP-INCH-PST.REP.3SG
- (3b) *amba-d enne wašed'i-mba.*
 mother-PX.3SG up rise-PST.REP.3SG
 'The baby started crying. Its mother got up at once.' [Budzisch et al.] (Vasjugan, 1983)

It is thought that a possessive suffix is the archetypically Uralic way to mark possession, and that the use of personal pronouns and the combination of both accounts is just of secondary notion in these languages — studies have shown that the use of possessive suffixes in Central and Southern Selkup in that regard is still intact, cf. [Bekker et al. 1995; Budzisch 2015].

But besides these incidences where clear, prototypical possessive marking can be detected there are those occasions where no possessor in the strict sense of the meaning can be found. These cases, defined by the lack of a detectable possessor, will be looked at in the following section.

2.2. Non-possessive use

2.2.1. Anaphoric use

The most prominent use by far of possessive suffixes in their non-possessive sense in Central and Southern Selkup is the anaphoric use (*direct anaphoric use* in Hawkins' taxonomy) — a referent is introduced to the discourse and, when mentioned again, marked and therefore characterized by the speaker as identifiable for the hearer. In example 4a the devil is mentioned for the first time in the narrative and is then marked with a possessive suffix in the next sentence (example 4b).

- (4a) *id'e pönege-m aya nadi-r-i-d.*
 Itja devil-ACC NEG love-FRQ-EP-3SG
- (4b) *pönege-t qu-m am-gu lakka-ti-l'de, [...]*
 devil-PX.3SG human.being-ACC eat-INF want-IPFV-INT.PF.3SG
 'Itja does not like the devil. If the devil wants to eat a human being, ...' [Budzisch et al.] (Vasjugan, 1983)

It has to be noted that in Central and Southern Selkup only the third person singular can be found in that regard, while in other Northern Samoyedic languages, the use of the suffix of the second person has also been reported, cf. [Siegl 2015; Körtvély 2010]. And further: marking with the possessive suffix is always optional, as the following counter-example for instance shows: In example 5a the old woman is introduced to the narrative, but when mentioned again (example 5c), she is not marked even though she is accessible to the hearer.

- (5a) *haj-gidil paja amda, elmad-e-le-ka-ye amda.*
 eye-CAR old.woman sit.3SG child-EP-DIM-DIM-COM sit-3SG.S
- (5b) *elmad-e-le-ka-n te:t po-t.*
 child-EP-DIM-DIM-GEN four year-PL
- (5c) *paja newa-t qopi ped-e-špa-t*
 old.woman hare-GEN skin knead-EP-IPFV-3SG
 'A blind old woman is sitting with her grandchild. The grandchild is four years old. The old woman is kneading the hare's skin.' [Budzisch et al.] (Narym, 1977)

Besides the unmarked variant or the usage of possessive suffixes, another way of encoding a referent as already known is, for example, the insertion of demonstrative pronouns as in the following sentence:

- (6) *na šo:qor-t pa:r-o-nd siga-l-ba-dit.*
 this stove-GEN top-EP-ILL climb-INCH-PST.REP-3PL
 ‘They climbed on that stove.’ [Budzisch et al.] (Middle Ob, 1981)

The stove has already been mentioned in the on-going discourse, the demonstrative flags the referent as something already mentioned or known to the hearer via context.

The anaphoric use of the possessive suffixes cannot only be found in regards to an already introduced entity, but in rare occasions, a character can be marked in the very first sentence of a story and is hence marked as basically given from the start. In this rare event, the so-marked person is always the hero of the story, as in example 7, where the brother and the sisters are the main characters of the narrative.

- (7) *ugon ellī-mba-q t'emn'a-di nen'n'a-si-q.*
 earlier live-PST.REP-3SG brother-PX.3SG sister-COM-DU
 ‘There lived a brother with his sister.’ [Budzisch et al.] (Parabel, 1984)

The same structure has been described for Nenets, cf. [Körtvély 2010: 334] and also for Dolgan, even though here the thought of an underlying structure is disregarded by Siegl believing that the beginning of such narratives is “not the real opener” [Siegl 2015: 82]. For Central and Southern Selkup, there are no indications that parts of the narratives are missing; hence the referent is encoded as given prior to the first mentioning. The pattern for Nenets and Selkup is the same, but while in the case of Nenets the second person marker is used, in Central and Southern Selkup only the marker of the third person can be found in that regard as well.

2.2.2. Situation use

2.2.2.1. Deixis (pragmatic situation use)

When the speaker refers to an entity which is in the immediate physical surrounding of the interlocutors (*immediate situation use* by Hawkins), encoding with a possessive suffix is a possibility. In the data base, only a few examples can be found for this specific setting, hence no unambiguous conclusion can be drawn from the corpus.

In example 8, the referent ‘house’ is the possession of the speaker, the PX.3SG can therefore not be interpreted as prototypical possession but must be understood as the marking of identifiability due to deixis; the house has not been mentioned before and anaphoric use as described in 2.2.1 is not applicable.

- (8) *ti: ma:t-qindo kun-aj ək qwaja-ga-li*
 you.DU house-DAT/ALL.PX.3SG where-EMPH NEG.IMP go-AOR-IMP.2DU
 ‘Don’t you leave the house!’ [Budzisch et al.] (Middle Ob, 1981)

In the few findings of pragmatic situation use, only the third person singular is used; and the suffix is once more optional — there are occurrences with no marking.

2.2.2.2. Uniqueness (semantic situation use)

A highly discussed topic in Uralic linguistics is the idea of marking “inherently unique objects” [Nikolaeva 2003: 132] like the sun or the moon (in Hawkins taxonomy *larger situation use*) with possessive suffixes. Looking at the present corpus, it can be deduced that indeed the lexem ‘sun’ is found marked (example 9), while there are also occurrences without a possessive suffix (example 10).

- (9) *ü:di-m-ba, če:l-di pat-pa.*
 evening-TRL-PST.REP.3SG sun-PX.3SG go.down-PST.REP.3SG
 ‘Night fell, the sun went down.’ [Budzisch et al.] (Narym, 1984)

- (10) *hu:rə-la t'e-li-p mu:lža-tit*
 wild.animal-PL sun-ACC wash-3PL
 ‘The wild animals washed the sun.’ [Budzisch et al.] (Ket, 1979)

Counting the occurrences of ‘sun’ in total does give a distinct picture: table 3 shows that as long as ‘sun’ is in the subject position of a sentence, it is for the most parts encoded with PX.3SG; however, when found in an oblique position, no marking for identifiability can be found in most cases.

Table 3

Occurrences of ‘sun’ in the corpus²

	total occurrences	Marking strategy		Syntactic function
		PX.3SG	Ø	
Central	12	10	1	subject
		1	–	oblique
South	12	3	1	subject
		1	7	oblique
Total	24	13	2	subject
		2	7	oblique

This presumption is also backed by closely related terms like ‘moon’ — the lexeme, though very rare in the whole corpus, is found mainly in subject position, and is marked in these cases. Therefore, the surmise that transcendent entities at least are marked with a possessive suffix in the nominative is very likely to uphold.

Other natural phenomena which are frequently mentioned in other articles (mostly weather phenomena, i. e. wind, rain, snow, cf. [Zayzon 2015: 272] are, for one, rarely found in the corpus and, on the other hand, do not show such a conclusive behavior as the celestial bodies: they can occur marked but are not marked most of the time. Outside of these natural phenomena, possessive suffixes are not used to encode identifiability, the use is strictly limited to natural concepts.

Recent work done with a native speaker of Central Selkup, I. A. Korobeinikova, has shown that to her words like ‘sun’ and ‘moon’ no longer occur in their original form but are lexicalized with the possessive suffix permanently attached to the stem — to her the suffix has lost all its meaning and cannot be separated any longer. This has been revealed in looking at her translations from Russian to Selkup, in her self-produced sentences and in a word list filled out by her.

Table 4

Translation by A. I. Korobeinikova, October 2016

Lexeme	Korobeinikova’s translation	Project’s lexicon entry
sun	<i>čeld</i>	<i>če:l</i>
moon	<i>ared</i>	<i>äre</i>
day	<i>čeld</i>	<i>če:l</i>
night	<i>pet</i>	<i>pe</i>
summer	<i>tait</i>	<i>tay</i>
winter	<i>kat</i>	<i>ka</i>
year	<i>pot</i>	<i>po:</i>

Noteworthy as well is that to her words for periods of time, seasons and dates are also already lexicalized, implementing the suffix to the stem, as shown in table 4.

While there are occasions where ‘day’ (example 11) and ‘night’ (example 12) are marked, they can also be found in their unmarked form: ‘day’ in example 13 and ‘sun’ in example 10, hence the actual stem of the words in question must be without the possessive suffix.

- (11) *te:li-t ü:di-mba*
 day-PX.3SG let.go-PST.REP.3SG
 ‘The day went by.’ [Budzisch et al.] (Middle Ob, 1981)

² The differences between Central and Southern Selkup can be explained by the content of the texts, in my opinion there is no structural difference in general between those two variants here.

- (12) *pe-t menda*
 night-PX.3SG pass.3SG
 ‘The night passed.’ [Budzisch et al.] (Parabel, 1984)
- (13) *kaznij če:l ünda, kai:-da nača-t kaja-k.*
 every day hear.3SG what-INDEF there-LOC.ADV go-3SG
 ‘Every day it sounded as something was walking by.’ [Budzisch et al.] (Tym, 1867)

The encoding of time spans, seasons and dates with possessive suffixes has already been mentioned by [Nikolaeva 2003: 133]; in her opinion, marking takes place when the temporal statement refers to a particular time — the hearer is able to identify the mentioned time which is therefore unique in the discourse. The day in example 11 is not an ordinary day, but rather a distinct day for the interlocutors, the same applies for example 12. Nikolaeva’s assessment seems to hold true for Central and Southern Selkup. Example 14 and 15 show this for seasons and specific dates.

- (14) *tay-a-t malma-nə.*
 summer-EP-PX.3SG go.off-AOR.3SG
 ‘The summer went by.’ [Budzisch et al.] (Ket, 1971)
- (15) *šandε po-t menda.*
 young year-PX.3SG pass.3SG
 ‘A new year came.’ [Budzisch et al.] (Vasjugan, 1983)

Again, the larger situation use is only marked with the possessive suffix of the third person singular which is again only optional, even though there is a strong tendency to use it for the marking of unique objects in subject position and to mark particular periods of time.

3. Differences compared to Northern Selkup and Northern Samoyedic languages

For Northern Selkup (and thus Selkup in general), it is stated in the literature [Kuznetsova 1980: 188] that the possessive suffix of the second person can be used in a non-possessive sense in imperative expressions. This is illustrated by the following example, provided without any further context:

- (16) *tü-li: co:ti-ŋili:!*
 fire-PX.2DU make-IMP.2DU
 ‘Make a fire!’ [Kuznetsova 1980: 188] (Northern Selkup)

This example is also quoted by [Nikolaeva 2003: 136] who considers the possessive suffix to be a relation marker, linking the addressee and the referent. The hearer in this example is supposed to light a fire and is therefore connected to it, which is expressed by the suffix.

Such a use cannot be found in the Central and Southern Selkup corpus; if a combination of imperative mood and a possessive suffix of the second person occurs, it is of a prototypical possessive use as was shown in example 1 (shown here again for clarification).

- (1) *It'e, mata-l nü-di!*
 Itja door-PX.2SG open-IMP.2SG
 ‘Itja, open your door!’ [Budzisch et al.] (Ket, 1971)

The door in question here is clearly Itja’s door, thus a non-possessive reading seems unjustified. Overall, the whole statement has to be revisited for Northern Selkup to see if this can be validated using a bigger corpus.

There are some tendencies which are fairly regular for the Northern Samoyedic languages (and to some extent also for Northern Selkup), but cannot be found in Central and Southern Selkup: For one, possessive suffixes in their non-possessive reading are often used to mark a connection between the hearer and the on-going narrative, they function as a linking element to the speech setting. This structure cannot be found for Central and Southern Selkup, where possessive suffixes do not have this linking nature.

Secondly, in Northern Samoyedic languages and, as seen above, to some degree also in Northern Selkup, also the possessive suffixes for first person, second person and third person dual and plural can be used in a non-possessive manner — for some Samoyedic languages the suffixes of 1P and 2P are even used more often in the non-prototypical notion than the third person singular — while in Central and South Selkup the only suffix with an extended usage is the third person singular.

And, finally, for Nenets, cf. [Körvély 2010: 332], Enets, cf. [Siegl 2015: 83] and Nganasan, cf. [Zayzon 2015: 270], it is reported that possessive suffixes can also occur on non-nouns, but in Selkup — at least in Central and Southern Selkup —, the use is solely restricted to nouns. For example, there is no marking of demonstrative pronouns as it can be found in Nenets:

- (17) *tyika-r^o xumpa^oncyiq watorə-wa nyi ŋa-q*
 this-PX.2SG in.vain promise-INF.IMP neg.3SG be-CONN
 ‘This is not an empty promise.’ [Körvély 2010: 332; Tereshchenko 1973: 52] (Nenets)

4. Conclusion

The study of the Central and Southern Selkup corpus has shown that possessive suffixes fulfill two functions: they are used to encode prototypical possessive relations as well as non-possessive functions as identifiability. These notions are closely related as in both cases, the possessive suffixes mark the relation between two entities. The concepts of (prototypical) possession and identifiability overlaps; thus, possessive suffixes can be considered to be relational markers rather than strictly possessive suffixes.

The non-possessive usage found in Central and Southern Selkup fits rather nicely in the taxonomy built by Hawkins — direct anaphoric use, immediate situation use and large situation use are all found in the corpus. The question of possible marking of associative anaphoric use with a possessive suffix remains unanswered due to the lack of data to confirm or deny this. Hopefully, with the enlargement of the data base some incidences will come to light and sentences like the following Nganasan example might present themselves also for Selkup:

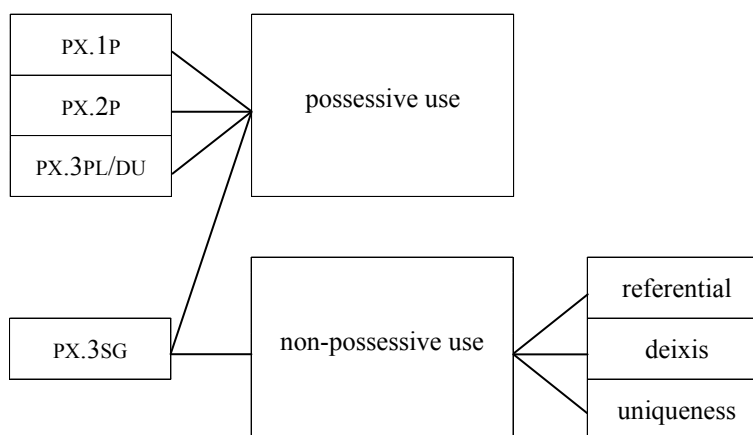
- (18) *Təndə huo-nu taharīaa ŋua-ðu bīari-ɖi-ða.*
 that[GEN.SG] after-LOC.ADV now door-SG.3SG open-PRF-3SG.R
 (The woman shivered again: “Why does my fire keep on cracking over and over again?”) ‘Then the door [of the tent] opened.’ [Zayzon 2015: 264] (Nganasan)

The study has also shown that there is no further non-possessive usage of the suffixes — meaning a use outside of the boundaries of Hawkins taxonomy. Linking to the speech setting as described e. g. by [Nikolaeva 2003: 135ff] is not taking place in Central and Southern Selkup, which might partly be described by the restriction to the third person singular suffix in a non-possessive sense. In the other Samoyedic languages, these incidences are mostly realized with the suffixes of the first or second person. The appliance of suffixes in non-possessive use is not obligatory; identifiability can also be encoded with other strategies, e.g. demonstrative pronouns.

The results for Central and Southern Selkup can be summarized in the following map:

Table 5

Use of the possessive suffixes in Central and Southern Selkup

Regarding the difference between the three Selkup variants, the northern variants behave differently in some points, but looking at Central and Southern Selkup, the same patterns can be identified; thus, with regard to the use of possessive suffixes, they can be considered to be one language.

Abbreviations

ACC — accusative	IMPF — imperfective
ADV — adverb	INCH — inchoative
ALL — allative	INF — infinitive
AOR — aorist	INT.PF — intensive perfective
CAR — caritive	IPFV — imperfective verbal
COM — comitative	LOC — locative
CONNNEG — connegative	NEG — negative marker
DAT — dative	P — person
DIM — diminutive	PL — plural
DU — dual	PRF — perfective
EMPH — emphatic clitic	PST.REP — past reportative
EP — epenthetic vowel	PX — possessive suffix
FRQ — frequentative	R — reflexive conjugation
GEN — genitive	SG — singular
ILL — illative	TRL — translative
IMP — imperative	

Sources

Budzisch et al. forthcoming — *Budzisch J., Harder A., Wagner-Nagy B.* Selkup Corpus. Archived in Hamburger Zentrum für Sprachkorpora.

References

- Bekker 1995 — *Беккер Э. Г.* и др. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Монография / *Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А.* Часть I. Томск, 1995. {*Bekker E. G. et al.* Morphology of the Selkup language. Southern dialects. Monograph / *Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Ilyashenko I. A.* Part I. Tomsk, 1995.}
- Budzisch 2015 — *Budzisch J.* Possession in Southern Selkup // *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology* V. 4, 2015. P. 45—50.
- Castrén 1854 — *Castrén M. A.* Grammatik der samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1854.
- Collinder 1957 — *Collinder B.* Survey of the Uralic languages. Stockholm, 1957.
- Hawkins 1978 — *Hawkins J.* Definiteness and indefiniteness. London, 1978.
- Heine 1997 — *Heine B.* Possession. Cognitive Sources, Forces and Grammaticalization (Cambridge Studies in Linguistics 83). Cambridge, 1997.
- Fraurud 2001. — *Fraurud K.* Possessives with extensive use: a source of definite articles? // *Dimensions of possession.* (Typological Studies in Language 47) / Eds. *Baron I., Herslund M., Sørensen F.* Amsterdam; Philadelphia, 2001. P. 243—267.
- Gerland 2014 — *Gerland D.* Definitely not possessed? Possessive suffixes with definiteness marking function // *Frames and Concept Types. Applications in Language, Cognition and Philosophy* / Eds. *Gamerschlag, T., Gerland D., Osswald R., Petersen W.* Dordrecht, 2014. P. 269—292.
- Glushkov 2003 — Диалекты селькупского языка. / Ред. *Глушков, С. В., Байдак А. В., Максимова Н. П.* // Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск, 2003. P. 49—63. {*Dialects of the Selkup language / Glushkov S. V., Bajdak A. V., Maksimova N. P.* // *The Selkups. Essays on the traditional culture and the Selkup language.* Tomsk, 2003. P. 49—63.}
- Hajdú 1987 — *Hajdú P., Domokos P.* Die uralischen Sprachen und Literaturen. Budapest, 1987.
- Körtvély 2010 — *Körtvély E.* On the Function of Possessive Suffixes in Tundra Nenets: Possession and Semantic-Pragmatic Definiteness. // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen* 32 / 33, 2010. P. 321—343.
- Kuznetsova 1980 — *Кузнецова, А., Хелимский Е., Грушкина Е.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том 1. Москва, 1980. {*Kuznetsova A. I., Helimsky E. A., Grushkina E. V.* Essays on the Selkup language (the Taz dialect). Vol. 1. Moscow University press, 1980.}
- Nikolaeva 2003 — *Nikolaeva I.* Possessive affixes as markers of information structuring: Evidence from Uralic // *International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages spoken in Europe and North and Central Asia* / Eds. *Suihkonen, P., Comrie B.* Iževsk; Leipzig, 2003. P. 130—145.
- Seiler 1983 — *Seiler H.* Possession as an operational dimension of language (Language universals series 2). Tübingen, 1983.

Siegl 2015 — *Siegl F.* The non-possessive use of px.2p in Nganasan and Dolgan — a reappraisal // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen* 39, 2015. P. 76—100.

Tauli 1966 — *Tauli V.* Structural tendencies in uralic languages (Uralic and Altaic series 17). The Hague, 1966.

Tereshchenko 1973 — *Терещенко Н. М.* Синтаксис самодийских языков. Ленинград, 1973. {*Tereshchenko N. M.* Syntax of the Samoyed languages. Leningrad, 1973.}

Zayzon 2015 — *Zayzon R.* Observations on non-possessive usages of personal markers (possessive suffixes) in Nganasan // *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri — Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics* 6—2, 2015. P. 259—278.

РЕЗЮМЕ

В статье описывается употребление притяжательных суффиксов в центральных и южных диалектах селькупского языка, основное внимание уделяется непосессивному использованию этих форм.

Исследование основано на текстах, опубликованных в период с 1879 по 2015 год и вошедших в корпус, созданный в рамках проекта DFG № WA 3153/3-1.

В работе показывается, что притяжательные суффиксы, помимо прототипической притяжательной функции, употребляются и в других контекстах, в первую очередь для активизации в сознании слушателя уже известных ему референтов. При этом они могут употребляться (i) для анафоры, (ii) для отсылки к непосредственной ситуации и (iii) для отсылки к более широкому контексту. В центрально- и южноселькупском это употребление свойственно только для суффикса 3-го лица единственного числа и всегда факультативно.

SUMMARY

This paper is a corpus based study of the usage of the possessive suffixes of Central and Southern Selkup; the focus lies on the non-prototypical use. The data base consists of texts published in the years 1879 — 2015 which are being evaluated in a project by the German Research Foundation.

The study has shown that, additionally to the prototypical possessive use, the suffixes are also used in a non-possessive sense: primarily to mark known referents to the hearer. These cases can be divided into three groups: (i) anaphoric use, (ii) immediate situation use, and (iii) larger situation use. In Central and Southern Selkup, the only suffix which is used in this regard is the third person singular suffix. Its use is always optional.

Keywords: Selkup, Southern Selkup, Central Selkup, Definiteness, Identifiability, possessive suffixes

Ключевые слова: селькупский язык, южноселькупские диалекты, центральноселькупские диалекты, определенность, идентифицируемость, притяжательные суффиксы

Будциш Йозефина, Гамбургский университет; josefina.budzisch@uni-hamburg.de
Josefina Budzisch, University of Hamburg; josefina.budzisch@uni-hamburg.de

К вопросу о порядке следования суффиксов лично-притяжательного склонения в селькупском языке¹

1. Введение

Данная статья возникла как дополнение к рассуждениям Ж. Будциш в работе “On the non-possessive use of possessive suffixes in Central and Southern Selkup” («О непосессивном использовании посессивных суффиксов в Центральных и Южных диалектах селькупского языка») [Budzisch 2017]. В своей работе автор рассматривает правильные формы употребления лично-притяжательных суффиксов в селькупском языке, непосессивное употребление которых извлекается из контекста. Анализ, проведенный Ж. Будциш на материале корпуса селькупских текстов (*Syntactic description of Central and Southern Selkup dialects: a corpus based analysis*), показал, что непосессивное использование притяжательных суффиксов в селькупском языке охватывает такие функции, как референция, дейксис и обозначение уникальности. Кроме того, автор приходит к выводу о том, что основой у таких слов, как ‘день’, ‘солнце’, ‘луна’, ‘свет’ и т. п., является чистый корень без суффикса 3SG.POSS, см. [Budzisch 2017]. В данной статье последнее утверждение ставится под сомнение (см. раздел 1.2.1).

Кроме того, в работе [Budzisch 2017] проводится сопоставление использования селькупских суффиксов посессивности и определенного артикля в английском языке. Для каждого случая сходного употребления автор упомянутой статьи последовательно находит примеры в корпусе селькупских текстов, состоящем из 44 текстов центральных и 58 текстов южных диалектов и говоров селькупского языка. О подобном сходстве также писал Коллиндер [Collinder 1955: 203], указывая на то, что во всех уральских языках, кроме финских, саамского, мордовского и венгерского, суффикс 3SG.POSS может выступать в качестве эквивалента определенного артикля. О способности лично-притяжательных суффиксов брать на себя роль определенного артикля писал еще в XIX веке М. А. Кастрен [Castren 1854: 207]. Современные исследования [Budzisch 2017] также подтверждают этот тезис.

В данной статье хотелось бы обратить внимание на то, какие изменения влечет за собой нарушение правильного порядка следования суффиксов в посессивных формах существительных в селькупском языке и что нарушение данного порядка также может свидетельствовать о непосессивном использовании лично-притяжательных суффиксов. Стоит подчеркнуть, что селькупский язык имеет сложившийся порядок следования морфем в словоформах, и последовательность и содержание морфем определяют смысл слова, которое они образуют. А также хотелось бы показать и проанализировать те случаи, когда суффиксы 1SG.POSS и 3SG.POSS могут входить в состав основы существительного, которое вместе с данными посессивными суффиксами склоняется по безличному типу склонения. Кроме того, будет показано, каким образом указанные посессивные суффиксы принимают участие в словообразовании, а также о чем может говорить их расположение в словоформах.

Прежде чем перейти к рассмотрению суффиксов укажем языковой материал, на котором основаны рассуждения в настоящей статье — это тексты «Священная История» на остяцко-самоедском языке (фрагмент 2800 словоформ) [Григоровский 1879а] и «Объяснение Праздников Святой Церкви» на остяцко-самоедском языке (5800 словоформ) [Григоровский 1879б], а также приведены примеры из текстов обских шешкумов (Иванкино, Томская область, 1980—81 гг.) из 58 тома Архива языков и народов Сибири ТГПУ, г. Томск (корпус около 2000 словоформ) (Архив ЯНС).

Тексты, зафиксированные Н. П. Григоровским в 19 веке, вероятнее всего, принадлежат кетскому диалекту селькупского языка. В пользу этого говорит наименование словаря — «Южноселькупский словарь Н. П. Григоровского (Сюссогомский словарь)» [Григоровский 2007], составленного на основе упомянутых текстов. Кроме того, в текстах «Священной истории» и «Объяснения праздников Святой Церкви» встречаются следующие грамматические особенности, которые характеризуют кетский диалект селькупского языка. Во-первых, это использование суффикса *-ан* у глаголов в форме 3SG.sub см. [Кузнецова 1995: 161], а также аккузатив на *-н* см. [Беккер 1995: 153]. Однако для того чтобы уверенно говорить о принадлежности текстов к кетскому диалекту, планируется провести сравнительный анализ употребления графем в первых книгах, созданных на селькупском языке, с фонетическими записями современных селькупских диалектов, поэтому в данной статье указанные тексты обозначены как тексты, зафиксированные Н. П. Григоровским.

¹ Подготовлено в рамках работы по проекту «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства России № 14.Y26.31.0014).

1.1. Традиционный порядок следования лично-притяжательных суффиксов в селькупском языке

В соответствии с данными из монографии [Беккер 1995], в именных словоформах в южных и центральных диалектах селькупского языка за основой слова следует показатель числа, а затем — падежный формант безличного или лично-притяжательного склонения [Беккер 1995: 63]. В тазовском диалекте числовой показатель также традиционно предшествует падежному, а падежный — показателю посессивности [Кузнецова 1980: 162].

Известно, что в селькупском языке существуют два порядка следования суффиксов в парадигме лично-притяжательного склонения². Первый порядок следования — это присоединение лично-притяжательного суффикса к падежному показателю, в то время как у второй группы падежей лично-притяжательный суффикс оказывается перед падежным окончанием [Беккер 1995: 68—69]. Посессивный суффикс следует за падежным показателем у форм именительного, родительного, винительного, направительно-местно-исходного, продольного, исходно-продольного падежей лично-притяжательного склонения [Беккер 1995: 70]. Обратный порядок (лично-притяжательный предшествует падежному суффиксу) у форм дательно-направительного II, местно-личного, местно-исходного, исходного I, орудно-совместного, лишительного, назначительно-превратительного падежей лично-притяжательного склонения, а именно у падежных форм позднего послеложного образования [Беккер 1995: 70].

Данные по текстам Григоровского и шешкумским сказкам (см. Таблица 1) подтверждают вышеописанные правила.

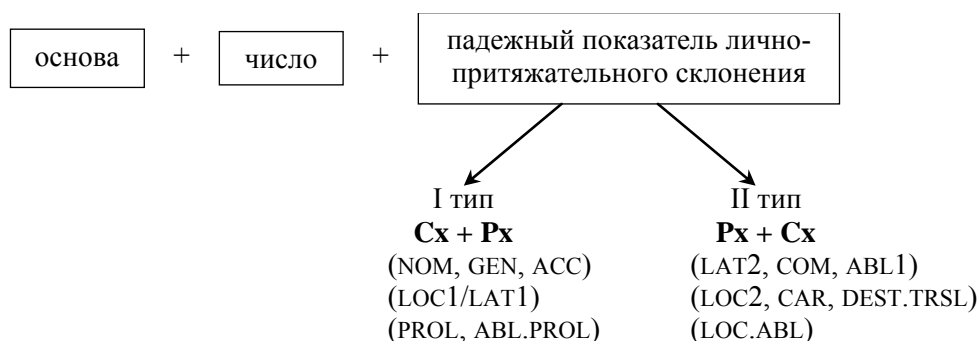
Таблица 1

Порядок следования лично-притяжательных суффиксов в селькупском языке³

	Тексты, зафиксированные Н.П. Григоровским	Тексты обских шешкумов
Первый порядок следования суффиксов		
Nom	<i>но-д</i> год-POSS.3SG X + Px1	<i>но-т</i> год-3SG.POSS X + Px1
Gen	<i>сейо-н-т</i> глаз-GEN-POSS X + Px2	<i>альдига-н-д</i> бабушка-GEN-POSS X + Px2
Acc	<i>и-м-т</i> сын-ACC-POSS X + Px3	<i>поққ-ла-м-д</i> <i>поққ-ла-м-дыт</i> сети-PL-ACC-POSS сеть-PL-ACC-3PL.POSS X + Nx + Px3 X + Nx + Px3
Loc1, Lat1	<i>мат-кын-т</i> дом-LOC/LAT-POSS X + Cx + Px6	<i>м̄ат-қын-д</i> дом-LOC/LAT-POSS X + Cx + Px6
Prol	<i>вандо-ун-т</i> лицо-PROL-POSS X + Cx + Px6	<i>вандо́-ун-т</i> лицо-PROL-POSS X + Cx + Px6
Второй порядок следования суффиксов		
Lat2	<i>пая-д-ни</i> жена-POSS-LAT2 X + Px2 + Cx	<i>н̄е-н-д-ни</i> дочь-GEN-POSS-LAT2 X + Px2 + Cx
Com	<i>жертва-н-зе</i> жертва-GEN.POSS-COM X + Px2 + Cx	<i>аве-н-д-зе</i> мать-GEN-POSS-COM X + Px2 + Cx

² О безличном и лично-притяжательном склонении в селькупском языке подробно пишет [Беккер 1995]. При безличном склонении падежный формант присоединяется непосредственно к основе существительного: X-Cx (X-Nx-Cx). В парадигме лично-притяжательного склонения появляется формант Px, который следует за падежным показателем Cx либо предшествует ему (см. Таблицы 1 и 2).

³ На материале текстов Григоровского [Григоровский 1879а, Григоровский 1879б], шешкумских текстов (Иванкино) (Архив ЯНЦ).

Для сравнения следует обратить внимание на Таблицу 2, приведенную Е. А. Хелимским [Хелимский 1983: 49], в которой реконструирован порядок следования морфем лично-притяжательных форм в праселькупском и прасеверно-самодийском языках:

Таблица 2

Лично-притяжательные формы существительных в самодийских языках

	Северно-самодийский	Селькупский
NomSg	X + Px1	
GenSg	X + Px2	
AccSg	X + Px3	
Локальные падежи Sg	X + Cx + Px2	X + Cx + Px6
Прочие косвенные падежи Sg	X + Px2 + Cx (нган.)	X + Px2 + Cx
NomDu	X + Nx + Px4	
GenDu	X + Nx + Px5	
AccDu	X + Nx + Px4	
Локальные падежи Du	X + Nx + Px5/2 + послелог	X + Nx + Cx + Px6
Прочие косвенные падежи Du	X + Nx + Px5 + Cx (нган.)	X + Nx + Px2/5 + Cx
NomPl	X + Nx + Px5	
GenPl	X + Nx + Px4	
AccPl	X + Nx + Px5	
Локальные падежи Pl	X + CNx + Px5/2	X + Nx + Cx + Px6
Прочие косвенные падежи Pl	X + Nx + Px5 + Cx (нган.)	X + Nx + Px2/5 + Cx

Материал из Таблицы 1 хорошо иллюстрирует порядок следования суффиксов, описанный в Таблице 2, а также указывает на то, что данный порядок имеет глубокие прасамодийские корни и если данный порядок морфем меняется, то вероятнее всего это может свидетельствовать об утрате первоначального грамматического значения притяжательности всей конструкции и о ее использовании в непоссесивном значении.

Стоит отметить, что суффиксы посессивности могут претерпевать инновационные видоизменения в связи с необходимостью устранения омонимии грамматических форм [Ким 1986], однако в описанных в данной статье примерах чаще всего омонимия с другими грамматическими формами отсутствует. А в случаях омонимии используются другие приемы для ее устранения (см. примеры (6а) и (6б)).

1.2. Нарушение порядка следования лично-притяжательных суффиксов в селькупском языке.

В работе [Беккер 1995: 152] приводится один пример изменения порядка суффиксов при образовании лично-притяжательных форм:

qusa:l komde'l ꞑel'ika-m-də-p ꞑeka mel'e (Тюхтерево)
 'Твоих денег половину-ее мне дай!'

Автор называет это двойной маркировкой винительного падежа, объясняя данное явление ослаблением функции маркера винительного падежа *-m* и закреплением ее формантом *-p* [Беккер 1995: 152]. Примечательно, что Тюхтерево относится к месту проживания носителей нарымского диалекта. Вполне возможно, что суффикс *-m*, который Э. Г. Беккер на данном этапе анализа словоформы называет суффиксом аккузатива с ослабленной функцией, может играть роль 1SG.POSS в функции определенного ар-

тикля. Для подтверждения или опровержения данного предположения необходимо проанализировать другие корпуса текстов селькупского языка.

В диссертации А. А. Ким [Ким 1986] в разделе 1.5 также приводятся примеры нарушения обычного порядка построения посессивных конструкций. Например:

oqərjñ me esse-w-se

однажды 1PL отец-1SG.POSS-COM

‘однажды мы с отцом’ (пос. Марково на Кети, Красноярский край)

Вместо показателя Px2 (-нд-) используется суффикс номинативной группы Px1 -w-. А. А. Ким считает, что данные явления присущи южным диалектам и являются способом преодоления грамматической омонимии.

В данной статье проанализированы случаи нарушения обычного порядка следования посессивных суффиксов на основе текстов Н. П. Григоровского, а также материала по нарымскому диалекту селькупского языка. Ниже приведены примеры и статистика. В корпусе текстов говора Иванкино (шешкумский говор) (Архив ЯНЦ, 58 том) нарушения порядка следования суффиксов почти не встречались, за исключением двух словоформ, где для формирования лично-притяжательных конструкций вместо показателя Px2 (-нд-) использован другой показатель (либо Px1, либо Px6): *азь-т-кальк* отец-POSS-CAR; *авь-т-кальк* мать-POSS-CAR. Для того, чтобы уверенно говорить об описываемых явлениях в данном говоре, необходимо проанализировать полный объем архивных записей по говору.

1.2.1. Посессивные суффиксы с лексемами ‘год’, ‘месяц’, ‘день’

В текстах, зафиксированных Н. П. Григоровским [Григоровский 1879а], [Григоровский 1879б], встречается ряд случаев, когда традиционные форманты лично-притяжательного аккузатива -м-д (ACC-POSS) или локатива -зын-д (LOC/LAT.POSS) меняются местами. Таким образом, показатель посессивности входит в основу лексемы, которая склоняется по безличному склонению:

- (1) *Тéлдзель тéл-ды-мь Ну-нь Квóй-мы Ну-нь Матъ Трóиса-нь*
накануне день-3SG.POSS-ACC Бог-GEN Дух-ACC Бог-GEN Дом Троица-ACC

ну-л-тéл-д-чи-н-ань

Бог-ADJZ-день-3sg.poss-vblz-prs-3sg.sub

‘Накануне дня Святого Духа Церковь празднует Троицу’ [Григоровский 1879б: 17].

- (2) *Пéрвай тéл-гынъ Янвáре-м эре-ты-м Ну-нь Матъ нултéлдчи-н-ань*
Первый день-LOC1 январь-ACC месяц-3SG.POSS-ACC Бог-GEN дом праздновать-PRS-3SG.sub

на-телдь, кусакынъ Исусъ Кристóсь те-мáчи-мбыди э-з-ынъ.

тот-день-3SG.POSS когда Иисус Христос прочь.PreVb-отрезать-PST.PTCP быть-PST-3SG.sub

‘В первый день января месяца Церковь празднует тот день, когда Иисус Христос был обрезан’ [Григоровский 1879б: 5].

- (3) *Певрáль-гынъ эрэ-т-о-гынъ кажнай по-гынъ Мáслинка эзы-кв-ань.*
февраль-LOC1 месяц-3SG.POSS-EP-LOC1 каждый год-LOC1 Масленица бывать-NAV-3SG.sub

‘В феврале месяце в каждом году бывает Масленица’ [Григоровский 1879б: 11].

В этих примерах суффикс аккузатива следует за посессивным по причине ослабления или изменения функции лично-притяжательного показателя: формант перемещается к основе таким образом, что лексема начинает склоняться по безличному типу склонения. В упомянутых выше текстах [Григоровский 1879а, б; Архив ЯНЦ] лексемы ‘год’, ‘день’, ‘месяц’ без показателей посессивности (*po* [SkWb 2004: 58], *éĕlā* [SkWb 2004: 230], *irä* [SkWb 2004: 50]) почти не встречались и склонялись только по безличному типу склонения (см. Таблица 3). В анализируемых текстах без падежных и посессивных показателей 2 раза встретилась только одна лексема — *тел* ‘день’, только в шешкумском говоре.

Вышеупомянутые доводы могут свидетельствовать об утрате первоначальной грамматической функции суффикса 3SG.POSS в указанной позиции. Суффикс 3SG.POSS в примерах (1—3) может указывать на определенность дня или месяца, то есть играть роль определенного артикля.

Носитель нарымского диалекта селькупского языка Ирина Анатольевна Коробейникова, с. Парабель, Томская область, употребляет лексемы ‘год’, ‘день’, ‘месяц’ только с суффиксом 3SG.POSS (этим наблюдением также делится Ж. Будциш [Budzisch 2017]). Ж. Будциш при анализе данных лексем упускает тот факт, что Ирина Анатольевна склоняет их по безличному типу склонения, а также образует множественное число как с безличной формой.

Таблица 3

Статистика по лексемам 'год', 'день', 'месяц'

	Библия [Григоровский 1879а]	Праздники Церкви [Григоровский 1879б]	Шешкумские сказки, Иванкино 1980-81 [Архив ЯНС]
'год'	15 раз: 8 раз в форме <i>по-д</i> год-POSS.3SG 7 раз в форме <i>пó-гын</i> год-LOC1	17 раз: 8 раз в форме <i>по-д</i> год-POSS.3SG 8 раз в форме <i>пó-гын</i> год-LOC1 1 раз в форме <i>пó-гындо</i> год-ABL1	6 раз: 1 раз в форме <i>по-д</i> год-3SG.POSS; 5 раз в форме <i>по-т</i> год-3SG.POSS
'месяц'	1 раз в значении 'небесное светило' в форме <i>эре-т</i> месяц-POSS.3SG	18 раз: 2 раза в форме <i>эре-т</i> месяц-POSS.3SG 15 раз в форме <i>эре-ты-м</i> месяц-POSS.3SG-ACC 1 раз в форме <i>эре-т-о-гын</i> месяц-POSS.3SG-EP-LOC1	7 раз: 1 раз в форме <i>аре-д</i> месяц-3SG.POSS; 6 раз в форме <i>аре-т</i> месяц-3SG.POSS
'день'	15 раз: 2 раза в форме <i>тел-д</i> день-POSS.3SG 2 раза в форме <i>тел-д</i> в значении <i>солнце-POSS.3SG</i> 10 раз в форме <i>тёл-гын</i> день-LOC1 1 раз в форме <i>тёл-ды-м</i> день-POSS-ACC	69 раз: 16 раз в форме <i>тел-д</i> день-POSS.3SG (из них 1 раз в форме <i>тел-д</i> в значении <i>солнце-POSS.3SG</i>); 52 раза в форме <i>тёл-гын</i> день-LOC1; 1 раз в форме <i>тёл-ды-м</i> день-POSS-ACC	5 раз: 2 раза в форме <i>тел</i> день; 2 раза в форме <i>телы-т</i> солнце-3SG.POSS; 1 раз в форме <i>телы-т</i> день-3SG.POSS

Таблица 4

Лексемы 'год', 'месяц', 'день' в нарымском диалекте селькупского языка⁴

<i>по-т</i> 'год' год-3SG.POSS <i>на пó-т-кэт урук</i> этот <u>год-3SG.POSS-LOC1</u> очень <i>тáш-á</i> морозить-3SG.sub 'в этом году очень холодно' <i>нагур по-т</i> три <u>год-3SG.POSS</u> 'три года' <i>кóчек по-т</i> много <u>год-3SG.POSS</u> 'много лет' <i>хачмёл пó-т-ла-гэт мат</i> трудный <u>год-3SG.POSS-PL-LOC1</u> 1SG <i>кóчек уджи-у-ақ</i> много работать-PST-1SG.sub 'в трудные годы я много работала' <i>хачмёл по-т-ла</i> трудный <u>год-3SG.POSS-PL</u> 'трудные/тяжелые годы'	<i>аре-д</i> 'месяц' месяц-3SG.POSS <i>арк аре-гэт мат</i> другой <u>месяц-LOC1</u> 1SG <i>квэ́-л-аг-е</i> поехать-OPT-1SG.sub-OPT <i>Чумэлэдэ-нд</i> Тюхтерево-LAT1 'в другом месяце я поеду в Тюхтерево' <i>на аре-гэт</i> этот <u>месяц-LOC1</u> <i>муже-мб-á чобэр</i> созреть-PSTN-3SG.sub ягода 'в этом месяце созрела ягода' <i>нагур аре-д</i> три <u>месяц-3SG.POSS</u> 'три месяца' <i>кал аре-д-ла</i> зимний <u>месяц-3SG.POSS-PL</u> 'зимние месяцы'	<i>чел-д</i> 'день' день-3SG.POSS <i>на чёл-д-чат мат тэка</i> этот <u>день-3SG.POSS-про-PSTP</u> 1SG 2SG.LAT <i>кад-л-эб-е тальджел</i> рассказать-OPT-1SG.ob-OPT завтра 'про этот день я тебе расскажу завтра' <i>на чёл-гэт мāt</i> (этот <u>день-LOC1</u> 1SG <i>тó-мб-ак Москва-нд</i> поехать-PSTN-3SG.sub Москва-LAT1 'в этот день я поехала в Москву' <i>кал чёл-д-ла</i> зимний <u>день-3SG.POSS-PL</u> 'зимние дни' <i>тáэл чёл-д-ла</i> летний <u>день-3SG.POSS-PL</u> 'летние дни' <i>óдэл чёл-д-ла</i> весенний <u>день-3SG.POSS-PL</u> 'весенние дни'
---	--	---

⁴ Коробейникова И. А. (Парабель, Томская область, 2017)

Таблица 4 (продолжение)

арк <u>пó-т-кэ́т</u> мат другой <u>год-3SG.POSS-LOC1</u> 1SG <u>тэ́ка</u> <u>то́-л-аг-е</u> 2SG.LAT приехать-OPT-1SG.sub-OPT 'в другом году я к тебе приеду'	та́эл <u>аре́-д-ла-гэ́т</u> летний <u>месяц-3SG.POSS-PL-LOC1</u> 'в летние месяцы' <u>кóчек</u> <u>аре́-т</u> много <u>месяц-3SG.POSS</u> 'много месяцев'	кóчек <u>чел-д</u> много <u>день-3SG.POSS</u> 'много дней'
--	--	--

Это также можно наблюдать и в текстах Н. П. Григоровского. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что лично-притяжательный суффикс 3SG.POSS все же может входить в состав основы существительного, которое в виде X + 3SG.POSS склоняется по безличному склонению, а также образует формы множественного числа и конструкции с послелогом. Таким образом, порядок следования морфем нарушается, что может происходить вследствие изменения первоначальной грамматической функции (выражения принадлежности).

В тазовском диалекте названия отрезков времени (*чэ́лы-ты* 'день-3SG.POSS', *ирэ́-ты* 'месяц-3SG.POSS', *пó-ты* 'год-3SG.POSS', *қары-ты* 'утро-3SG.POSS' и т. д.), а также небесных тел (*чэ́лы-ты* 'солнце-3SG.POSS', *ирэ́-ты* 'луна-3SG.POSS') почти всегда выступают в притяжательной форме, которая отражает определенность обозначаемых этими существительными предметов [Кузнецова 2002: 127]. Это подтверждается материалами «Северноселькупского словаря» Е. А. Хелимского [Хелимский 2007], где обозначенные лексемы указаны в двух формах — без суффикса 3SG.POSS и с ним. Следовательно, утрата первоначального посессивного значения суффикса 3SG.POSS со словами 'день', 'месяц', 'год' характерна для всех диалектных групп селькупского языка (северные (тазовский), центральные (нарымский) и южные (кетский) диалекты). Не исключено, что данное явление может быть отнесено к общеселькупскому.

1.2.2. Посессивные суффиксы с терминами родства

Суффикс 3SG.POSS также может употребляться с существительными других лексических групп, среди которых часто присутствуют лексемы, обозначающие родство. Для сравнения рассмотрим, как часто и в каком качестве используются суффиксы посессивности с существительными, обозначающими родство.

В тазовском диалекте достаточно часто имена родства и названия частей тела оформляются лично-притяжательными аффиксами [Кузнецова 2002: 127]. Помимо указания на принадлежность конкретному обладателю, притяжательные формы 2-го и 3-го лица существительных используются для указания на определенность лица или предмета, обусловленную либо тем, что лицо или предмет уже упоминались прежде, либо ситуацией высказывания (объект при глаголе в повелительном наклонении), либо их уникальностью [Кузнецова 2002: 127; Budzisch 2017]. Для получения статистических данных необходимо проанализировать корпус текстов тазовского диалекта. По нарымскому диалекту также необходимо провести дополнительное исследование.

По терминам родства нам доступны статистические данные, полученные на основе текстов, записанных в Иванкино и текстов, зафиксированных Н. П. Григоровским. В текстах Н. П. Григоровского (в отличие от шешкумских сказок, Иванкино, где нарушение основных правил лично-притяжательного склонения наблюдалось только 2 раза: *азь-т-кальк* отец-POSS-CAR; *авь-т-кальк* мать-POSS-CAR) при склонении лексем, обозначающих термины родства, традиционный порядок расположения числовых, падежных и посессивных суффиксов может регулярно нарушаться, что также может свидетельствовать о вхождении посессивных суффиксов в состав основы и об утрате первоначального посессивного значения. В текстах Н. П. Григоровского существительные, оформленные 3SG.POSS или 1SG.POSS, могут склоняться по безличному типу склонения (см. Примеры 7, 9—10) или образовывать форму множественного числа как непосессивные формы (см. Примеры 7—8, 11—12). Рассмотрим следующие словоформы из [Григоровский 1879а, б]:

(4) *Ау* *жа ю́тчи* *не́-у* *Раки́ль-гле* *не́м-ды-ку-з-ань*
другой же младший дочь-1SG.POSS Рахиль-TRSL имя-VBLZ-REFL-PST-3SG.sub
'Другая же младшая дочь называлась Рахилью' [Григоровский 1879а: 15].

(5) *А на́но* *э́ве-у* *таб-ни́* *свыо́р-з-ань*.
а тот-DEST мать-1SG.POSS 3SG-LAT2 любить-PST-3SG.sub
'А за то его любила мать' [Григоровский 1879а: 14].

- (6a) *Насáкынъ Лавáнъ, тимнѣ-у Ревéккы-ни, квáн-б-анъ и Элеезэры-мъ*
 тогда Лаван брат-1SG.POSS Ревекка-LAT2 пойти-PSTN-3SG.sub и Элиезер-ACC
мáт-кынть сэнгы-ле тáт-б-анъ.
 дом-LAT.POSS ночевать-CVB1 привести-PSTN-3SG.sub
 ‘Тогда Лаван, брат Ревекки, пошел и привел Элиезера в дом ночевать’ [Григоровский 1879а: 13].
- (6б) *кай-но́ ме тимнѣ-мъ квáт-ч-утъ.*
 что-DEST 1PL брат-ACC убить-FUT-1PL
 ‘Зачем мы убьем нашего брата?’ [Григоровский 1879а: 16].

В обских говорах губной согласный лично-притяжательного суффикса 1SG.POSS может подвергаться вокализации *t ~ u* [Ким 1986]. Примеры (4—6) свидетельствуют о том, что в текстах, зафиксированных Н. П. Григоровским, также имеет место данное явление. Вероятно это связано с попыткой устранить омонимию, чтобы отличать в речи аккузатив безличного спряжения ACC и лично-притяжательный суффикс 1SG.POSS (ср.(6a) и (6б)).

При образовании множественного числа существительных вокализованный суффикс 1SG.POSS имеет тенденцию занимать позицию перед показателем множественного числа PL, что нарушает обычный порядок, так как лично-притяжательные и падежные показатели должны следовать после суффикса PL. 1SG.POSS входит в основу существительного, которое образует мн.ч. и в таком виде (X+1SG.POSS или X+1SG.POSS+Nx) склоняется по безличному типу склонения:

- (7) *капчэ ужэ нэ-у-ла-мъ таб-ла-нáндó тирé-ганть пая-гле í-гу юбыр-з-атъ.*
 потом уже дочь-1SG.POSS-PL-ACC 3SG-PL-ABL2 себе-LAT.POSS жена-TRSL братъ-INF начать-PST-3PL
 ‘После уже стали брать дочерей их себе женами’ [Григоровский 1879а: 8].
- (8) *Лáзар-ыни апо-у-ла Мáрна и Марія*
 Лазарь-LAT2 сестра-1SG.POSS-PL Марфа и Мария
 ‘сестры Лазаря Марфа и Мария’ [Григоровский 1879б: 14]

Кроме того 1SG.POSS.NOM может участвовать в формировании лично-притяжательных форм косвенных падежей:

- (9) *о́нде эвэ-у-ни и тимнѣ-т-ни ке-ле-дáдыры-мб-анъ*
 REFL.PRON-3SG мать-1SG.POSS-LAT2 и брат-POSS-LAT2 сказать-CVB1-нести-PSTN-3SG.sub
 ‘своей матери и брату рассказала’ [Григоровский 1879а: 13]
- (10) *Номъ, Нунъ Идъ, Кудъ укóнъ весь вéкламъ тóлько óкыръ*
 Бог Бог-GEN сын-3SG.POSS кто прежде весь век-PL-ACC только один
Эзе-м-нáндó тэлы-м-б-анъ, эве-м-галкъ тэлы-м-б-анъ, тидáмъ
 отец-1SG.POSS-ABL2 день-VBLZ-PSTN-3SG.sub мать-1SG.POSS-CAR день-VBLZ-PSTN-3SG.sub теперь
óкыръ эве-м-нáндó эзе-м-галкъ тэлы-м-бы-ле Табъ дóлженъ э-з-ынъ.
 один мать-1SG.POSS-ABL2 отец-1SG.POSS-CAR день-VBLZ-DUR(?) -CVB1 3SG должен быть-PST-3SG.sub
 ‘Бог, Сын Божий, Который родился прежде всех веков только от одного Отца, родился без матери, теперь Он должен был родиться от одной матери без Отца’ [Григоровский 1879б: 12].

При обычном порядке в указанных примерах (9—10) на месте суффикса номинативной группы Px1 (1SG.POSS) стоит суффикс Px2 (-нд-) в виде различных алломорфов (ср. Таблица 1). Как подчеркивает в своей диссертации А. А. Ким, присутствие посессивного суффикса Px1 может объясняться необходимостью более четко выразить лицо обладателя [Ким 1986]. Следовательно, роль посессивного суффикса эксплицитно выражается с помощью его замещения и сводится к роли указателя, определенного артикля, о чем свидетельствует изменение обычной модели образования лично-притяжательных форм.

В текстах, зафиксированных Н. П. Григоровским [Григоровский 1879а], в той же позиции отмечены словоформы с суффиксом 3SG.POSS в позиции перед показателем множественного числа, что также нарушает обычный порядок следования морфем при образовании лично-притяжательных форм и утраты первоначального посессивного значения. Наиболее вероятно роль 3SG.POSS в примерах ниже играет роль определенного артикля:

- (11) *Іаковъ Іосифы-мъ юды-мб-анъ* *агá-т-ла-мъ* *манне-мбы-гу.*
 Иаков Иосиф-ACC послать-PSTN-3SG.sub старший.брат-3SG.POSS-PL-ACC смотреть-DUR-INF
 ‘Иаков послал Иосифа проведать братьев’ [Григоровский 1879а: 16].
- (12) *Агá-т-ла* *Іосифы-ни он-де* *эзе-мъ* *мáт-кы-й* *сýру-ла-мъ*
 старший.брат-3SG.POSS-PL Иосиф-LAT2 REFL.PRON-3SG отец-1SG.POSS дом-LOC-ADJ животное-PL-ACC
ганім-з-атъ.
 пасти-PST-3PL
 ‘Старшие братья Иосифа пасли стада отца своего’ [Григоровский 1879а: 16].

Таблица 5

Статистика по лексемам, обозначающим термины родства

	Библия [Григоровский 1879а]	Праздники Церкви [Григоровский 1879б]	Шешкумские сказки, Иванкино 1980-81 [Архив ЯНЦ]
‘отец’	9 раз: 5 раз в форме <i>эзе-л</i> отец-2SG.POSS 2 раза в форме <i>эзе-м</i> отец-1SG.POSS 1 раз в форме <i>эзе-м-т</i> отец-ACC-POSS 1 раз в форме <i>эзе-д-ни</i> отец-POSS-LAT2	4 раза: 1 раз в форме <i>эзе-л</i> отец-2SG.POSS 1 раз в форме <i>эзе-м-галк</i> отец-1SG.POSS-CAR 2 раза в форме <i>эзе-м-нандо</i> отец-1SG.POSS-ABL2	20 раз: 1 раз в форме <i>азе-н-д-нан</i> отец-GEN-POSS-LOC2 1 раз в форме <i>азе-н-д-ни</i> отец-GEN-POSS-LAT2 1 раз в форме <i>азы-н-д-се</i> отец-GEN-POSS-COM 1 раз в форме <i>азъ-т-кальк</i> отец-POSS-CAR 6 раз в форме <i>азе-м</i> отец-1SG.POSS 1 раз в форме <i>азе-л</i> отец-2SG.POSS 9 раз в форме <i>азъ-т</i> отец-3SG.POSS
‘мать’	2 раза: 1 раз в форме <i>эвэ-у</i> мать-1SG.POSS 1 раз в форме <i>эвэ-у-ни</i> мать-1SG.POSS-LAT2	19 раз: 2 раза в форме <i>эве-м</i> мать-1SG.POSS 11 раз в форме <i>эве-л</i> мать-POSS.2SG 3 раза в форме <i>эве-у-ни</i> мать-1SG.POSS-LAT2 1 раз в форме <i>эве-м-нандо</i> мать-1SG.POSS-ABL2 1 раз в форме <i>эве-м-галк</i> мать-1SG.POSS-CAR 1 раз в форме <i>эве-м-т</i> мать-ACC-POSS	14 раз: 1 раз в форме <i>аве-н-д-не</i> мать-GEN-POSS-LAT2 1 раз в форме <i>аве-н-д-се</i> мать-GEN-POSS-COM 1 раз в форме <i>аве-н-д-зе</i> мать-GEN-POSS-COM 1 раз в форме <i>авъ-т-кальк</i> мать-POSS-CAR; 3 раза в форме <i>аве-м</i> мать-1SG.POSS 2 раза в форме <i>ау-м</i> мать-1SG.POSS 1 раз в форме <i>аве-л</i> мать-2SG.POSS 4 раза в форме <i>авъ-т</i> мать-3SG.POSS
‘старший брат’	7 раз: 1 раз в форме <i>агá</i> старший.брат 1 раз в форме <i>агá-м</i> старший.брат-ACC 4 раза в форме <i>агá-т-ла</i> старший.брат-POSS-PL 1 раз в форме <i>агá-т-ла-м</i> старший.брат- POSS-PL-ACC		

Таблица 5 (продолжение)

'брат'	14 раз: 1 раз в форме <i>тимня́</i> брат 4 раза в форме <i>тимня́-м</i> брат-ACC 1 раз в форме <i>тимня́-у</i> брат-1SG.POSS 3 раза в форме <i>тимня́-т-ни</i> брат-3SG.POSS-LAT2 1 раз в форме <i>тимня́-ндо</i> брат-ABL 3 раза в форме <i>тимня́-ла</i> брат-PL 1 раз в форме <i>тимня́-ла-ни</i> брат-PL-LAT2	3 раза: 1 раз в форме <i>тимня</i> брат 1 раз в форме <i>тимня-т-ни</i> брат-3SG.POSS-LAT2 1 раз в форме <i>тимня-м</i> брат-ACC	2 раза: 1 раз в форме <i>темня-ла-л</i> брат-PL-2SG.POSS; 1 раз в форме <i>темня́-т</i> брат-3SG.POSS
'сестра'		1 раз: 1 раз в форме <i>апо-у-ла</i> сестра-1SG.POSS-PL	'младшая сестра' 7 раз: 2 раза в форме <i>няня-м-д</i> младшая.сестра-ACC-POSS 1 раз в форме <i>нення-ла-л</i> сестра-PL-2SG.POSS 1 раз в форме <i>няня-д</i> сестра-3SG.POSS 3 раза в форме <i>нення́-т</i> сестра-3SG.POSS
'сын'	22 раза: 7 раз в форме <i>и-д</i> сын-POSS.3SG 10 раз в форме <i>и-м-т</i> сын-ACC-POSS 2 раза в форме <i>и́-ла</i> сын-PL 2 раза в форме <i>и́-ла-м</i> сын-PL-ACC 1 раз в форме <i>и́-ла-ндо</i> сын-PL-ABL	32 раза: 19 раз в форме <i>и-д</i> сын-POSS.3SG 2 раза в форме <i>и-д-ни</i> сын-3SG.POSS-LAT2 1 раз в форме <i>и-д-зе</i> сын-POSS.3SG-COM 8 раз в форме <i>и-м-т</i> сын-ACC-POSS; 1 раз в форме <i>и-ла-н-нан</i> сын-PL-GEN-LOC2 1 раз в форме <i>и-м</i> сын-ACC	4 раза: 3 раза в форме <i>и́-м</i> сын-1SG.POSS 1 раз в форме <i>и́-т</i> сын-3SG.POSS
'дочь'	5 раз: 3 раза в форме <i>не́-у</i> дочь-1SG.POSS 2 раза в форме <i>не́-у-ла-м</i> дочь-1SG.POSS-PL-ACC	4 раза: 2 раза в форме <i>не-у</i> дочь-1SG.POSS 2 раза в форме <i>не-т</i> дочь-3SG.POSS	5 раз: 1 раз в форме <i>не́-м</i> дочь-1SG.POSS 1 раз в форме <i>не́-н-д-ни</i> дочь-GEN-POSS-LAT2 3 раза в форме <i>не́-т</i> дочь-3SG.POSS

Материалы, приведенные в разделе 1.2.2, показывают, что в текстах Н. П. Григоровского посессивные суффиксы номинативной группы Px1: 3SG.POSS и 1SG.POSS при лично-притяжательном склонении с терминами родства могут использоваться вместо традиционного Px2 (-нд-). Кроме этого, суффиксы 3SG.POSS и 1SG.POSS могут входить в состав основы существительных, обозначающих термины родства, а также образовывать множественное число как непосессивные формы и склоняться по безличному типу склонения. В описанных в 1.2.2 случаях посессивные суффиксы утратили первоначальное грамматическое значение. Таким образом, изменение порядка следования морфем помогает выявить случаи непосессивного использования посессивных суффиксов. Чтобы определить наличие описываемых явлений в центральных и северных диалектах, необходимо провести дополнительное исследование.

1.3. Суффиксы посессивности в словообразовании

Материалы текстов, зафиксированных Н. П. Григоровским [Григоровский 1879а], также указывают на то, что суффиксы посессивности могут быть использованы в том числе и для словообразования:

- (13) *на́-но тан-на́нь и́-н-дъ-и́-ла ко́чи э́-нч-а́ть.*
 тот-DEST 3SG-LOC2 сын-GEN-POSS-сын-PL много быть-FUT-3PL
 ‘За то у тебя будет многочисленное потомство’ [Григоровский 1879а: 11].
- (14) *на́льди жа поро́к-ла ме́-гу-з-а́ть, кай и́-н-д-ы-ла-н-на́нь Ка́ины-мь э́-з-а́ть*
 такой же порок-PL сделать-FREQ-PST-3PL что сын-GEN-POSS-сын-PL-GEN-LOC2 Каин-ACC быть-PST-3PL
 ‘Совершали такие же пороки, какие были у потомков Каина’ [Григоровский 1879а: 8].

В примерах (13—14) лексема состоит из двух основ, осложненных посессивными конструкциями. Суффикс посессивности *-нд-* встраивается в первую основу и переходит из разряда словоизменяемых в разряд словообразующих, меняет свое грамматическое значение.

Следующий пример словообразования глагола:

- (15) *ну-л-те́л-д-чи́-н-а́нь*
 Бог-ADJZ-день-3SG.POSS-VBLZ-PRS-3SG.sub
 ‘празднует’ [Григоровский 1879б: 17]

От словосочетания *нул телд* ‘Божий день’ образуется существительное со значением ‘праздник’, а затем глагол ‘праздновать’. Обращает на себя внимание тот факт, что суффикс 3SG.POSS участвует в словообразовании как часть основы *телд*.

Другой пример относится к вокализованному суффиксу 1SG.POSS:

- (16) *онненмо́-у-н-т* [Григоровский 1879а: 10]
 имущество-1SG.POSS-GEN-POSS
- (17) *онненмо́-у-н-зе* [Григоровский 1879а: 15]
 имущество-1SG.POSS-GEN-COM

Основа лично-возвратного местоимения 1л.ед.ч. *онен-* с грамматикализованной словообразующей основой *-мы-* (*тj* ‘вещь, нечто’) [SkWb 2004: 103] присоединяет суффикс 1SG.POSS, образуя существительное со значением ‘имущество’. В таком виде основа *онненмоу-* склоняется по падежам.

2. Выводы

Порядок следования лично-притяжательных суффиксов в селькупском языке является достаточно архаичным и восходит к прасамодийским корням. Несмотря на это, исходя из данных, зафиксированных Н. П. Григоровским [Григоровский 1879а, б], а также предоставленных современным носителем нарымского диалекта И. А. Коробейниковой, указанный порядок может меняться, что влечет за собой утрату первоначального грамматического значения (посессивного).

Примеры, приведенные в данной статье, показывают, что суффиксы 1SG.POSS и 3SG.POSS имеют тенденцию использоваться вместе с основой существительных при безличном склонении, что указывает на их непосессивное использование, а также могут переходить из разряда словоизменяемых в разряд словообразующих. Необходимо провести дополнительное исследование, чтобы определить наличие данных явлений в центральных и северных диалектах селькупского языка.

Тенденция использовать суффикс 3SG.POSS с основой таких существительных, как ‘день’/‘солнце’, ‘месяц’ и пр. наблюдается во всех группах диалектов селькупского языка (тазовском, нарымском, кетском) (см. 1.2.1), что может свидетельствовать об общеселькупском характере данного явления. Необходимо проверить насколько широко распространены описанные явления по диалектам селькупского языка.

Тексты Н. П. Григоровского показывают, что, кроме терминов родства и отрезков времени, такие существительные, как ‘еда’, ‘душа’, ‘имущество’, ‘рога’, ‘слуга’ также могут быть оформлены показателями 3SG.POSS или 1SG.POSS [Григоровский 1879а, б]. Примечательно, что в соответствии со словарем Е. А. Хелимского [Хелимский 2007] в тазовском диалекте, кроме описанных в статье слов, лексемы ‘зима’, ‘заря’, ‘утро’ также даны в двух видах — основа без показателя и с показателем 3SG.POSS.

Современные возможности корпусной лингвистики в дальнейшем могут позволить определить глущину описываемых в статье явлений:

- 1) роль посессивных суффиксов в словообразовании;
- 2) нарушение порядка следования лично-притяжательных суффиксов при склонении существительных (при их непосессивном использовании);
- 3) использование посессивных суффиксов номинативной группы Px1 вместе с основой существительных при безличном склонении;
- 4) использование посессивных суффиксов номинативной группы Px1 вместо посессивных суффиксов генитивной группы Px2 в лично-притяжательном склонении существительных.

Сокращения

Глоссы

1 — 1 лицо	PROL — пролатив
2 — 2 лицо	PRS — настоящее время
3 — 3 лицо	PST — прошедшее время
ABL1 — аблатив 1	PST.PTCP — причастие прошедшего времени
ABL2 — аблатив 2	PSTN — прошедшее повествовательное время
ACC — аккузатив	PSTP — послелог
ADJZ — словообразующий суффикс прилагательного	Px — посессор
CAR — каритив, лишительный	Px1 — серия посессивных суффиксов, которая используется для образования номинатива [Хелимский 1983]
CNx — синкретический падежно-числовой суффикс	Px2 — серия посессивных суффиксов, которая используется для образования генитива [Хелимский 1983]
COM — орудно-совместный	Px3 — серия посессивных суффиксов, которая используется для образования аккузатива [Хелимский 1983]
CVB1 — простое деепричастие	Px4 — серия посессивных суффиксов для образования двойственного и множественного числа в номинативе и аккузативе [Хелимский 1983]
Cx — падежный суффикс	Px5 — серия посессивных суффиксов для образования двойственного и множественного числа генитива [Хелимский 1983]
DEST — дестинатив	Px6 — серия посессивных суффиксов для образования локальных падежей [Хелимский 1983].
DUR — показатель дуративности	REFL — показатель возвратности
EP — эпентеза	REFL.PRON — лично-возвратное местоимение
FREQ — показатель фреквентативности	SG — единственное число
FUT — будущее время	sub — субъектное спряжение
GEN — генитив	SUBZ — словообразующий суффикс существительного
HAB — показатель хабитуальности	TRSL — транслатив
INF — инфинитив	VBLZ — словообразующий суффикс глагола
LAT1 — латив 1	X — основа имени
LAT2 — латив 2	
LOC1 — локатив 1, местно-временной	
LOC2 — локатив 2, местно-личный	
NOM — номинатив	
Nx — числовой суффикс	
ob — объектное спряжение	
PL — множественное число	
POSS — посессивный суффикс лично-притяжательного склонения	
PreVb — преверб	

Литература

Архив ЯНС — Архив Языков и народов Сибири Томского государственного педагогического университета, г. Томск. Том 58. (Записано в Иванкино, 1980—81 гг. Материалы собраны А. А. Ким, Н. П. Максимовой). {Archive of Siberian languages and peoples of Tomsk State Pedagogical University, Tomsk. Vol. 58. (Recorded in Ivankino, 1980—81. Materials compiled by A. A. Kim and N. P. Maximova).}

Беккер 1995 — Беккер Э. Г. и др. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Монография / Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Часть I. Томск, 1995. {Bekker E. G. et al. Morphology of the Selkup language. Southern dialects. Monograph / Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Ilyashenko I. A. Part I. Tomsk, 1995.}

Григоровский 1879а — Священная История (на остяцко-самоедском языке) / Составитель Н. П. Григоровский. Казань: Типография Императорского университета (Издание Православного Миссионерского Общества), 1879.

{Sacred history (in the Ostyak-Samoyed language) / Compiled by *N. P. Grigorovsky*. Kazan: Imperial University press (Orthodox Missionary Society edition), 1879.}

Григоровский 1879б — Объяснение Праздников Святой Церкви (на остяцко-самоедском языке) / Составитель *Н. П. Григоровский*. Казань: Типография Императорского университета (Издание Православного Миссионерского Общества), 1879. {Explanation of the Holydays of the Holy Church (in the Ostyak-Samoyed language) / Compiled by *N. P. Grigorovsky*. Kazan: Imperial University press (Orthodox Missionary Society edition), 1879.}

Григоровский 2007 — Южноселькупский словарь *Н. П. Григоровского*. Обработка и издание *Е. Хелимского*. Гамбург, 2007. {*N. P. Grigorovsky*. Southern Selkup dictionary of *N. P. Grigorovsky*. Edited and published by *E. Helimski*. Hamburg, 2007.}

Ким 1986 — *Ким А. А.* Выражение категории притяжательности в диалектах селькупского языка. Томск, 1986. {*Kim A. A.* The category of possessiveness in Selkup dialects. Tomsk, 1986.}

Кузнецова 1995 — *Кузнецова Н. Г.* Грамматические категории южноселькупского глагола. — Томск: Издательство Томского университета, 1995. {*Kuznetsova N. G.* Grammatical categories of the Southern Selkup verb. Tomsk: Tomsk University press, 1995.}

Кузнецова 1980 — *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В.* Очерки по селькупскому языку (тазовский диалект). Том 1. Издательство Московского университета, 1980. {*Kuznetsova A. I., Helimsky E. A., Grushkina E. V.* Essays on the Selkup language (the Taz dialect). Vol. 1. Moscow University press, 1980.}

Кузнецова 2002 — Селькупский язык: Учеб. пособие для пед.колледжей и высш. учеб. завед. / *А. И. Кузнецова, О. А. Казакевич, Е. В. Грушкина, Е. А. Хелимский*. — СПб., 2002. {The Selkup language: Textbook for teachers colleges and institutes of higher education / *Kuznetsova A. I., Kazakevich O. A., Grushkina E. V., Helimsky E. A.* SPb., 2002.}

Хелимский 1983 — *Хелимский Е. А.* Прасамодийские серии посессивов и их рефлексy // Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Институт славяноведения и балканистики АН СССР. М., 1983. {*Helimsky E. A.* Proto-Samoyedic series of possessives and their reflexes // Possessive category in Slavic and Balkan languages. Institute of Slavic and Balkan Studies of AS USSR. M., 1983.}

Хелимский 2007 — *Хелимский Е. А.* Северноселькупский словарь. Гамбург, 2007. {*Helimsky E. A.* Northern Selkup dictionary. Hamburg, 2007.}

Budzisch 2017 — *Budzisch J.* On the non-possessive use of possessive suffixes in Central and Southern Selkup // *Ural-Altaic Studies*. № 2 (25). 2017. P. 59—67.

Castrén 1854 — *Castrén M. A.* Grammatik der Samojedischen Sprachen, 1854.

Collinder 1955 — *Collinder B.* Comparative grammar of the Uralic languages. Stockholm, 1955.

SkWb 2004 — *Alatalo J.* Sölkupisches Wörterbuch. Helsinki, 2004.

РЕЗЮМЕ

В данной статье показано, какие изменения влечет за собой нарушение правильного порядка следования суффиксов в посессивных формах существительных в селькупском языке и что нарушение данного порядка также может свидетельствовать о непосессивном использовании лично-притяжательных суффиксов. А также проанализированы те случаи, когда суффиксы 1SG.POSS и 3SG.POSS могут входить в состав основы существительного, которое вместе с данными посессивными суффиксами склоняется по безличному типу склонения. Кроме того, описано, каким образом указанные посессивные суффиксы принимают участие в словообразовании, а также о чем может говорить их расположение в словоформах.

SUMMARY

The article shows what changes occur when one breaks the order of affixes in possessive noun forms in Selkup, which can reveal the occurrences of non-possessive use of possessive suffixes. Moreover, it demonstrates how 1SG.POSS and 3SG.POSS suffixes can be included into the stem of a noun and be declined according to the impersonal declination paradigm. Additionally, it describes the way in which the possessive suffixes contribute to word building.

Ключевые слова: селькупский язык, лично-притяжательное склонение, суффиксы посессивности

Keywords: Selkup language, possessive declination, possessive suffixes

Федотова Надежда Леонидовна, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск); nadia.krass@gmail.com

Nadezhda L. Fedotova, National Research Tomsk State University (Tomsk); nadia.krass@gmail.com

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — Грунина Э. А. Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — Janhunen J. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. Гурвич И. С. М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. Lessing F. Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — Kiefer F., Gyuris B. Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. Kiefer F. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — Nikolaeva I. Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. Fernandez-Vest J. Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — Иллич-Свитыч В. М. Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — Clark L. V. Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — Doerfer G. Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — Helimski E. База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редакторы
Е. В. Ковалева

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editors
Elena Kovaleva

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >